

Георгий Винс

Евангелие в узах

СЕВЕР

Нас двое в "воронке" - я и Анвар, не считая конвоя. "Воронок" - специальная автомашина для перевозки заключенных, обычно имеет одну большую камеру на 10-12 человек и одну-две маленькие одиночки для особо опасных заключенных. Охрана в "воронке" - два-три вооруженных солдата с автоматами - отделены от заключенных прочной решеткой.

Нас везут на Север, в лагерь. Мы и так уже на севере, в Якутии, в 6000 км от Москвы, но нас везут еще дальше... Анвар в общей просторной камере без наручников, а я - в специальной, очень тесной одиночке с металлической дверью. Мои руки плотно зажаты стальными наручниками. Старший из солдат охраны перед посадкой в "воронок" предупредил меня: "Смотри, не дури! Конвой стреляет без предупреждения!" И направил автомат в мою сторону, Анвар очень удивлен. Он громко кричит, чтобы я расслышал: "Георгий! За что тебя так?!" Он уже знает, что я верующий, что моя вина - это проповедь о Христе. Сам Анвар более 10 лет в заключении. Он из Азербайджана. Ему 45 лет, как и мне. Анвар небольшого роста, коренастый, большая стриженная голова с заметной проседью, черные усы на смуглом лице. Он говорит по-русски громко с очень сильным кавказским акцентом. Я с ним познакомился две недели тому назад в Иркутской тюрьме, откуда нас, человек 10 заключенных, этапировали самолетом в Якутск. Это примерно 1500 километров на север от Иркутска. До этого мы с Анваром дня три были в одной камере Иркутской тюрьмы, ожидая этапа на Север. Там и познакомились. Затем несколько дней мы были вместе уже в Якутской тюрьме, а потом дней десять в Якутском лагере в районе города Покровска.

Этот лагерь имеет странное название "Мохсоголлох", что значит по-якутски "Соколиная гора". На протяжении всех этих дней мы с Анваром много беседовали. Анвар с большим интересом расспрашивал меня о моей вере в Христа, о Евангелии, сам рассказывал о себе. Лет за десять до нашей встречи Анвар убил прокурора в городе Баку, и был осужден на 15 лет заключения. Но и в лагере он уже имел несколько приключений: кого-то ударил ножом, кому-то в драке пробил голову куском железа. Анвар считается очень опасным заключенным. Он уже побывал во многих лагерях и тюрьмах Сибири.

Лагерное и тюремное начальство его очень боится и старается не держать у себя, а отправить в другой лагерь. Обычно Анвара этапировывают в наручниках. И вот теперь он крайне удивлен, что лишился такой "привилегии".

"Георгий! Ты живой?" - снова кричит мне Анвар. Он что-то еще кричит, но я могу разобрать только часть его речи:

"А ты, оказывается, еще опасней, чем я!" Мне трудно ответить ему: мешает шум мотора через железные стенки моего "карцера". Машина едет по очень неровной дороге: сильно трясет, качает. Местами лежит снег, хотя уже и май месяц.

Нас везут в новый лагерь "Большая Марха", - это тоже лагерь строгого режима на расстоянии 100 км от старого лагеря. Только десять дней нас продержали в "Мохсоголлохе". А затем, по оперативным соображениям, как нам объяснили, нас отправили в новый лагерь, где меньше заключенных и где легче следить за каждым. Дорога очень плохая: много ям и трещин в асфальте из-за больших морозов в зимнее время. Поэтому, хотя расстояние и небольшое, наш путь займет несколько часов. Через маленькое круглое застекленное окошечко в дверце моего стального "стакана" вижу двух солдат, а за решеткой - Анвара. Они оживленно беседуют. Анвар им что-то объясняет и показывает рукой в мою сторону. Я понимаю, что солдаты - молодые ребята, и не они решают, куда и как меня этапировать, с наручниками или без наручников. Это решает Москва, высокое начальство. Для них я, как верующий, очень опасный преступник, опаснее Анвара! Однажды, в одном лагере, еще на Северном Урале, в мой первый срок, начальник лагеря мне прямо сказал: "Лучше, если бы ты был вор или убийца, чем верующий!" Рядом с лагерем, откуда нас этапировывают, расположен большой завод. На нем изготавливают различные железобетонные конструкции: панели, балки для сооружения жилых и производственных зданий на Севере. Завод охраняется войсками Министерства внутренних дел, или сокращенно МВД. Он, как и лагерь, окружен высоким массивным забором из бревен. Колючая проволока, звуковая и световая

сигнализация, солдаты с автоматами и большие сторожевые собаки-овчарки - все это в системе охраны. Часто над лагерем ночами раздаются выстрелы. Это стреляют в ночное небо солдаты со сторожевых вышек для профилактики. Это напоминание тем, кто мечтает о побеге. На заводе трудятся около 2000 заключенных и около 500 человек вольных. Завод работает почти круглые сутки, в две смены. Рабочая смена заключенных - не менее 10 часов. Дважды в день, утром и вечером, из жилой зоны лагеря солдаты выводят большую колонну в 1000 человек и медленно ведут ее в сопровождении собак на расстояние одного километра до завода. Когда я впервые попал на завод, начальник электроцеха, вольный молодой человек лет двадцати пяти, очень обрадовался мне. Он уже знал, что я инженер-электрик. "Вы нам поможете в составлении электрических чертежей завода, в технической документации. У нас документация в жалком состоянии, особенно кабельное хозяйство".

Я - заключенный, и не я выбираю, где мне работать и кем работать. В мой первый лагерный срок (1966-1969 гг.) на Северном Урале я работал в лесу, на лесоповале. Зимой морозы достигали - 60 градусов Цельсия и было очень много снега. Колонна заключенных буквально тонула в снегу, с трудом прокладывая себе путь к месту работы. Летом - тучи комаров и мошек. Не было от них спасения ни в лесу, ни в жилых бараках, и не помогали никакие защитные средства.

Лицо, шея, руки буквально распухали от немилосердных комариных укусов. А весной и осенью - частые проливные холодные дожди. И все это время работа под охраной солдат под открытым небом, в лесу. Холод и промозглая сырость, одежда и обувь постоянно мокрые. От простуды все тело покрыто болезненными нарывами.

А теперь, в лагере "Мохсоголлох" я получил на заводе светлую просторную комнату с письменным столом и чертежной доской, шкафом для технической документации. Как рад я был, что смогу иметь каждый день несколько часов уединения в этой комнате. Очень трудно постоянно, днем и ночью, находиться среди людей, слышать крики, ругань, ссоры и драки между заключенными. А здесь, отложив в сторону чертежи, я могу несколько раз в день спокойно наедине помолиться моему Господу. Я могу также свободно ходить по многочисленным цехам завода и знакомиться с работой электрического оборудования, а главное - с людьми. Я ищу верующих, моих братьев во Христе.

Часто заключенные спрашивают:

- За что ты осужден, Георгий?

- За веру в Бога! - охотно отвечаю и делюсь с ними моим упованием на Господа.

Но через несколько дней моего пребывания в лагере меня вызвал в свой кабинет один из офицеров оперативного отдела лагеря - маленький, щуплый, с тонким писклявым голосом.

- Нам известно, - сказал он, враждебно глядя мне в глаза, - что вы на заводе хотите создать тайную типографию для печатания религиозных брошюр. Мы этого не позволим! Мы вас посадим в карцер!

- Я не понимаю, о чем вы говорите?! - удивился я. - Какая типография? Какие брошюры?

- Не притворяйтесь! - офицер стукнул маленьким кулачком по столу. - Вы - опасный рецидивист! Сотни наших людей будут следить за каждым вашим шагом в лагере, за каждым словом в жилой зоне и на заводе. Не смейте молиться, никому не говорите о Боге!

Он старался говорить несуществующим у него баском, и поэтому голос его звучал смешно и не производил устрашающего впечатления.

- В отношении создания типографии, я должен открыто сказать, что у меня и мысли подобной не было. Да это практически и невозможно в лагере. А что касается молитвы, то это мое личное право; я - верующий человек, и я буду верить и молиться моему Богу. Буду молиться и за вас. чтобы Господь дал вам покаяние и спасение вашей души, - спокойно сказал я офицеру.

- Не смейте молиться за мою душу! - почти взвизгнул офицер. - Вы еще пожалеете об этом разговоре! - бросил он мне вдогонку, отпуская из кабинета.

Это было несколько дней тому назад. И вот теперь везут меня в наручниках в другой лагерь. Как это понимать?! То, что меня изгоняют из лагеря "Мохсоголлох" - это мое поражение? Нет! Это победа во Христе! Атеистические власти боятся наших "христианских молитв и открытого свидетельства о Боге!". "Благодарение Богу, даровавшему нам победу Господом нашим Иисусом Христом" - повторял я знакомый стих из 1 Коринф. 15:57. "А что ждет меня впереди? Это знает мой

Господь, и я в Его надежных руках!" - продолжал я размышлять. В моем сердце Господь записал много замечательных стихов из Библии, и среди них один из самых дорогих и любимых, Иеремии 29.11: "Ибо только Я знаю намерения, какие имею о вас, говорит Господь, намерения во благо, а не во зло, чтобы дать вам будущность и надежду". Атеизм пытается отнять у верующих будущность, лишить нас надежды. Но Господь имеет свои вечные планы о нас, о Церкви Своей, и только Он знает эти планы во благо нам. Никто не отнимет у нас нашего Бога, нашу светлую, победную будущность и надежду!

Когда солдаты выгрузили нас из "воронка" и повели в новый для нас лагерь, Анвар, глядя на мои руки в наручниках, в которых было так неудобно держать мешок с личными вещами, качал головой и приговаривал: "Георгий! Я - убийца, я - рецидивист, так написано в моем деле, и я без наручников! А ты - верующий, и в наручниках! Ай, ай, ай! Как нехорошо они с тобой поступают. Ты - Божий человек, никого не убивал, никого не ударил ножом! Ай, ай, ай! Как все-таки нехорошо они делают!" Нас завели на вахту. Меня - прямо в наручниках. Лагерь назывался "Большая Марха" по имени речки, протекающей недалеко от лагеря. На вахте в это время находились начальник лагеря и дежурный офицер. Было уже часов 10 вечера. Конвой передал пакеты с нашими личными делами.

Начальник вскрыл пакеты, немного почитал и заявил конвою:

- Вези их назад! Я их не приму. У меня хватает своих головорезов! - Так он охарактеризовал Анвара и меня.

Но конвойный офицер, доставивший нас, запротестовал:

- Я получил приказ доставить их к вам, в "Большую Марху". Принимайте!

- Не приму! - отрезал начальник. - Этого я знаю. - указал он на Анвара, - он уже прошел через все наши лагеря на Севере! А кто этот? Почему в наручниках? - спросил начальник, указывая на меня.

- Мне так приказали: этапировать его только в наручниках, - ответил конвойный офицер.

- В чем ваше преступление? За что вас судили? - обратился ко мне начальник лагеря.

- Я - христианин! И за веру в Бога лишен свободы на 10 лет, - ответил я начальнику.

- Баптист? - уточнил начальник.

- Да, баптист. - подтвердил я.

- Вези их обратно! Мне еще не хватало здесь баптистского агитатора! Хорошая пара - указал начальник на меня и Анвара - убийца и баптист. Вези обратно. Я их не приму! повторил он и вышел с вахты.

Конвойный офицер, доставивший нас, стал звонить куда-то по телефону, затем доказывал что-то дежурному офицеру.

Дежурный офицер тоже, в свою очередь, куда-то звонил... А мы с Анваром все стояли и ждали своей участи. Мы очень устали, и нам было все равно, какой лагерь, лишь бы лечь поскорее и выспаться.

- Гражданин начальник! - обратился Анвар к дежурному офицеру. - Разрешите присесть? Устали очень!

- Ничего, постоишь! Таких бандитов, как ты с этим баптистом, расстреливать надо, а не возить по лагерям! грубо ответил дежурный.

А наручники стали тесными, если пошевелить рукой, они автоматически защелкивались, еще туже сжимая запястье. Я обратился к конвойному офицеру:

- Гражданин офицер! Снимите наручники, очень жмут.

- А ты молись своему Богу. пусть Он их снимет с тебя! издевательски ответил конвойный офицер.

Я замолчал, стараясь не шевелить руками. Офицер что-то сказал одному из солдат. Солдат подошел ко мне и снял наручники. Какое облегчение... Руки отдохали, наслаждаясь свободой. Наконец, примерно через час, лагерь нас принял. Солдаты лагеря произвели обыск наших вещей и нас лично обыскали. А затем один из солдат повел нас в лагерь, в жилой барак.

В новом лагере меня поместили в барак, где жили электрики, и сразу же определили на работу в их бригаду. Рядом с жилой зоной был расположен кирпичный завод, на котором работали заключенные. Завод был расположен на очень низком и сыром месте, почти на болоте: кругом грязь, вода. Обувь постоянно мокрая, ноги сырые. Холодно.

Лагерь небольшой, всего человек на 700 заключенных. Пища плохая, хлеб сырой, непропеченный. Но самое главное ужасно плохая вода, с большой примесью солей, неприятная на вкус и вредная. Жилые помещения, бараки были очень переполнены, по ночам страшно спертый, тяжелый воздух. В каждом бараке по 150 заключенных. Койки железные, в два яруса. На каждой койке деревянные доски, а на них тоненький ватный матрац и тонкое одеяло сверху.

В первые дни пребывания в лагере у меня не было ни бумаги, ни конверта, ни карандаша, ни ручки. Нечем и не на чем написать письмо родным, чтобы сообщить о моем новом местонахождении. Люди кругом все незнакомые. Как-то вечером, после работы, я зашел в одну из комнат барака (или в "секцию", так их называют в лагере). В этот момент там почти никого не было. Все заключенные курили в коридоре или занимались какими-то своими делами во дворе лагеря в свободный вечерний час перед сном. Я заметил в комнате барака только двух-трех человек. Ближний ко мне лежал на верхней койке. Это был паренек лет двадцати. Я уже видел его на работе в нашей бригаде электриков, но еще не был с ним знаком. Он что-то читал. Я направился к нему, хотел попросить лист бумаги и ручку, чтобы написать письмо родным. Но когда я стал к нему приближаться, он быстро бросил на меня взгляд и молниеносно спрятал под подушку какую-то небольшую книгу. Что-то очень дорогое и знакомое напомнила мне эта книга. Я не ошибся. Это было Евангелие. Конечно, этот человек еще не знал, кто я такой, за что осужден, не знал, что я верующий. Он только знал, что я новый заключенный в лагере. Но для меня это была большая неожиданность - увидеть Евангелие в северном лагере, да еще в руках молодого заключенного. Я чуть было не крикнул: "Великий Господь! Удивительны пути Твои! Даже в самые мрачные и отдаленные места земли проникает Твое Слово!" Но кто он, этот заключенный, читающий в лагере Евангелие? Мой брат во Христе? Мой будущий друг? На его лице было написано явное неудовольствие: я прервал его приятное и секретное занятие. Он выжидающе, недоверчиво смотрел на меня. Казалось, его взгляд с тревогой вопрошал: "Что тебе нужно? Кто ты такой? Заметил ли ты Евангелие? А если да, то не донесешь ли теперь об этом начальству?" Я извинился, не подавая вида, что заметил книгу, и сказал:

- Я с последнего этапа. Два дня как в вашем лагере.

Хочу написать письмо семье. Но пока еще у меня нет ни бумаги, ни конверта, даже ручки нет. Может быть, ты поможешь мне в этом?

- Хорошо! - ответил мой новый знакомый и быстро спрыгнул с верхней койки.

Это был худощавый молодой человек с подвижным лицом и выразительными карими глазами. Очень аккуратный, в чистых черных брюках лагерного покроя и в синей майке. На голове у него, как и у всех заключенных, не было волос - лагерная нулевая стрижка. Он достал из своей тумбочки несколько листов бумаги, дал мне конверт с почтовой маркой и ручку. Я поблагодарил его. Он смотрел на меня уже без подозрения, а затем спросил:

- Откуда ты, за что сидишь?

- Я из Киева, верующий. Осужден на 10 лет за веру. Это уже мой второй срок заключения. Первый раз - три года. тоже за веру, отбывал в лагерях Северного Урала.

Теперь он вглядывался в меня с интересом.

- За веру?!

- Да. а ты за что осужден? - спросил я. - Тоже за веру?

- За другое... - с неудовольствием в голосе ответил он.

В этот момент в помещение, о чем-то громко разговаривая, зашла группа заключенных, и я, кивнув головой моему новому знакомому, вышел из секции. Как дорого для каждого верующего в этой земной греховной пустыне, и особенно в лагере, встретить человека верующего или хотя бы только ищущего Истину в Слове Божьем. Кто же он, этот молодой человек? За что он находится здесь? Явно, не за веру! Он сам сказал: "За другое!". И вот теперь здесь, в лагере, он тайно читает Евангелие! Как Евангелие попало к нему? Что происходит в его душе? Я должен молиться за эту душу.

На следующий день вечером, после работы, мы опять разговаривали с моим новым знакомым. Я уже знал, что имя его Виктор, ему 22 года, и он был дважды судим за ограбление банка. В лагере он находится уже три года, а весь срок его заключения - 15 лет.

- Я хорошо знаю верующих. - так начал Виктор, когда мы встретились. У меня две тети верующие. Одна моя тетя была учительницей в школе. Она преподавала математику, и за то, что верила в Бога, была уволена с работы. Теперь она работает на фабрике простой рабочей. И вторая моя тетя верующая.

Моя мама немного верующая, еще на распутии. Она много перестрадала в своей личной семейной жизни, когда отец бросил семью. Отец - пьяница, бил маму и нас, детей, и мы его очень боялись. Маме пришлось много работать, чтобы нас кормить и воспитывать. Она редко бывала дома: все на работе. Меня и моего старшего брата воспитала улица. Мама и мои верующие тети не знали, чем я занимался... И вот теперь я здесь. Мы жили в Сибири, в небольшом городе К. Там есть верующие. Они собираются на молитву в своих домах. Я многих из них хорошо знаю. Их часто разгоняет милиция. Моя мама тоже иногда посещает собрания. И я сам несколько раз бывал в собрании, так, ради любопытства.

Виктор рассказал, что несколько служителей Церкви, которых он лично знал, были арестованы и находятся в настоящее время в заключении. Но все верующие очень бодрые, радостные, много молодежи в этой церкви. На этом наш разговор в тот вечер закончился. Но Виктор мне в этот вечер так и не сказал, что у него есть Евангелие: все изучал меня.

Виктор написал своей верующей тете письмо из лагеря. В письме он упомянул и обо мне. Вскоре тетя прислала Виктору очень теплое письмо: она была осторожна, не называла моего имени прямо, но выражала радость, что в лагере есть верующий, и она советовала своему племяннику, чтобы он был поближе ко мне. Тетя очень переживала за него, за его жизнь.

Она хотела, чтобы он оставил свой греховный путь, и стал верующим. Виктор очень оживился, когда рассказывал о тете:

- Подумать только, окончила университет и стала верующей! Она - настоящая верующая. Когда ей власти предложили: "Работа или Бог!", она ответила: "Бог!". И ее уволили из школы и уже больше никогда не разрешили преподавать в школе.

- Твоя тетя - герой веры! А когда это случилось, что ее уволили с работы за веру? - спросил я Виктора.

- Лет пятнадцать тому назад, - ответил Виктор. - Ее муж тоже был верующий. Его арестовали за веру, как и вас. Он умер в тюрьме! - Виктор с восхищением рассказывает о своем верующем дяде. Он никогда его не видел и знает о нем только со слов своей тети и мамы. - Он был проповедником Евангелия и, тетя говорит, очень хорошим проповедником.

Многие верующие до сих пор вспоминают его. Я очень уважаю настоящих верующих! - говорит Виктор.

- Были ли у них дети? - спросил я.

- Не было, - ответил Виктор. - Тетя хотела взять меня к себе на воспитание, когда нас отец бросил, но я не захотел. А зря! Был бы другим человеком и не совершил бы преступления.

- Виктор, - говорю я ему, - ты можешь и теперь стать другим человеком, новым человеком во Христе. Господь любит тебя. Он умер за тебя и дарует прощение грехов и новую жизнь! Только прими Его в свое сердце.

Примерно через день Виктор сказал мне о Евангелии:

- У меня есть Евангелие! Хочешь почитать?

Но я понимал, что особенно в первое время в лагере за мной будет большая слежка и сказал:

- Спасибо, что ты предлагаешь мне Евангелие. Я очень люблю эту Книгу, но сейчас я должен воздержаться, потому что за мной следят, возможно, десятки людей наблюдают за каждым моим шагом по указанию оперативного отдела. Лучше попозже. Нужно сохранить Евангелие, и в первую очередь для тебя!

Виктор сказал, что не он один читает Евангелие. Вместе с ним интересуется Евангелием и его друг, тоже заключенный, который работал в лагере в бригаде электриков. Я как-то спросил Виктора:

- А как к тебе попало это Евангелие?

- Тетя передала во время свидания в прошлом году, и я пронес его в лагерь.

- Какая же у тебя удивительная тетя! - сказал я Виктору. А сам подумал: "Сколько их - героинь веры в гонимом братстве Христовом. Через многие десятки лет жизни, через суровые испытания они пронесут яркий светоч учения Христа и сохраняют верность Ему!" Вечером я горячо молился за Виктора и благодарил Господа за тетю Виктора и его дядю, за все гонимое братство Христово: верное Богу, мужественное, жертвенное. Как я благодарен Господу, что Он и меня приобщил к этому братству!

Через две недели после моего прибытия в лагерь, был генеральный общелагерный обыск или "шмон" - по-лагерному.

Такой обыск в лагере проводят обычно один раз в году, весной или в начале лета. Ранним утром, в воскресенье, всех заключенных выгоняют из жилых бараков на площадь посреди лагеря со всеми личными вещами. Много ли вещей у заключенного? Матрац да одеяло, да и то казенные. Еще на мне телогрейка, брюки, куртка из черного хлопчатобумажного материала специального тюремного покроя. Летняя и зимняя обувь, смена белья, 2-3 книги, да еще кружка и ложка алюминиевые - вот и все вещи арестанта. И вот теперь 700 заключенных с их скудными пожитками проходят тщательный обыск.

Прямо на землю перед солдатами заключенные кладут свои вещи. Солдаты тщательно обыскивают каждого заключенного и его вещи. Иногда заставляют все снять, всю одежду до нижнего белья, и обувь. Там же находятся и офицеры. А в это время человек сто солдат и офицеров производят обыск в жилых бараках. Выбрасывают из бараков все бумаги, книги, тряпки, старую обувь и пр. И тут же все это грузят на грузовики и вывозят за зону лагеря... Меня обыскивали непосредственно сами лагерные работники КГБ - офицеры оперативного отдела. Они просмотрели все мои бумаги: мой приговор, обвинительное заключение, мои судебные записи, а также постель, одежду и обувь. Буквально каждую тряпочку, каждый шов моей одежды прощупали, все что-то искали. Долго и тщательно обыскивали. У Виктора солдаты обнаружили Евангелие, спрятанное в белье, показали ближайшему офицеру.

- Евангелие! - торжествующе закричал офицер и высоко поднял над головой маленькую книжечку. Многие обернулись на громкий возглас офицера.

- Запрещено! Где взял? - помощник начальника лагеря, стоявший в стороне, подбежал к Виктору: "Кто дал тебе Евангелие?" Виктор стоял опустив руки, несколько растерянный. Я находился недалеко от Виктора. Офицеры уже заканчивали мой обыск. Почти все они, кроме одного, бросив обыскивать меня, побежали смотреть Евангелие. Один офицер сказал:

- Не успел этот баптист прибыть в лагерь, как начал заниматься религиозной пропагандой! - И внимательно посмотрел на меня.

Другой подошел с Евангелием ко мне:

- Это ваше Евангелие?

- Нет! - ответил я.

- А как же оно сюда попало? Кто его принес в лагерь? снова вопрос офицера.

Я молчал.

- Почему молчите?

- А что преступного вы находите в Евангелии? - спросил я офицера. Это Божья Книга - весть о любви Божьей и спасении людей!

Офицеры стали внимательно рассматривать Евангелие и медленно вслух читать отдельные стихи из него. В это время подошел старший офицер оперативной части. Он также взял Евангелие в руки и полистал страницы. Затем, глядя попеременно то на меня, то на Виктора, спросил:

- Так чье же это Евангелие? Кто его пронес в лагерь?

- Это мое Евангелие. Моя тетя передала мне его на свидании в прошлом году, - ответил Виктор.

Но офицеры ему не поверили. А день был удивительно теплый, солнечный. Было уже начало июня. Наступило короткое, но жаркое якутское лето. Прилетели птицы из южных стран: Филиппин, Японских островов. Китая. Много птиц: ярких, веселых и таких удивительно свободных. Оживленно щебеча, они веселыми стайками носились в небе. Обыск закончился. Заключенные возвращались в свои бараки. Группа офицеров еще долго стояла посередине зоны, на месте обыска. Офицеры оживленно рассматривали Евангелие, что-то читая из него.

Виктор подошел ко мне после обыска. Он был спокоен, не унывал.

- Ничего, мы еще достанем Евангелие! Я и для вас достану, - сказал он мне.

Я указал ему на группу офицеров с Евангелием:

- Им тоже нужно знать о Боге! Видишь, как внимательно рассматривают и читают. Возможно, они первый раз в жизни держат в руках эту книгу.

Случай с Евангелием, обнаруженным во время обыска, стал известен многим заключенным в лагере. Они так и считали, что это было мое Евангелие. Часто подходили ко мне заключенные и спрашивали: "Расскажи, о чем там написано!" Большинство из них никогда не читали Слова Божьего.

Как-то один из заключенных спросил: "А что написано в Евангелии про Китай? Правда ли, что Китай победит весь мир?" Это было время напряженной обстановки между СССР и Китаем. Но были и такие, кто раньше читал Евангелие или слушал христианские радиопередачи на русском языке с Запада. Один заключенный, бывший моряк, мне рассказывал, как во время заграничных рейсов он приобретал русские Библии и Евангелия в иностранных портах и тайно провозил домой. продавал. Главный же вопрос у всех был: кем был Христос и что говорит Евангелие о жизни после смерти?

Интерес к Слову Божию после обыска дал возможность засвидетельствовать многим о спасении и жизни вечной во Христе. Со временем образовался целый круг заключенных, которые хотели бы почитать Евангелие. Часто наша беседа о Боге прерывалась их возгласами: "Вот бы почитать Евангелие!

То, что ты говоришь - хорошо, но вот бы самим почитать!" Я стал молиться об этом и верил, что Господь может послать в лагерь Свое Святое Слово! Но меня ждали еще большие испытания вскоре после обнаружения Евангелия в лагере.

Для того, чтобы как можно сильнее ухудшить мое положение в лагере, а также чтобы полностью контролировать все мое время, буквально каждую минуту, начальство лагеря объявило меня очень опасным заключенным, склонным к побегу из лагеря. Мне дали так называемую "красную полосу". Какого-то вечером, после работы, по лагерному радио меня вызвали на вахту. Когда я пришел на вахту, там, кроме дежурного офицера, находилось еще несколько офицеров. В их присутствии дежурный офицер мне объявил: "По решению администрации исправительно-трудового учреждения вы объявлены лицом, склонным к побегу, и подлежите специальной проверке, особому контролю!" И он объяснил новые требования ко мне: "Через каждые два часа вы должны являться на проверку к начальству лагеря на вахту за исключением, конечно, периода сна. "Ваше спальное место в бараке теперь будет рядом с "побегушниками"! - продолжал объяснять офицер, называя "побегушниками" тех, кто уже совершал побеги из лагеря, но был пойман или был разоблачен при подготовке к побегу. "Это специальное место у входа в барак" - объяснил мне офицер. - В течение ночи ваше нахождение на этом месте в бараке будет постоянно проверяться солдатами. Спать только на спине, с открытым лицом!" Это было так неожиданно, что, полагаю, недоумение и смущение было выражено на моем лице. Один из офицеров, насмешливо глядя на меня, пояснил:

- Вот, доигрались с вашей верой и получили "красную полосу"! Теперь все будут знать, что вы очень опасный рецидивист.

- Но я не готовлюсь к побегу, я не уголовник, я - верующий! В чем же моя опасность для лагеря? - спросил я у дежурного офицера.

А потом я добавил:

- Я не слышал еще ни одного случая, чтобы кому-нибудь из верующих давали "красную полосу".

- Это решение вступает в силу немедленно! - строго сказал дежурный офицер.

- Дайте мне это решение, я должен сам его прочитать, попросил я. Офицеры громко рассмеялись:

- Ну, кто же дает оперативные решения в руки заключенного?! Какая наивная просьба!

Но я не отступал. Я спросил дежурного офицера:

- А вы, гражданин офицер, сами-то читали это решение?

Он несколько замялся:

- Мне поручили объявить вам решение о "красной полосе"!

- А вы читали это решение? - спросил я офицеров.

Они промолчали. А потом один из них громко крикнул, назвав мою фамилию:

- Вы что, отказываетесь выполнять приказ?! На вас теперь "красная полоса"! Вы склонны к побегу! Солдаты охраны имеют право стрелять в вас при малейшей попытке к побегу!

Вы поняли всю серьезность этого решения?! К чему дискуссии:

вы под стражей, вы - преступник в глазах закона! В лагере только 10 человек - самых отвязанных преступников, склонных к побегу, и один из них - вы.

Я ответил:

- Я буду выполнять все ваши указания, что касается "красной полосы". Как христианин я считаю себя обязанным подчиняться власти во всех вопросах, кроме вопроса веры!

Но я должен заявить, что не собираюсь в побег, и что это решение о "красной полосе" не ваше решение, не решение администрации местного якутского лагеря, а решение Москвы! Я рассматриваю это решение, как подготовку к покушению на мою жизнь!

Офицеры вскочили с мест, стали кричать, перебивая друг друга:

- Это неслыханно! Что он говорит? Он обвиняет Москву в покушении на его жизнь!

Я стоял перед ними, опустив руки по швам, как положено заключенному. Офицеры подбежали ко мне, разгневанные, возбужденные: "При чем здесь Москва? Мы решили дать вам "красную полосу"! Ваша вера опасней любого преступления!" - кричали офицеры. Дежурный офицер, обращаясь ко мне, крикнул: "Разговор окончен! Возвращайтесь в барак и переселяйтесь на ваше новое специальное место. Вам скажут, куда!"

Без пяти минут десять, перед отбоем, придете уже сегодня на проверку ко мне, на вахту! И так будет каждый день!" Когда я вернулся в свой барак, то увидел, что моя постель перенесена поближе к дверям барака. Перед отбоем, около 10 вечера, я пошел через весь лагерь на вахту, на проверку. Подойдя к дежурному офицеру, я должен был отрапортовать: "Гражданин начальник! Осужденный Винс явился на проверку!" Дежурный офицер взял специальный журнал, куда была внесена моя фамилия, и отметил, что я еще не убежал.

Затем я вернулся в барак. Перед сном я помолился и предал себя в руки Божии. Вскоре в бараке потушили свет и около 50 человек в нашей секции погрузились в сон. Я лег на спину, как меня предупредил дежурный офицер, хотя я привык спать на правом боку. Но ничего не поделаешь, нужно привыкать к новым требованиям. Сколько я спал, не знаю, но меня разбудил яркий свет электрического фонаря, бьющий прямо в лицо.

Я проснулся, ничего не понимая. "Как фамилия?" - надо мной склонилась незнакомая солдатская фигура. Я забыл уже о "красной полосе" и о проверке. "Как фамилия?" - спрашивал кто-то полупшепотом и тряс меня за плечо. Я назвал свою фамилию.

"Имя, отчество, год рождения?!" - спрашивал солдат, сверяя мои ответы с учетной карточкой в его руке. "Почему спите на боку? Спать только на спине!" - приказал солдат, удаляясь.

Я сразу же заснул, но вскоре меня снова кто-то тряс за плечи: "Встать! - командует солдат. - Почему спите на боку?!"

Только на спине, лицо всегда должно быть открыто!" Затем снова те же вопросы: фамилия? имя? отчество? И так несколько раз в течение ночи.

Утром в 6 часов, страшно разбитый физически, не отдохнувший, я пошел на вахту и доложил, что еще не убежал. Затем 10 часов работы на заводе с хождением на вахту через каждые два часа. А ночью опять изнурительные проверки с ярким слепящим светом в глаза. Было мучительно трудно... В это время Слово Божие, записанное в моем сердце, особенно ободряло и укрепляло меня: "Если я пойду и долиною смертной тени не убоюсь зла, потому что Ты со мною". Так написал когда-то псалмопевец Давид в 22 Псалме, так повторяли в течение многих столетий те, чей путь проходил долиною смертной тени.

Вскоре о "красной полосе" стало известно моей семье и многим верующим как в СССР, так и на Западе. Многие молились обо мне. В связи с этим на Западе произошел один курьез: христианская миссия в Калифорнии, узнав о "красной полосе" и не поняв смысла ее, сообщила, что мне на лбу и на лице начальство лагеря нарисовало несмываемой краской красную полосу. Я понимаю тревогу христианских друзей Запада, что они, как могли, представили себе и широко распространили известие, что я в очень тяжелом положении в лагере. На самом же деле, в моих лагерных документах и на моей бирке с фамилией, прикрепленной к моей кровати в жилом бараке лагеря, была нарисована красная полоса. Но главная неприятность "красной полосы" заключалась в том, что не было мне с ней покоя ни днем, ни ночью. Казалось, лучше бы мне на лбу или на лице нарисовали сколько угодно красных полос, лишь бы я мог спокойно поспать хотя бы одну ночь! Ведь каждый день, с раннего утра, меня ожидала тяжелая работа на лагерном кирпичном заводе.

Примерно через месяц после моего прибытия в "Большую Марху", в одно из воскресений, ранним утром часа в 4, весь лагерь был поднят по тревоге. Лагерное радио громко объявило: "Подъем! Подъем! Всем осужденным срочно собраться на этап!" И так повторялось несколько раз. Солдаты и офицеры вбегали в жилые бараки и торопили заключенных: "Выходите из бараков! С вещами! Быстрее! Живей!" Заключенные спрашивают друг у друга: "Куда нас повезут?! Почему весь лагерь?!" Один из заключенных кричит: "Москва приказала всех эков "в расход"! Расстрелять! Хватит с нами возиться, с преступниками!" Все это он говорит почти серьезно, но выбирая время, когда поблизости нет офицеров. Второй заключенный вторит первому: "Пропали мы, ребята! Китай напал на нас, теперь всем в лагерях - крышка, перестреляют нас еще до прихода китайцев!" Когда все заключенные покинули бараки, в лагерь вошли большие грузовики. Заключенных по спискам грузили в машины и под охраной куда-то увозили. Нас же, особо опасных с "красной полосой", отделили от остальной массы заключенных и под усиленной охраной в крытом "воронке" увезли последними из лагеря. Ехали мы недолго, не более часа. Наш лагерь перевезли на новое место, в 25 км от города Якутска.

Но "красная полоса" сохранилась для меня и на новом месте.

Новый лагерь носит название "Табага" по имени небольшой реки, впадающей в одну из больших рек Сибири - Лену.

В этом лагере был большой лесопильный завод, а число заключенных в лагере достигало 1500 человек. Меня назначили на работу электриком в лесопильный цех. Электрическое оборудование в нем было в очень плохом состоянии. Часто цех не работал из-за электрических неполадок. Работы по починке было очень много. А я, кроме того, должен был из-за "красной полосы" во время работы отлучаться на вахту для отметки.

Цех мой находился на расстоянии почти одного километра от вахты. Приходилось быстро бегать на вахту несколько раз за смену.

Трудности заключались еще и в том, что оперативный отдел лагеря тоже не оставлял меня в покое. Начальник этого отдела часто вызывал меня на беседу и призывал отказаться от Бога. Он, насмешливо улыбаясь, говорил: "Бог - это выдумка невежественных людей! Кто в наши дни верит в Него?"

Бог - мертвый! Его нет! Зачем вам пытаться оживить религию? В нашем обществе нет места религии. Ваша вера - это вчерашний день. Как глупо губить свою жизнь ради несуществующего Бога! Вы - инженер, окончили советский институт, вы изучали марксизм-ленинизм! Почему же вы посвятили себя пропаганде религии?! Сегодня вы заключенный, да еще и рецидивист с "красной полосой"! Вы никогда не выйдете на свободу! Выбирайте: или Бог, или свобода!" Такие беседы он проводил со мной много раз, по вечерам, после работы. Отвечать ему что-либо, объяснять не было смысла: он ничего и слушать не хотел. Он нагло издевался над святыней, перебивал меня. "Я вам не верю, я не верю вашему Богу! Вам нет выхода из лагеря!" - утверждал оперативник.

В это трудное время моя душа так жаждала общения с Господом через молитву, через Слово Божие. Мне так недоставало духовного общения с Церковью Христовой... Приходили на память дорогие стихи из Книги Псалмов: "Как возделенны жилища Твои, Господи сил! Истомилась душа моя, желая во дворы Господни; сердце мое и плоть моя восторгаются к Богу живому" (Псалом 83:2-3). "У Тебя исчислены мои скитания; положи слезы мои в сосуд у Тебя, - не в книге ли они Твоя?" (Псалом 59:9). И из Книги Иова: "Знаю, что Ты все можешь, и что намерение Твое не может быть остановлено" (Иов 422).

В это трудное время Господь неожиданно послал мне большое утешение. Однажды зимой ночью меня разбудил ночной дежурный по бараку, тоже заключенный:

- Быстро вставай! Дежурный по лагерю вызывает тебя на вахту!
- Что случилось? - спрашиваю.
- Не знаю. Дежурный офицер велел тебе немедленно прибыть на вахту!

Быстро одеваюсь. Время - час ночи. Очень хочется спать.

На дворе страшно холодно, резкий ветер со снегом. Холодные иголки снежинок впиваются в лицо, в руки. Иду через пустынную лагерную площадь на вахту. Так тоскливо кругом, одиноко... Таким себя чувствую заброшенным, всеми забытым в этом жестоком арестантском мире. И кажется, что нет никакой другой реальности, кроме этого мрачного лагеря: нас заключенных, и охраны, этого гнета и рабства. И вот теперь новая тревога и неизвестность... Мысли обгоняют одна другую: "Почему среди ночи подняли? К чему такая спешка? А может быть, меня на этап, в другой лагерь?! Что меня ждет?" А как мучительно хочется спать! Ноги сами готовы повернуть обратно в барак, где тепло и почти уютно, хотя и очень душно...

На вахте офицер и несколько солдат. Стараюсь прочитать на их лицах, что произошло. Офицер - высокий полный человек. "Следуйте за мной", - кивает он головой в сторону своего кабинета. Идем по коридору. Офицер открывает кабинет. На столе стоит радиоприемник и слышится знакомая мелодия: "Что за Друга мы имеем". Что это? Наш гимн?!

Странно, неужели офицер любит наши гимны? "Садитесь и слушайте!" Он увеличил громкость, в кабинете звучит евангельский гимн. Я сажусь ближе к приемнику.

- Программа будет продолжаться два часа. Хотите слушать?
- Да, конечно, большое спасибо! - в недоумении, но радостно отвечаю. Сон, как рукой сняло.

Офицер очень серьезно:

- Только не касайтесь руками радиоприемника и не переключайте его на "Голос Америки"!
- Хорошо! Спасибо!

Офицер ушел. А я преклонил колени и помолился, поблагодарил Бога за эту возможность. Из радиоприемника неслись слова Божьей Истины: проповеди, пение христианских гимнов, молитвы. Одна получасовая программа сменялась другой. Когда проповедник молился, я тоже вставал и молился.

Когда пел хор, и я присоединился к пению и тихо пел. А с какой жаждой душа моя впитывала давно не слышанную проповедь - свидетельство о Христе, о Его любви, силе и премудрости! Чудный Господь! Как Он в такое трудное, в самое нужное для меня время привел меня на это радиособрание.

Слава Тебе, мой Иисус! Несколько раз открывалась дверь, и в кабинет заходил дежурный офицер.

- Как слышимость? - спрашивал он.
- Хорошая, очень хорошая! - отвечал я.

Так я наслаждался целых два часа. А затем наступила тишина... Минут через пять вошел офицер, выключил приемник.

- Ну, как? Вы довольны передачей? - спросил он меня.
- усаживаясь за стол напротив.

- Очень доволен! Спасибо большое! Такая удивительная программа! Какой это праздник для меня! - сказал я.

- Как давно вы верующий? - офицер внимательно смотрел на меня.

- С 16-ти лет, а сейчас мне 47 лет. Более 30 лет я следую за Христом, - ответил я.

- А ваши родители, они тоже верующие?

- Да, мои родители тоже верующие. Мой отец был проповедником Евангелия в Америке, а потом в Сибири. Когда мне было два года, его арестовали за веру и он первый раз три года отбыл в заключении. А в 1937 г. он был снова арестован и умер в лагере... Моя мама тоже была в заключении за веру. И это произошло с ней совсем недавно.

Ей было 64 года, когда ее арестовали в Киеве, - рассказал я офицеру.

- А что с ней сейчас? Она уже дома? - спросил офицер.

- Да, сейчас она дома после трех лет заключения. Надеюсь ее увидеть, если она сможет приехать на свидание ко мне.

- Странная у вас вера: все тюрьма, да тюрьма! - офицер поднялся, вывел меня из кабинета и отпустил в барак.

Я снова шел по заснеженному лагерю. Так же падали холодные снежинки и дул резкий северный ветер. Но снежинки уже не кололи мне лицо, а весело кружились в каком-то удивительном небесном хороводе, мягко падая на землю. В моей душе все еще звучали голоса верующих, звучали гимны хвалы Богу, и мне казалось, что снежинки кружатся под звуки величественного Божественного хора. Душа ликовала: "Я был на собрании верующих! Иисус любит меня! Он послал такое удивительное ободрение и утешение!" Это было чудо! Великое Божье чудо! И оно случилось только один раз за все восемь лет моей лагерной и тюремной жизни. Но это произошло именно тогда, когда мне было тяжелее всего, когда моя душа более всего нуждалась в сильном духовном укреплении, ободрении, и в общении с Господом и Его народом. Христианская программа передавалась из Южной Кореи. Спасибо вам, дорогие христианские радиоработники от вашего брата по вере, узника! Все трудности лагерной жизни и даже "красная полоса" теперь переносились легче. Уже прошло несколько месяцев, как я был под "красной полосой". Многие христиане, как на моей родине, так и на Западе, усиленно молились, а также ходатайствовали за меня перед советскими властями. Спасибо вам, дорогие мои христианские друзья, за вашу любовь и заботу о вашем брате-узнике за веру Христову?

Через полгода с меня сняли "красную полосу". Произошло это так. Я пришел вечером на вахту на очередную проверку.

Дежурный офицер встретил меня довольно приветливо.

- Хочу сообщить вам приятную новость, - сказал он. - С нас сняли "красную полосу".

- Спасибо, гражданин начальник! Это так неожиданно! поблагодарил я и спросил:

- Наверное, убедились, что я не собираюсь в побег?

- Нет! Все и раньше были убеждены, что вы из лагеря не убежите. Это не мы, не лагерь дал вам "красную полосу"...

Это все из Москвы! - сказал он тихо. - Очень вас там не любят!

Мы были с ним вдвоем на вахте, поэтому он был так откровенен. Теперь мне без "красной полосы" стало настолько легче, как-будто я был уже наполовину на свободе. Никто больше по ночам не тревожил меня постоянной проверкой, не будил, не ослеплял ярким светом электрического фонаря.

Наш лагерь окружен по всему периметру четырьмя рядами деревянного забора из толстых досок высотой около 4-5 метров. Сверху забора несколько рядов колючей проволоки, а также натянуты сверху провода световой и звуковой сигнализации. Между двумя заборами большие спирали колючей специальной проволоки, которая при прикосновении к ней превращается в настоящий капкан и как сетью накрывает и запутывает нарушителя. Между двумя заборами большие свирепые овчарки и солдаты с автоматами. При нарушении "запретки" зверем или большой птицей, когда они дотрагиваются до проволоки, раздается очень резкий и громкий, многократно повторяющийся противный звук, как бы крик болотной птицы. На вахте, в комнате дежурного

офицера, загорается красное табло тревоги и через минуту группа солдат уже бежит к месту происшествия. Но большая часть нарушителей - бездомные коты и птицы.

Но однажды рано утром овчарка заметила большую нору под забором. Нора вела из лагеря на свободу. Кто ее сделал, человек или зверь? "Подкоп! Подготовка к побегу!" - так решило начальство лагеря. Была объявлена тревога.

Заключенных спешно сняли с рабочей зоны и запустили в жилую зону. Затем всех заключенных вывели на большой плац в жилой зоне и пересчитали. Как всегда, с первого пересчета цифры по лагерной ведомости и в натуре не совпадали. Снова считали еще раз два. Наконец, цифра количества заключенных в зоне совпала с ведомостью. Все на месте, никто не убежал. Теперь начальство решило узнать, кто же готовил побег? Привели собаку, обнаружившую нору.

Это был большой свирепый пес. Он был выдрессирован в духе сильной ненависти и глубокого презрения к заключенным. При виде человека, одетого в арестантскую одежду, у пса шерсть вставала дыбом на холке и в злобном оскале обнажались большие белые клыки. Около тридцати-сорока солдат и офицеров стояли перед строем заключенных. Один офицер в чине подполковника объявил:

- Внимание, граждане заключенные, в зоне обнаружен подкоп! Кто готовил подкоп?! Будет лучше, если вы сами скажете, собака все равно найдет нарушителя! - и он показал на овчарку, натянувшую поводок и злобно рвавшуюся к заключенным. Затем проводник скомандовал:

- Кто рыл подкоп, три шага вперед!

Никто из заключенных не шевельнулся. Подполковник выругался:

- Эх, вы, трусы! Делать пакости не боитесь, а признаться трусите! Рассчитаться по три! - снова команда.

- Первый, второй, третий! Первый, второй, третий! слышалось в шеренге заключенных.

- Каждый третий - пять шагов вперед! - скомандовал подполковник и выбросил руку вперед.

Третья часть заключенных сделала пять шагов вперед и замерла. Среди них был и Виктор. Собаке дали что-то понюхать. какой-то предмет, затем ее спустили с поводка.

Но собака не стала вынюхивать и искать нарушителей. Она подскочив к первому же заключенному, укусила его в ногу.

Человек закричал от испуга и боли. А собака уже хватала за ногу второго, третьего... Раздались крики заключенных: "Что вы делаете?! Заберите собаку!" Происходило что-то кошмарное: овчарка без разбора терзала заключенных, всех подряд, а офицеры стояли, смеялись и о чем-то между собой переговаривались. Собака укусила также Виктора. Он схватился за ногу и поморщился от боли. "Господи! Почему такая жестокость?! Защити нас!" - мысленно взывал я к Богу.

Наконец, один из заключенных, когда собака только подбежала к нему, изо всей силы ударил ее сапогом. Собака завизжала и поджала хвост. В это время ее ударил ногой другой заключенный, затем третий... Теперь уже закричали офицеры: "Что вы делаете?! Прекратите избиение собаки!

Будем наказывать!" Но заключенных уже трудно было остановить. И первая шеренга, и вторая - и все остальные смешались вместе. Одни бросились бить собаку, другие кричали:

"Требуем прокурора! Это издевательство!" Солдат-собаковод схватил собаку и оттащил ее от возбужденных заключенных.

Вскоре всех заключенных развели по жилым баракам. А тем, кто был покусан собакой, не было даже оказано никакой медицинской помощи.

Но кто же сделал подкоп?! На следующий день выяснилось, что это был не подкоп, а нора, вырытая каким-то диким зверем. Причем, нора, хотя и была в диаметре широкая, но явно не настолько, чтобы взрослый человек мог пролезть в нее. Она была хороша, может быть, для ребенка лет трех-четырёх. "Но были ли побеги или хотя бы попытки к побегам?" - так меня иногда спрашивают. Конечно, были, но чаще всего неудачные. Один раз заключенный по имени Фома в возрасте около 35 лет, отбывший в лагере уже более 10 лет не выдержал рабских условий заключения. Он среди белого дня полез на "запретку", т.е. на высокий забор из рабочей зоны лагеря,

перелез через все четыре забора, одолел великое множество заграждений из колючей проволоки и систему сигнализации, которая в тот час почему-то не сработала...

Очутившись за пределами лагеря, Фома спокойно, не спеша, пошел к реке. Солдаты не сразу заметили побег, а когда обнаружили, то побежали за Фомой, когда он уже отошел метров за 200 от лагеря. Кстати, многие заключенные видели.

как Фома полез на "запретку", но, затаив дыхание, молчали, наблюдали... Солдаты что-то закричали Фоме, но он даже не оглянулся, а затем они открыли стрельбу из автоматом и, буквально, изрешетили его спину пулями. Так погиб заключенный... Что он думал во время своего безумного и отчаянного поступка, остается сокрытым. Может быть, он устал от рабского труда и непосильных условий в лагере и сознательно искал смерти?

Если заключенный умирает в лагере, медицинское заключение о смерти делает врач, офицер по званию. Однако, этого недостаточно для лагерного начальства. Начальство не выпускает тело умершего из лагеря на свободу, т.е. на кладбище, пока охрана на вахте не убедится лично, что заключенный действительно мертв. Тело умершего кладут в специально сделанный из простых досок ящик с крышкой и несут на вахту.

На вахте солдаты, в присутствии не менее двух офицеров, несколько раз протыкают тело умершего штыками. После этого умершего заключенного "выпускают" из лагеря. Такие правила в северных лагерях.

Раньше, во времена Сталина, эта процедура была проще: умершему заключенному охрана перед выпуском из зоны большим железным молотком разбивала голову и бросала его, часто совсем раздетого, в общую братскую могилу, без всякого гроба или ящика.

В лагере был один пожилой заключенный по кличке "Чума".

К сожалению, настоящее имя его я забыл. Он ходил вечно грязный, в рваной одежде, пропитанной какой-то темной, неприятно пахнувшей жидкостью. "Чума" работал в лагере смазчиком механизмов. Отсюда и кличка его. Арестантский стаж "Чумы" начался еще во время сталинских лагерей. Несколько раз он освобождался, а потом его снова садили. Он лично знал на Колыме и в Якутии места расположения многих десятков северных лагерей сталинских времен. Несколько раз я беседовал с ним на эту тему.

- Петрович (так называли меня в лагере большинство заключенных), - обращался ко мне "Чума", - если бы приехала к нам на Север сейчас какая-нибудь комиссия с целью проверки мест захоронений заключенных, я бы лично показал десятки братских могил, где покоятся многие тысячи нашего брата.

И они целехонькие, не гниют, не разлагаются: их хоронили в глубоких ямах, братских могилах, вырытых в вечной мерзлоте.

Это - вечный морозильник!

- Как хоронили, в гробах? - спрашивал я.

- Что ты такой наивный! - удивлялся "Чума". - Умирали каждый день тысячи. Где тут гробов наберешься?! Да и одежда на Севере дефицит, зачем портить? Хорошим умерших без одежды и без обуви, раздетых, разутых... На большой палец правой ноги привязывали фанерную бирку с номером заключенного. Вот и все! Так и лежат они штабелями, тысячи в каждой яме! Они ждут комиссии. Я верю, что это время еще придет! - добавлял "Чума".

- Конечно, придет! В день Божьего суда, - уточнял я.

- Где-то здесь, на Севере, покоится в безвестной могиле и мой отец. Он умер голодной смертью на Колыме, в районе Магадана в 1943 году.

И я подробно рассказал ему о моем отце и о многих наших братьях по вере, замученных в северных лагерях за веру Христову. Напротив нашего лагеря возвышался холм, покрытый невысоким лесом. Там было лагерное кладбище заключенных. Один из офицеров часто показывал мне на это кладбище рукой: "Когда окончатся эти 10 лет твоего заключения, ты будешь осужден снова на 10 лет. И так до самой смерти! Откажись от Бога и пойдешь домой! И чем раньше, тем лучше для тебя!" Но в сердце моем звучали другие слова: "Итак всякого, кто исповедает Меня пред людьми, того исповедаю и Я перед Отцом Моим Небесным; кто отречется от Меня пред людьми,

отрекусь от того и Я перед Отцом Моим Небесным" (Матф. 10:32). О, мой Иисус! Я хочу быть верным Тебе до конца!

Начинается зима. А зимой здесь страшно холодно, морозы достигают -62 градуса. Все птицы уже давно улетели на Юг: одни на Филиппины, Японские острова, другие остались на месте.

Даже большие птицы - вороны, сороки, постоянные жители Севера, не выдерживают ледяной стужи и покидают на два-три месяца эти края. В это время воробьи очень мало летают. А когда им становится совсем невмоготу от мороза, то летит воробей к жилью человека, в том числе и в наш лагерь. Уцепится своими крохотными лапками к наружной стене барака, прижмется весь к сравнительно теплым бревнам и так висит, греется часами. Если осторожно подойти к нему, то можно увидеть, что он и глазки закрыл, сердешный, так ему тепло и приятно.

Глядя на этих, мирно дремлющих воробьев, вспоминаю слова Господа Иисуса Христа: "Не две ли малые птицы продаются за ассарий? И ни одна из них не упадет на землю без воли Отца вашего; у вас же и волосы на голове все сочтены; не бойтесь же: вы лучше многих малых птиц" (Матф. 10:29-31).

И приходят радостные мысли: "Дорогие пташки, если вы не забыты Господом, то тем более мы, люди, не забыты. Бог отдал Сына Своего ради нашего спасения! Как отрадно принадлежать Ему, любить Его, сохранить верность Господу!" Вытряхиваю крошки из кармана прямо на снег. Сразу налетает стая воробьев из разных укрытий: десять, двадцать, тридцать. Сколько же их?! Мигом расхватывают все крошки и выжидательно смотрят на меня со всех сторон, не подброшу ли еще. Развожу руками: "Больше нет. Постараюсь завтра принести побольше!" Со временем воробьи уже знали меня: как только я появляюсь, так и кружат надо мной, ждут хлеба.

Холодно зимой и нам, заключенным: одежда плохая, совсем не теплая. Нам не разрешается иметь ничего теплого:

ни меховой, шерстяной куртки, ни свитера. Наши шапки из хлопчатобумажной ткани, с небольшим слоем ваты внутри.

Рукавицы тоже на вате. Даже шею не разрешается обернуть шерстяным кашне. Можно только пользоваться для этого тонким лагерным полотенцем. Телогрейки у нас - простые стеганые хлопчатобумажные куртки с тонкой прослойкой ваты.

Дрожит от холода заключенный, когда ведут его на работу под конвоем. Дрожит во время обысков, ежедневно производимых перед работой и после работы на морозе, прямо на снегу, когда даже обувь приказывают снять и предъявить для проверки. Мерзнет он и во время работы на открытом воздухе. И это тогда, когда царствует лютая сибирская стужа...

Но холодно не только во время работы. В жилой и рабочей зоне туалеты расположены прямо на улице. Они не утеплены и не отапливаются. Около жилых бараков вырыты специальные ямы для туалета. Со всех сторон и сверху они огорожены досками. Вот и весь комфорт. Заключенный ко всему привык, даже к тому, что ночью ему нужно выйти из своего барака и полураздетым бежать по снегу в туалет. А морозы стоят довольно часто за 60.

Часто после работы меня вызывал к себе на беседы отрядный. Весь лагерь разбит на отряды, по 120-150 заключенных в каждом отряде. Во главе отряда - офицер-воспитатель.

Нашим отрядным был капитан Торгуев. примерно лет сорока, крепкого здоровья, высокий, слегка сутулый. Он имел университетское образование, окончил философский факультет Саратовского университета. Образован. Начитан. Убежденный философ-атеист. Кабинет Торгуева был расположен в нашем жилом бараке. Вызывая меня на беседу, капитан Торгуев широко открывал дверь своего кабинета, чтобы слышали другие заключенные, как он меня "перевоспитывает". Наши беседы продолжались примерно полтора года. один - два раза в неделю по вечерам, после работы.

Первый год капитан Торгуев говорил только сам, громко, выразительно, пытался доказать "правоту" материалистического учения. Отрицал бытие Бога. Критиковал Библию. Мои возражения пресекал, т.е. буквально не давал мне говорить, сразу же перебивал и продолжал свои атеистические лекции. Это были не беседы, а просто монологи капитана Торгуева. Иногда в дверях кабинета стояли другие заключенные и слушали Торгуева. После таких бесед заключенные мне говорили: "А почему он тебе не дает слова? Хотелось бы и тебя послушать. А капитан-то говорит очень складно. Одним словом, марксист-философ!" Но через год поток красноречия капитана Торгуева иссяк. И я стал говорить. Он уже не перебивал меня, слушал, иногда задавал вопросы. Но, что интересно, когда я говорил, капитан Торгуев закрывал дверь в свой кабинет, чтобы другие заключенные не слушали...

Так продолжалось еще с полгода. А потом капитан Торгуев мне как-то признался: "Я уже несколько месяцев слушаю христианские радиопередачи с Запада. И знаете, что я вам скажу? Откровенно говоря, мне нечего возразить на убедительную проповедь Евангелия! Вы, верующие, правы!" Я был рад слышать неожиданное дорогое признание. Все эти полтора года я молился о капитане Торгуеве.

Его отношение ко мне резко изменилось в лучшую сторону. В трудные моменты моей лагерной жизни он даже ободрял меня.

Все это не могло укрыться от всевидящего ока оперативного отдела лагеря. Нас решили разъединить. Капитана Торгуева перевели в другой отряд, и мы виделись реже. Однако, встречая меня в зоне, капитан Торгуев приветливо улыбался:

"Держитесь! Правда на вашей стороне!" Начальство лагеря, а возможно, и более высокое начальство, встревожилось не на шутку: "У Винса в лагере появился друг, да еще и из офицеров!" У капитана Торгуева в поселке была отдельная квартира. Жил он в ней один. Он вел очень замкнутый образ жизни. Семья его: жена и дети, жили в Саратове. Раз в год он ездил к ним в отпуск на два месяца, а остальное время жил один в Табаге. Весной 1978 года он неожиданно умер. Смерть его была очень странной, загадочной: здоровый, крепкий мужчина и вдруг - смерть! Обычно он приходил на работу в лагерь каждый день рано утром, в 6-7 часов. Но однажды в это время он не пришел в лагерь. Когда же кто-то из офицеров в обеденное время пошел к нему на квартиру выяснить, что случилось, то квартира Торгуева оказалась закрытой. Долго стучали, а потом, вскрыв дверь, увидели капитана Торгуева в полной форме, в шинели, мертвым, лежащим на полу в коридоре. Что же произошло?! Никто не знает... Капитана Торгуева похоронили на кладбище поселка Табага. На похороны прилетела из Саратова его жена.

А я все вспоминал наши беседы с капитаном Торгуевым и его слова: "Вы, верующие, правы! Держитесь! Правда на вашей стороне!" Я надеюсь, что капитан Торгуев ушел из этой жизни с верой в Бога. Я так горячо молился о нем Господу в течение нескольких лет.

Беседы со мной проводил и замполит (заместитель начальника лагеря по политико-воспитательной работе). Его недавно перевели на работу в наш лагерь, в Якутию, с Кавказа: высокий, худой, даже тощий, со впалыми щеками, с черными, как смоль, волосами, черными глазами и носом с горбинкой. Чисто и правильно говорит по-русски, хотя сам по национальности осетин. Он был в возрасте около сорока лет, в воинском звании капитана.

На первой беседе со мной он сразу же заявил:

- Я имею большой опыт воспитательной работы с религиозниками. В Дагестане, на Кавказе, в нашем учреждении (лагере) было много мусульман-осужденных (заклученных), были среди них и муллы. Они у меня тихо вели себя в учреждении, добросовестно работали и не занимались религиозной пропагандой, даже имя Аллаха и Магомета не произносили вслух. Учтите это! Я отвечаю за политико-воспитательную работу в этом исправительно-трудовом учреждении и не ДОПУЩУ никакой религиозной деятельности. Забудьте Вашего Бога и не произносите Его имени вслух! Я знаю, как вас, религиозников, перевоспитывать!

- Гражданин капитан, - обратился я к замполиту, - а вы сами из мусульман?

- Нет! Мы, осетины - христиане, православные христиане.

Наши предки лет триста тому назад приняли христианство. Но я сам атеист! - ответил замполит.

Затем замполит достал из стола конверт с письмом. Это было мое письмо, написанное семье. Замполит развернул письмо и посмотрел на меня:

- Что это вы пишете? Все Бог, да Бог! Что вас сюда привезли проповеди писать? Вы находитесь здесь, чтобы исправляться, освободиться от веры, работать на благо общества, чтобы по окончании срока заключения выйти на свободу с чистой совестью! Читали плакат в зоне: "На свободу с чистой совестью!" Вот так. учтите это! Мы ваши письма с именем "Бог" отправлять не будем!

Повторялась прежняя история с моими письмами, что была уже раньше на Урале, в лагере, во время моего первого заключения. И я поступил так же, как и в прошлый раз. Я открыто сказал:

- Гражданин капитан, я - христианин и цель моей жизни - это вера и послушание Богу. Я лишен свободы за веру, но я верю в Бога и буду верить! Молился и буду молиться! Писал письма

моим родным о Боге и вере, и буду писать. Но если вы не будете пропускать моих писем семье, то вы сами должны будете писать за меня письма моей семье.

- Это что, ультиматум?! - спросил замполит.

- Нет! При чем тут ультиматум? Я вам объясняю, что верующий человек не может жить без веры, без молитвы, без Бога, не может прятать свою веру. И это также отражается в письмах, в разговорах, - старался я объяснить замполиту.

Затем замполит повторил, что я никогда больше не увижу свободы, что после отбытия десятилетнего срока заключения мне добавят еще десять лет. Об этом мне уже много раз говорили и другие офицеры. По милости Божьей я знал, что моя жизнь в руках Божьих. В заключение беседы замполит сказал: "Пойдите, хорошо подумайте обо всем, что я вам сказал. Ведите себя тихо, никому о Боге не говорите! Я не допущу, чтобы наше учреждение стало объектом религиозной пропаганды!" Однако, вскоре весь лагерь заговорил о Боге и о верующих. В лагерь приходило много газет и журналов по подписке заключенных. Во многих газетах и журналах печатались антирелигиозные статьи злобного и клеветнического характера, направленные против верующих. В некоторых из них фигурировало и мое имя. Часто ко мне подходили незнакомые заключенные и протягивали мне газеты: "Читал?! Здесь о тебе и о твоих братьях!" Другие добавляли: "И чего они вас ругают? Что плохого в вере?!" Мне приходилось многим заключенным очень подробно разъяснять, вернее, свидетельствовать о Боге, Евангелии, о пути спасения, о нашем уповании. Особенно много было вопросов после публикации двух больших статей против нас, верующих, в газете "Известия" и в журнале "Новое время". Из статей было видно, что верующие на Западе знают о гонениях и молятся за нас. Замполит снова вызвал меня на беседу, - Я же вас предупреждал не заниматься пропагандой вашей религии! Вы что, в карцер хотите?! - обратился он ко мне.

- Я не занимаюсь пропагандой, а только отвечаю на вопросы о вере, которые подняла газета "Известия" и журнал "Новое время". - отвечал я.

После этих бесед с замполитом я написал стихотворение "Беседа".

Мне недавно сказал замполит:

"Где твой Бог? Почему он молчит?!"

А затем, взор подняв к потолку:

"Десять лет... Ты уйдешь по звонку!

Ни молитвы, ни вера твоя:

Не приблизят родные края!"

"Моя совесть пред вами чиста",

Так я начал. "Я верю в Христа.

Не безмолвен мой любящий Бог!

Он греховные узы расторг,

За меня на кресте пострадал

И амнистию грешникам дал.

Бог в Своих намереньях велик:

Десять лет перед вечностью - миг!

Куст терновый в России горит

И о Божьей любви говорит:

Ныне узы Христовых друзей

Маяки для планеты людей!"

А Христу сокровенно сказал:

"Ты меня в край Якутский послал,

Здесь познания об истине нет

И так нужен Евангельский свет.

В бесконечном потоке любви

Свою милость якутам яви!"

А еще я сказал: "Иисус!

Только Ты избавляешь от уз

И ведешь в неземные края!

И спокоен поэтому я".

ЕВАНГЕЛИЕ В УЗАХ

В лагере половина заключенных - якуты, северный народ.

Они проживают на очень большой территории, хотя относительно немногочисленны: не более 300 тысяч человек, собственно, якутов. Полагаю, что на территории Якутии свободно могла бы поместиться почти вся Западная Европа. На этой же территории проживают около 300-400 тысяч русских, украинцев и представители других народов.

Якуты по традиции - народ охотников, рыбаков, оленеводов. Хотя ныне якуты живут на северо-востоке Сибири, ранее, лет 700-800 тому назад, их предки жили значительно южнее, на границе с Монголией, в районе озера Байкал, а еще ранее на территории теперешнего Казахстана и на Алтае. Фактически, это народ восточный, тюркско-монгольского происхождения: узкоглазые, с черными, как смоль, волосами, с черными или карими глазами.

Город Якутск, столица Якутской республики, был основан РУССКИМИ в 1638 году. Сегодня Якутск насчитывает около 100 тысяч человек. Примерно 200 лет тому назад якутский народ был обращен в христианство православными миссионерами. До революции 1917 года в Якутии было несколько сотен православных церквей, и многие православные священники были из якутов. Теперь на всю Якутию сохранился только один православный храм в городе Якутске.

В лагере я познакомился с пожилым якутом. Якуты его называли дедушка Василий. Высокий, худощавый, с удлинённым лицом. Человек он добрый, общительный, приветливый, но большой любитель водки. Он уже несколько раз попадал в тюрьму и в лагерь. Выпив хотя бы немного водки, дедушка Василий полностью терял контроль над собой и совершал преступления: драки и даже убийства.

- Знаю, что ты за христианскую веру и за Евангелие в лагере, - кивая головой и ласково глядя на меня маленькими узкими глазами, сказал мне дедушка Василий в первые же минуты знакомства. - Вера в Бога - очень хорошее дело! Раньше и в нашей деревне многие верили в Бога и ходили в церковь. А теперь церкви у нас нет. сломали. И народ стал пить водку. Вот и я, грешный, страсть как ее люблю, проклятую!

Дедушка Василий даже сплюнул с досадой на землю.

- Из-за нее, - продолжал он, - я уже в третий раз в лагере. И чего я ее так полюбил, сам не знаю: больше жены, детей и внуков люблю выпить! На воле не могу жить без нее, а вот в лагере годами не вижу водки, и ничего, даже не тянет к ней.

- А вы верите в Бога? - спросил я дедушку Василия.

- Конечно, мы якуты - христиане! Только Бога у нас теперь отняли власти. И вся жизнь пошла кувырком!

А потом он подошел ко мне вплотную и прошептал на ухо:

- Я и сам был большой властью в деревне, да все пропил: и свое, и казенное? - и он весело подмигнул мне, - А теперь все в нашей деревне пьют, крепко пьют водку - и мужики, и женщины. Только и разговору, что водка! Все в ней утешение. Весь якутский народ вместо Бога поклоняется теперь бутылке с водкой. Да и русский народ тоже.

"Хочешь, я расскажу тебе, с чего все началось? - спросил меня дедушка Василий при нашей следующей беседе. - В нашей деревне церковь закрыли вскоре после революции. Священника-якута арестовали и отправили в ссылку. Хороший был человек, грамотный, вежливый. Все его уважали. В то время у нас мало было грамотных людей, и все шли к нему: письмо написать или прочитать, посоветоваться в семейных делах...

Все это священник делал охотно. Но не только его арестовали, всю семью его разорили: сослали в необжитые места и жену его, и детей... Так они и пропали там! Больше их никто никогда не видел. На дверях церкви власти повесили большой замок", - дедушка Василий показал руками, какой был большой замок. Рассказывая все это, он сокрушенно качал головой и приговаривал: "Какое большое зло сделали!" Из его дальнейшего рассказа следовало: "Однажды в деревню приехали начальники из города. Они долго возились с замком, не могли открыть. А ключ потеряли. Тогда они взломали двери церкви и вынесли из церкви иконы все и священные книги: Библии, Евангелия, молитвенники, и сложили в большую кучу на площади. В церкви много было богослужебных книг. Возможно там были и старинные рукописи, которым и цены нет, но никто с этим не считался. Все, что было связано с Богом, с верой, было объявлено вредным, подлежащим уничтожению. Руководители этой операции, приехавшие из города, затем подожгли книги. И вот

перед ограбленной церковью запылал огромный костер. Вокруг костра, взявшись за руки, в каком-то диком танце закружились безбожники: и русские, и якуты, с хохотом и криками. А вдали стояли перепуганные деревенские якуты. Казалось, что настал конец света..." В то время моему рассказчику было 12 лет. Его родители были православные. Они были очень огорчены происходившим. И вот этот двенадцатилетний мальчик как-то проскочил между танцующими, подбежал к костру, выхватил из огня одну большую книгу, и убежал с ней в лес. На него закричали, кто-то даже побежал за ним, но он не остановился...

А потом, уже вечером, он пришел домой и стал внимательно рассматривать: "Что же я спас из огня?" Это было старинное Евангелие на славянском языке в массивном кожаном переплете. Оно немного обгорело на костре. Родители мальчика не умели читать, но они благоговейно рассматривали страницы Евангелия, а затем аккуратно завернули Евангелие в кусок чистого полотна и спрятали, - А какова судьба церкви, что с ней было дальше? спросил я.

Он сокрушенно покачал головой и сказал:

- Много священных книг сгорело в том костре. А что не сгорело, остатки обгорелых книг. наши люди в деревне потом выбирали из кучи золы и долгие годы хранили в своих домах, как святыню...

- А что стало с церковью? - хотел я уточнить.

- А церковь превратили в колхозный склад, крест на церкви сломали! Церковь не ремонтировали, крыша протекала во время дождей. Вскоре церковь разрушили.

- А то спасенное Евангелие сохранилось?

- Нет, - ответил дедушка Василий. - Оно долгие годы хранилось в доме моего отца. а потом он его кому-то отдал.

- А вы сами читали Евангелие? - спросил я.

- Нет! Никогда! То Евангелие, которое я спас от огня, было на старом непонятном языке, славянском... Я бы очень хотел почитать Евангелие на русском!

А затем, оглянувшись по сторонам, он тихо и вкрадчиво спросил у меня:

- А у тебя есть здесь Евангелие, в лагере?

- Нет! Пока нет. А если будет, то дам и вам почитать, - ответил я.

Очень часто подходили ко мне и другие заключенные с той же просьбой: "Где достать Евангелие, чтобы почитать?"

Нет ли у тебя Евангелия?" Да, в лагере нужно Евангелие. И я стал об этом думать и молиться. Вскоре мне стало известно из писем родных, что они хотят приехать ко мне на свидание в этот далекий северный край. Свидание с родными - это большая, бесконечная радость для заключенного. Иногда целый год заключенный только и говорит об этом: "Скоро ко мне приедут на свидание моя жена и дети!" Или: "Скоро увижу отца, мать: обещали приехать на свидание!" Особенно это большая радость для нас, верующих, потому что когда нас арестовывают, то этим лишают не только свободы и отрывают от семьи, но и отрывают от Церкви, от друзей по вере, от труда на Божьей ниве. Часто это происходит внезапно, а ты все еще живешь этим трудом и постоянно молишься о Церкви, о друзьях по вере. Душой ты постоянно там. на воле, с народом Божьим... И вот теперь скоро получишь правдивую, живую весточку о народе Божьем, о жизни Церкви, о друзьях. В письмах мало что можно написать о жизни Церкви: это очень опасно, письма постоянно проверяются... Поэтому так ждешь свидания.

Если ты служитель Церкви, любишь Церковь Божью и верность Богу для тебя превыше всего, то и тюрьма никогда не разлучит тебя с народом Божиим и не снимет принятого тобой от Бога служения! Тебе будет очень понятно и близко чувство Ап. Павла, о чем записано в Филиппийцам 1:7-8: "...Я имею вас в сердце в узах моих, при защищении и утверждении благовествования, вас всех, как соучастников моих в благодати. Бог - свидетель, что я люблю всех вас любовью Иисуса Христа". Тебе будут дороги также слова Самого Господа нашего Иисуса Христа: "Я есмь пастырь добрый: пастырь добрый полагает жизнь свою за овец; а наемник, не пастырь, которому овцы не свои, видит подходящего волка и бежит" (Иоан. 10:11-12), хотя в тюрьме ты находишься, может быть, уже многие годы, ты будешь постоянно взывать к Господу о каждом члене вашей церкви. А если ты нес служение среди многих церквей?

Какое большое поле для молитвенного служения в тюрьме, в лагере. Поэтому я с таким нетерпением ждал приезда на свидание моих родных, чтобы узнать больше о друзьях по вере...

Я очень ожидал также, что они привезут мне Евангелие. От Якутска до Киева, где жила моя семья, очень далеко: по прямой почти 6000 километров, а если ехать по железной дороге, а затем на автотранспорте, то и все 10000 километров.

Вскоре на свидание приехали моя мама и мой старший сын Петр. Начальство лагеря разрешило нам только общее свидание в специальной комнате в присутствии офицера. Перед началом свидания солдаты обыскали меня. Дежурный офицер наблюдал за обыском. Он сказал: "Вам разрешено общее свидание в течение четырех часов. Во время свидания вы будете сидеть за отдельным столом, а ваша мать и ваш сын - за другим. Никаких писем, никаких записок не передавать, никаких устных инструкций для Церкви тоже не передавать! Об условиях содержания в лагере не говорить. Предупреждаю, в случае нарушения свидание будет немедленно прекращено!" Когда меня ввели в комнату свидания, моя мама встала из-за стола и подошла, чтобы обнять меня. Офицер остановил ее:

- Гражданка! Подходить к осужденному запрещено!

- Но я - мать! Я хочу обнять сына!

- Нельзя! Нельзя! Вас же предупреждали! - закричал офицер. Мама вернулась и села за стол рядом с моим сыном.

Офицер указал мне на другой стол. Прежде, чем сесть, я спросил офицера:

- Гражданин начальник! Мы - верующие, христиане, и мы не можем начинать свидание без молитвы. Разрешите нам помолиться!

- Вообще-то это не разрешается... Это советское учреждение, - он развел руками. - Но как исключение... Молитесь, только не долго!

Я попросил маму:

- Соверши молитву. Я нуждаюсь в твоём материнском благословении.

Мы встали и мама помолилась. Как давно я не видал маму, и как она изменилась! Сколько новых морщинок появилось на ее лице. А какая затаенная грусть в глазах... Недавно она освободилась из лагеря после трехлетнего заключения. Мама освободилась, а меня арестовали, и мы не виделись уже много лет. Правда, в Киеве, в тюрьме, я имел с ней краткое 30-минутное свидание. И вот теперь снова встреча! На ее лице и в глазах отпечаток перенесенных страданий, и не только за последние три года тюрьмы. В 23 года она осталась одна с двухлетним сыном, а отца нашего заключили в тюрьму. И так вся жизнь: в трудностях, разлуках, страданиях...

А сын? Ему уже 19 лет, высокий, стройный, улыбается:

"Не унывай, отец, мы с тобой!" Когда он родился, я дал ему имя Петр в честь моего отца, мужественного проповедника Евангелия, бескомпромиссного служителя Божия на русской евангельской ниве. И я так хотел, чтобы и мой сын посвятил свою жизнь делу Евангелия! Это моя молитва перед Богом со дня рождения сына. Поэтому мне так дорого было видеть Петю, беседовать с ним. И я рад был, что вместе со своей бабушкой он проделал такой большой путь, чтобы посетить меня.

Мама рассказала о семье, о детях, как они скучают обо мне. Я спросил:

- А как твое здоровье? Как перенесла три года заключения?

- Видишь, жива, выжила! - и мама улыбнулась. - Хотя, когда освобождалась, уже почти ходить не могла. До ворот лагеря меня вели под руки женщины-заключенные, настолько была слаба!

- Ты у нас герой, бабушка! - сказал Петя. - Всю дорогу сюда ты передвигалась сама, только иногда я помогала, особенно на трапе в самолет!

Мама спрашивала о моем здоровье и письмах, которые писала мне семья.

Некоторые из них я не получил... Затем она сказала:

"Хотя тебе трудно и одиноко, никогда не унывай! Господь всегда с тобой. Мои молитвы постоянно возносятся к Богу о тебе. Будь верен Господу всегда и во всем. Верен до смерти!" Офицер, сидевший между столами, забеспокоился:

"Мамаша! - обратился он к моей маме. - Не надо о смерти! Не нужно его готовить к смерти. Готовьте лучше к жизни на воле!" Так понял он ее наставления о верности.

Сын мой рассказал о своих планах и о младшем брате Шуре: "Он у нас такой уже большой, энергичный, любознательный!" Меня очень беспокоило духовное состояние самого Пети. Я знал, что он перестал посещать собрания верующих и подружился с неверующими людьми, очень образованными: литераторами, учеными, работниками искусств, которые увлекались политическими вопросами и которых именовали "инакомыслящими". Хотя эти люди не верили в Бога, но симпатизировали гонимым христианам. Они проявляли большой интерес к Петру, как члену семьи, переносившей гонения за веру начиная с 1930 года. Возможно, они хотели подключить к своему движению и наших верующих. Это было опасно для его души, и я очень переживал за Петю.

- Ты посещаешь собрания верующих в Киеве? - спросил я Петю.

- Нет, папа! Они меня теперь не интересуют, кажутся очень скучными. У меня теперь есть другие друзья, - ответил Петя.

- Очень жаль. Истина только во Христе! А все, что без Христа - заблуждение, как бы красиво оно не преподносилось. Я очень беспокоюсь о тебе и молюсь. Не забывай, что я назвал тебя Петром в честь твоего дедушки - верного служителя Божьего, мученика за дело Евангелия. И я жду, чтобы ты отдал свое сердце Господу!

В лагере "Табага" я написал стихотворение, посвященное Пете.

Христианства радостные зори
Для меня зажглись в семнадцать лет.
И с тех пор на жизненном просторе
Для меня иной отрады нет.
Иисус - поэзии хоралы
Иисус - свободы яркий луч!
Это жизнь в травинке каждой малой,
Это бой за правду среди туч.
Голос веры, пламенный и звонкий,
Достигает огненных светил!
Ну, а ты? По-прежнему в сторонке?
Кто тебе дорогу перекрыл?!
Может, вера для тебя позорна?
Радость неба кажется мечтой?
Древний враг коварно и упорно,
Словно ворон, вьется над тобой.
Вне Христа не жизнь, а прозябанье:
Культ вещей и мелочных страстей.
Только в Боге высшее призванье.
Чистота и искренность людей!
Я, глубоким трепетом объятый,
В сердце слышу неба перестук!
Оттого так дорог мне Распятый,
За меня испивший горечь мук.
Я хочу планету видеть садом,
Гимн Творцу поющей на лету!
А тебя - моим по вере братом.
О, мой сын! Скорее ко Христу!

Это стихотворение я передал семье на предыдущем свидании. Петя его читал. Но сдвига в сторону веры у Пети все еще не было, поэтому я затронул этот вопрос на свидании.

Петя не спорил, но и не соглашался. Так незаметно и прошли два часа свидания.

Вдруг мама забеспокоилась:

- Я тебе привезла немного пищи! Разрешите его покормить? - спросила она у офицера и показала на сумку с продуктами, стоявшую у ее стула.

- Нельзя. Не положено! - отрезал офицер, - Ну, хотя бы один маленький бутерброд с колбасой?! попросила мама.

- Я же вам сказал, нельзя! - раздраженно повторил офицер.

Дверь из комнаты свиданий в коридор была открыта.

В дверях показался заместитель начальника по режиму майор Четверик. "Как идет свидание?" - спросил он у офицера.

Тут мама быстро встала и обратилась к майору. В руках у нее было Евангелие.

- Товарищ майор! Я привезла сыну Евангелие. Разрешите передать?

- Евангелие? - переспросил майор. - Я не могу разрешить. Еще никто в наше исправительно-трудовое учреждение не привозил Евангелие!

- Я очень прошу вас разрешить! В этой книге нет ничего плохого, преступного! - и мама протянула Евангелие майору.

Он взял Евангелие и стал его рассматривать. В это время мама достала из своей сумочки какой-то листок.

- Вот я написала заявление на имя начальника лагеря с просьбой разрешить моему сыну пользоваться Евангелием в лагере. И она передала свое заявление майору.

Он внимательно прочитал и сказал:

- Вот вы пишете, что Евангелие официально не запрещено в нашей стране... Но Евангелие пишет о Боге, о вере, а в нашей стране строится безрелигиозное общество. Как тут быть? Выходит, Евангелие и Библия в противоречии с нашим советским обществом и политикой коммунистической партии!

- А как же Конституция?! - спросила мама.

- Конституция и жизнь - разные вещи! - подытожил майор.

- Хорошо! Я возьму Евангелие и ваше заявление. Через неделю я сообщу вашему сыну о решении руководства лагеря.

- У меня еще есть просьба к вам! - продолжала мама. Я хотела бы немного угостить сына. - Она показала на свою сумку с продуктами.

- Передачи ему не положено до половины срока! - быстро проговорил офицер, наблюдавший за нами во время свидания.

- Здесь немного белого хлеба, сыра, колбасы, и молоко...

Разрешите мне, как матери, его здесь покормить. Очень прошу вас. - продолжала просить мама, обращаясь к майору.

- Хорошо, пусть поест! - разрешил майор. - Только посмотрите, что это за пища, - сказал он офицеру.

Мама выложила на стол белый хлеб, кусок колбасы и поллитра молока в бутылке, поставила на стол заранее приготовленный стакан и вынула маленькую белую салфетку. Офицер проверил, просмотрел все и сказал: "Можете дать ему!" Мама подошла к моему грубому лагерному столу, окрашенному в черный цвет, аккуратно постелила на нем белую салфетку, поставила на нее стакан с молоком и положила уже заранее нарезанные куски белого хлеба, колбасы и сыра. Какое это богатство для заключенного! Я возблагодарил Господа и стал есть. Более года я ничего этого не видел, и было так приятно снова отведать вкус молока и белого хлеба. А мама?

С какой радостью она смотрела на меня... Через некоторое время офицер, посмотрев на часы, сказал: "Осталось 15 минут до конца свидания!" Мама торопливо заговорила:

- Многие друзья передают тебе привет, Церковь бодрая.

Много молодежи. Я опять тружусь в Совете родственников.

Твои стихотворения из Киевской тюрьмы получили. О твоей "красной полосе" знают многие верующие и у нас, и в других странах. Молятся о тебе.

Офицер не выдержал и крикнул:

- Мамаша! Прекратите агитацию!

- "Красную полосу" с меня уже сняли! - сказал я маме и сыну. - Стало немного легче.

- Я ездила специально в Москву, к начальству. Просила отменить "красную полосу". Я писала правительству заявление об этом. Так и написала, что идет подготовка к физической расправе над моим сыном! - продолжала мама.

Офицер вскочил со стула:

- Все! Прекращайте! Свидание закончено; Я тоже встал и, спросив разрешения у офицера, помолился. Мы простились:

- Прощай, мама! Прощай, сынок! Господь да хранит вас.

Петя! Не забывай, что ты носишь имя твоего дедушки, который до конца, до смерти был верен Богу и делу Евангелия.

Я молюсь о тебе, сынок, чтобы ты отдал свое сердце Господу.

Маму и Петю увели из комнаты свидания первыми. Я остался один в комнате и все еще был под впечатлением свидания. "О, Иисус! Храни их в пути. Коснись сердца моего сына!" - так я молился, пока не пришел офицер. После обыска меня впустили в зону.

Через неделю я обратился к майору о Евангелии.

- Вопрос еще не решен! - ответил он. Так же он отвечал и через месяц и через два... Тогда я написал заявление на имя начальника лагеря с просьбой вернуть мне Евангелие.

Майор вызвал меня на беседу в свой кабинет.

- Ваше Евангелие лежит у меня в сейфе. В лагерь я его вам не дам! Когда будете освобождаться, вам вернут его.

Со дня свидания с мамой и моим сыном Петром прошло несколько месяцев. Начальство лагеря разрешило мне личное свидание с семьей на трое суток. Я написал об этом домой.

Итак, я ожидал личного свидания. Виктор мне сказал:

"Мы должны хорошо подготовиться к твоему свиданию. Я уверен, что родные привезут тебе Евангелие. Но очень трудно пронести его в лагерь. Будет тщательный обыск. Давай сделаем какой-нибудь тайничок в твоей обуви для Евангелия".

Заклученные в лагере носят очень грубые, массивные сапоги с большими каблуками. Виктор взял мои сапоги, оторвал каблуки и ножом осторожно, тайно, чтобы никто не заметил, вырезал два углубления в каблуках, а затем опять прибил их. Наш план был таков: я в этих сапогах пойду на свидание, и если мои родные привезут Евангелие, я должен буду ножом снова оторвать каблуки, а из Евангелия отделить страницы с Евангелием от Иоанна и положить их в тайники каблуков моих сапог: в один тайник 11 глав, а в другой - 10 глав. Затем я должен буду снова прибить каблуки столовым ножом или вилкой, т.к. другого инструмента в комнате свидания не будет, и так пойти в сапогах после свидания сначала на обыск, а потом в лагерь, в жилой барак.

И вот этот день наступил. Еще с вечера один из солдат сказал мне: "К тебе жена приехала с детьми!" Я поблагодарил его и долго не мог уснуть после отбоя. Все думал и думал о них. Возможно, они привезли на свидание и моего младшего сына Шурика. Ему сейчас три года. Последний раз я его видел, когда ему было только 1 год. Конечно, он не помнит меня, да и мне трудно представить его таким большим.

Младшей дочери Жене 10 лет. Средней, Лизе - 14, старшему сыну Петру - 19 лет, а Наташе, самой старшей дочери 22 года. Как мало я видел их в последние годы... А жена?

Как она без меня одна все эти годы?! Но кто из детей приехал? Я это узнаю только завтра утром. Я помолился Господу и заснул. Утром я узнал, что нам разрешили свидание на целых три дня! Но свидания мне в этот день не дали, хотя помещение для свиданий было свободным. Но я уже знал почему... Еще в мой первый срок заключения на Северном Урале происходила такая же процедура. Моя семья приезжала на свидание, а начальство лагеря, даже если и было свободное помещение, оттягивало начало свидания на один-два дня, словно кого-то дожидаясь. И действительно, каждый раз, когда мои родные приезжали на свидание, через день-два прибывала бригада специалистов с аппаратурой для подслушивания и тайной записи всех разговоров между родными и заключенным. Конечно, эти специалисты подслушивали разговоры на свиданиях только у верующих: их очень интересовала жизнь Церкви и настроение верующих. Другие заключенные их

меньше интересовали. Вот и теперь, заранее предвидя это, мои родные терпеливо ждали почти двое суток, пока запустили их в помещение для свидания...

А затем вызвали на свидание меня. И вот я на вахте. В специальной комнате для обыска мне приказали снять всю одежду, даже нижнее белье, снять обувь. Один из солдат тщательно все исследует. Рядом стоят два офицера и наблюдают.

Один из них, сотрудник оперативного отдела, худощавый, высокого роста; маленькие усики, колючий взгляд. Он в новой офицерской шинели, на ногах сверкающие новенькие сапоги. Гладко выбрит и надушен резко пахнущим одеколоном. Он слегка улыбается, наблюдая за обыском. В руках новенькая офицерская фуражка. Во всем его облике: от улыбки, выражения глаз. до фуражки и сверкающих сапог - чувствуется этакое самодовольство и наслаждение властью. Он весь как бы приготовился к большому празднику, к параду. Как же, сама Москва интересуется этим свиданием! Все будет записано на магнитофонную ленту. Такое не часто бывает в этом северном лагере.

- Что при вас есть запрещенное? - спрашивает он.

- А что вы имеете ввиду? - уточняю я.

- Письма, инструкции для Церкви?! - офицер выразительно смотрит на меня.

- Вы ошибаетесь, гражданин офицер. Церковь не нуждается в моих инструкциях. Она имеет Божьи инструкции в Евангелии! И они также записаны Самим Богом в сердце каждого верующего, - спокойно отвечаю я.

Часть моей одежды в руках солдата, остальная - на специальном столе для обыска. Рядом стоят сапоги. В комнате очень холодно. Немного дрожу. Руки и ноги синеют. Офицер смотрит на меня, презрительно ухмыляется: "Вот до чего довела вас ваша вера, до положения уголовного!" Потом он нагибается и осторожно, брезгливо поднимает с пола один из моих грубых арестантских сапог. Кладет сапог на стол и внимательно исследует. Сердце мое замирает... Хотя в тайнике сапога еще ничего нет, но на душе тревога. Могут лишить свидания за тайник, если обнаружат. Но Виктор все так аккуратно сделал, что офицер ничего не заметил, и вскоре поставил сапог на пол. Второй сапог он даже не посмотрел.

"Одевайтесь!" - приказал мне один из офицеров, и они все трое, вместе с солдатами, ушли из комнаты обыска.

Когда я оделся и обул сапоги, в комнату вошел дежурный офицер по лагерю. Это был тот офицер, который однажды ночью дал мне возможность слушать христианское радиослужение. Высокий, полный мужчина лет 35, в звании лейтенанта. Он спросил, добродушно улыбаясь: "Что они у вас искали? Вашу веру? Так она же не в кармане, а в вашей душе! И вы ее не прячете. Ну, пойдем на свидание. Ваши уже заждались. Они уже часа два как запущены в помещение. Их тоже тщательно обыскивала одна из женщин. Ничего не нашли. И что они ищут у верующих? Водку вы не пьете, наркотики не принимаете... Я бы вас. верующих вообще не обыскивал!" А потом он закрыл дверь комнаты обыска и тихо сказал:

- Если бы это было в моей власти, я бы всех верующих-заключенных освободил из тюрем!

- Спасибо! - сказал я офицеру за его доброе расположение к нам. Дежурный офицер повел меня по коридору административного помещения на вахту, вынул ключ из кармана, открыл дверь помещения свиданий. И я увидел сияющие лица моей милой и дорогой жены. моих дочерей и сыновей: Наташи, Лизы. Жени, Пети и Шурика.

Дети улыбались, все вместе окружили меня и что-то возбужденно говорили, подпрыгивали от радости, буквально повисли на мне. Радость, большая радость! Об этом счастье; быть, наконец, всем вместе, видеть дорогие лица моих самых близких и родных, обнимать их, слышать их радостные голоса - я долго-долго мечтал. Только младший стоял в стороне и застенчиво смотрел на меня. Я протянул к нему руки: "Здравствуй, Шурик!" Сын ничего не ответил.

С опущенной головой он подбежал к матери и уткнулся лицом в ее платье. Он стеснялся, я для него был почти незнаком... Хотя он и знает, что это его отец, но в первый раз встречается с отцом... Он видит радость своих сестер и старшего брата, радость на лице мамы... Сестры стали тянуть его: "Пойдем к папе! Это наш папа! Это твой папа!" Но мальчик еще больше застенялся... "Оставьте его в покое! - попросил я. - Он скоро привыкнет ко мне и будет все в порядке. А сейчас будем молиться и благодарить Господа за эту встречу." Мы зашли в комнату свиданий и преклонили колени для молитвы. Конечно, мы знали, что с первой же минуты каждое слово на свидании, каждая

фраза верующей семьи тайно фиксируется аппаратурой подслушивания. А потом в центре, в Москве, десятки разных чиновников будут многократно прослушивать запись, анализировать и выработать дальнейшую стратегию борьбы с Церковью. Но когда мы встали на колени и я услышал горячие детские молитвы благодарности ГОСПОДУ за возможность видеть отца, когда после долгой разлуки моя верная подруга жизни, моя жена, со слезами благодарила Господа и когда я сам молился, мы не думали о подслушивании. Для нас в это время ничего не существовало: ни лагеря ни тюрьмы! Только Господь, только эта молитва к Нему была реальностью. И мы знали, что Господь слышит нас, что Он любит нас, что Он невидимо с нами здесь, в этой комнате свиданий.

А потом долгие часы мы говорили. Но не обо всем мы могли говорить открыто: моя жена привезла бумагу, карандаши и спички. Самое важное мы не говорили вслух, а писали мелким почерком на бумаге, а потом сжигали эту бумагу в туалете.

Первое, что написали мои дети: "Мы привезли тебе Евангелие! Во время обыска его у нас не нашли. И еще мы привезли фотоаппарат, но он еще там. на квартире, где мы остановились, с нашими вещами. Мы решили не брать его с собой в первый день свидания".

Интересно, как младший мой сынок Шурик привыкал ко мне.

Сначала он стеснялся прямо обращаться ко мне: он подходил к кому-нибудь из своих сестер и что-то шептал на ухо. а потом просил: "Скажи ему (т.е. мне) об этом!" Но постепенно Шура привык ко мне и на следующий день почти не стеснялся. Он уже обращался ко мне: "Папа. поиграй со мной. Папа, расскажи мне что-нибудь!" А своим сестричкам шептал: "Теперь я знаю, это мой папа!" Дети мне рассказали об интересном эпизоде, который произошел с Шуриком в Москве. Когда они ехали в автобусе в аэропорт, Шура познакомился с девочкой его возраста. Ее мама сидела рядом с ними, они тоже ехали в аэропорт. Имя Девочки было Таня. Они всю дорогу разговаривали, и вдруг Шура неожиданно громко спросил у девочки: "Таня! А ты тоже едешь в тюрьму на свидание со своим папой?" На какое-то время в автобусе стало очень тихо... Пассажиры недоуменно смотрели на Шурика. А он продолжал: "Мой папа живет в тюрьме! Я скоро увижу своего папу!" А дальше он уже мечтал вслух: "Мы заберем папу домой. Папина тюрьма на Севере, а там очень холодно!" Моей жене пришлось остановить откровенную речь сына.

Танина мама отвернулась от Шурика и от его мамы к окну. А сам Шурик так и не понял, что произошло. Он думал, что если его папа в тюрьме, то и папы других детей тоже в тюрьме, и всем нужно ехать, чтобы увидиться со своими папами. И вот теперь Шурик на свидании с папой!

Нам дали разрешение на три дня личного свидания, и так как ко мне приехала вся моя большая семья: жена и пятеро наших детей, то нам разрешили занять две небольшие комнаты.

Всего в лагере три комнаты свиданий. Кроме нашей семьи, других семей на свидании в эти дни не было. А как о многом нам нужно было поговорить! Дети растут, становятся большими. У каждого из них свой отдельный, неповторимый и безбрежный мир: интересы, понятия и даже свои проблемы. Хочется с каждым из них побеседовать, побольше узнать о них и постараться ответить на многие вопросы. Главное в жизни моих дочерей - Господь, Церковь, друзья по вере, жизнь христианской молодежи. Как это дорого для меня. Как отратно слышать, что они любят Господа!

Все эти дни проходили, как непрерывный праздник: оживленные, радостные лица детей и непрерывный поток разговоров.

Но часто, очень часто, кто-то из детей внезапно замолкает и молча прикладывает палец к губам: "Молчите! Об этом нельзя говорить вслух!" И затем беседа ведется на бумаге карандашом, и написанное немедленно сжигается.

Мою жену и детей очень интересуют подробности моей лагерной жизни, и о многом я говорю открыто. Конечно, я не говорю ничего о тех, с кем я беседую о Боге. Особенно оживленно за обеденным столом, на кухне. Моя жена привезла много продуктов, почти год они готовились к свиданию.

Привезли и апельсины. Это большая редкость, и достать их трудно не только на Севере, но и в Киеве, на Украине. Младшие дети постоянно поглядывают на апельсины, трогают их пальчиками... Все хотят меня крепко накормить. Надя отварила мясо с картофелем, привезла она также свежих овощей, которых нет в лагере. Но мне дороже всего не апельсины и не мясо а лук и чеснок, которые я ем с душистым киевским хлебом и не могу наесться. А с апельсинов я снимаю такую ароматную кожуру, кладу на тарелки апельсиновые дольки и даю детям. Мне так приятно видеть, с каким аппетитом они их едят.

- Папа, ты сам ешь апельсин! - отталкивает мою руку с очередной долькой апельсина мой младший сын. А я его пытаюсь убедить:

- Для папы самое вкусное - это чеснок, а не апельсины!

И что ты в нем находишь вкусного, в этом апельсине, просто непонятно?! - спрашиваю я Шурика.

После этого он покорно протягивает руку за очередной долькой, так как убежден, что для отца апельсин не представляет интереса.

На второй день свидания к нам зашел дежурный офицер.

Он обратился к Наде, моей жене: "Начальник лагеря просит вас зайти в канцелярию лагеря для беседы".

Очень странно... Неужели хотят прервать наше свидание? Мы помолились, и Надя пошла. Уходя, она взяла с собой большую бутылку для свежего молока, которое можно было купить у местных якутов. Через два часа она вернулась с молоком.

- Для чего тебя вызывали и кто вызывал? - засыпали ее вопросами я и дети.

- Пейте все молоко! - сказала Надя и налила всем по стакану свежего молока. Я тоже налил себе. В лагере молока совсем не бывает. Надя взяла листок бумаги и написала:

"Со мной беседовал начальник лагеря и еще какой-то офицер.

Они говорили мне: "Как вам и вашим детям трудно без мужа и отца! И мы готовы отпустить его вместе с вами домой, если ваш муж напишет сейчас заявление, что он лично осуждает свои прежние преступные действия против государства и общества и обязуется переменить свой образ жизни..." - Ну, и что же ты им сказала? - спросил я вслух. - Говори открыто!

- Я спросила начальника лагеря: "А вы с ним говорили сами об этом?" Он ответил: "Да, я говорил, но он отказывается говорить на эту тему. Вы - мать его детей! Подумайте о детях, растущих без отца!" А второй офицер сказал:

"Если он не хочет это написать, то вы напишите вместо него! Напишите просьбу правительству, что вы, как жена, просите помиловать вашего мужа и что вы приложите все усилия, чтобы он больше не совершал преступлений!" Я им ответила:

- Мой муж и так не совершал преступлений. Он - проповедник Евангелия и от этого служения он отказаться не может!

Тогда начальник лагеря медленно и твердо сказал:

- Ваш муж осужден на 10 лет. После отбытия этого срока он будет осужден еще на 10 лет. Подумайте об этом серьезно!

А второй офицер подтвердил это, но мягким, дружелюбным голосом:

- Да, да, подумайте хорошо! Вы могли бы сейчас задержаться здесь, в Якутске, на несколько дней. а мы создали бы комиссию, и через неделю вы вместе с мужем смогли бы поехать домой! Как это хорошо: несколько дней, и он на свободе! Вот вам бумага! Пишите!

Так Надя рассказала о беседе с ней начальства лагеря. Я сказал моей жене и моим детям громко, чтобы услышали и те, кто подслушивает через аппаратуру: "Я никогда не перестану, Пока жив. проповедовать Евангелие и ныне отрекусь от гонимого братства. Отречься от страдающей Церкви Христовой - это отречься от Христа!" Затем мы помолились Господу, чтобы Он укрепил всех нас сохранять верность Ему до конца.

Интересно то, что Надя после беседы с начальством лагеря зашла в поселке в дом, где они ночевали перед свиданием и где они оставили свои вещи, купила у хозяйки молока, также взяла с собой фотоаппарат. Она положила фотоаппарат в сумку и вернулась в комнату свидания, и никто ее не обыскивал.

Каждый вечер в комнате свидания мы завешивали окно одеялом. Так мы сделали и в тот вечер. Мой сын Петр сделал несколько снимков нашей семьи. В тот же вечер я решил упаковать Евангелие от Иоанна в мои тайники в сапогах. Осторожно столовым ножом я оторвал оба каблука. Из общего Евангелия я отделил 11 глав Евангелия от Иоанна, сложил их вчетверо и хотел было положить в тайник в одном сапоге. Но это было невозможно, т.к. туда вошли только 8 глав. Я был

огорчен, но продолжал свою работу. В другой сапог вошли только 7 глав. Я опять аккуратно забил каблуки ножом. А в это время дети умышленно устроили шум и возню, так что стука ножа о каблук, полагаю, не было слышно. Итак, у меня 15 первых глав Евангелия от Иоанна. А теперь главный вопрос, как пронести в зону это богатство! Господи, помоги!

Но меня ожидала еще большая радость. Я только закончил свою операцию с сапогами, как мои родные показали мне маленькое Евангелие от Марка, которое они тоже привезли на свидание. Это был сюрприз. Евангелие от Марка маленького формата, размером чуть больше спичечной коробки, было отпечатано нашим издательством "Христианин" в 1973 г. в количестве 5 тысяч экземпляров. Это издание - перепечатка с синодального издания конца прошлого века с сохранением старого правописания. Я помню, как вопрос переиздания Евангелия от Марка методом офсетной печати обсуждался в кругу друзей-печатников. Маленькое Евангелие от Марка было предназначено прежде всего, для узников-христиан. И вот теперь это Евангелие пришло ко мне в лагерь! Слава Господу! Но как его пронести в лагерь?! В каблуки оно не поместится, да я их уже и прибил... Я держал на ладони это крохотное Евангелие. Его легко спрятать в руке. О, как хотелось мне пронести его в лагерь! И я стал думать. Потом я взял и пришил это маленькое Евангелие от Марка к нижней части своей майки. Затем я потренировался: надел майку, держа нижний край ее с Евангелием в руке, а затем снял, все так же, не выпуская Евангелия из руки. Со стороны было совсем незаметно, что у меня в руке пришитое к майке Евангелие. Так я проделал несколько раз.

Во время свидания при помощи записочек мои родные рассказали мне, что Церковь живет, бодрая, что Господь благословляет Свой народ, что есть покаяния, крещения. В церквях много молодежи, детей; наше издательство "Христианин" продолжает успешно работать, печатая духовную литературу, и прежде всего Евангелия и сборники христианских гимнов на русском, украинском и других языках народов СССР. "Скоро ожидаем выпуска полной Библии на русском языке", - написала мне моя старшая дочка Наташа.

В 1974 году в марте месяце, когда я был арестован в Сибири, при мне был микрат Библии на микроплёнке специально для изготовления типографских пластин с текстом Библии. Я так переживал из-за конфискации этой плёнки.

И вот теперь я был обрадован, что готовится тираж Библии в наших типографиях. Слава Господу! Я очень обрадовался всему этому и утешился. Также ободрился я духом моей семьи, что нет уныния, что и жена моя и дети понимают трудный, тернистый христианский путь, которым Господь ведет наше дорогое страдающее братство Христово, а также и нашу семью.

Мы много молились в эти дни и рассуждали о путях Господних. Мы даже пели наши любимые христианские гимны. Я детям рассказывал об их дедушке, моем отце, который любил Господа и Его Церковь и был замучен в лагере за веру Христову. Быстро пролетели три дня драгоценного свидания. Как трудно расставаться! В дверях комнаты уже стоит солдат и торопит меня, а мой маленький трехлетний сын обхватил меня за шею и просит: "Пойдем с нами домой, папа! Ну, пойдем! Я без тебя не пойду! Я без тебя не могу жить?" Надя вытирает слезы, дочки тоже вот-вот заплачут.

А у меня самого слезы внутри, но нужно крепиться. Дети не должны видеть моих слез. Осторожно спускаю сына с рук и говорю ему, как взрослому: "Я должен еще остаться здесь, в лагере. Я еще не все сделал, что поручил мне Господь. Я - проповедник Евангелия, а здесь тысячи заключенных, не знающих о Христе. Это очень ответственное поручение от Бога! Сынок, разреши мне остаться в этом лагере?" Мальчик уже многое понимает, и мой спокойный тон и обращение к нему лично окончательно успокаивают его. Мы молимся в последний раз в присутствии конвоя, я всех по очереди крепко обнимаю и целую, и мы расстаемся. Конвой уводит меня. Мои милые родные грустно смотрят мне вслед. Следующее свидание, в лучшем случае, будет только через год.

Грустно мне... Доколе, Господи?! "Доколе мне слагать советы в душе моей, скорбь в сердце моем день и ночь? Доколе врагу моему возноситься надо мною?" (Псалом 12:3). Доколе, господи?

Конечно, никаких продуктов после свидания конвой не разрешил мне взять. Я только положил себе в карман несколько головок чеснока. Это большое богатство для заключенного в северном лагере. Десны у заключенных бледные, часто кровоточат. Часты случаи заболевания цингой. Я выбрал самые большие и крепкие головки. Солдат завел меня в специальное помещение для обыска: большую пустую комнату с длинным черным столом посередине, на который кладут вещи, одежду и обувь во время обыска. Меня обыскивали двое солдат: "Вынимай все из карманов!" Я вынул чеснок. Один из солдат сказал:

- Это не разрешается!

- Это же не продукты питания, это - витамины, лекарство против цинги. Я прошу вас рассматривать этот чеснок, как витамины!

- Нет! Не положено! - ответил солдат.

И мой чеснок забрали. Потом взяли мои сапоги, посмотрели со всех сторон, но ничего не заметили... Проверили носки, велели снимать всю одежду. Я снял все и только майку приподнял кверху, не снимая, а в руке держал пришитое к ней маленькое Евангелие. Солдат кивнул головой: "Хорошо. не снимай!" Оба солдата тщательно проверили, прощупали каждый шов моей одежды, кроме майки.

- Деньги есть? - спросил солдат.

- Нет! Денег нет.

- Есть наркотики?

- И наркотиков нет! Я - верующий. Есть только вера!

Солдаты посмотрели на меня, продолжая прощупывать мою одежду. Один из них сказал:

- Вера - это твое личное дело, храни ее внутри себя!

Потом мне разрешили одеться. Не выпуская из руки Евангелие от Марка, я оделся и пошел в зону. Примерно через час после возвращения в зону меня встретил Виктор:

- Ну, как дела?

- Все хорошо. Пронес! - радостно отвечаю.

- Сними сапоги и поставь возле своей койки, а потом я их незаметно заберу.

Так я и сделал. Виктор забрал мои сапоги, оторвал каблуки и вынул из них 15 глав Евангелия от Иоанна. Потом пошел в швейную мастерскую при лагере, выбрал момент, когда там никого не было, и аккуратно разгладил утюгом помятые страницы Евангелия. От комнаты свиданий до барака я прошел не более 250-300 метров в сапогах, но этого было достаточно, чтобы листы с текстом Евангелия от Иоанна отчасти деформировались, а некоторые буквы стерлись. Но Виктор подклеил порванные листки и сделал красивый переплет для этих 15 глав. Евангелие от Марка я тоже показал ему. Он очень удивился, что я смог и эту книжечку пронести в лагерь.

Так Господь послал Свое Слово в далекий лагерь на Севере.

Теперь в лагере два Евангелия. Слава Богу! Будет возможность давать читать потихоньку и другим заключенным: тем, кто интересуется. Виктор попросил у меня Евангелие от Иоанна и стал читать его со своим другом Михаилом. Удивительны пути Божьи! Михаил интересуется Евангелием в лагере. А на свободе не хотел читать, хотя и была у него такая возможность. Михаилу тридцать лет. Он среднего роста, коренастый. Был осужден за автодорожную аварию. Он работал водителем большого грузовика.

Михаил любил выпить, и однажды, будучи пьяным, сбил на дороге человека. Пострадавший умер в больнице. И вот теперь Михаил в лагере. А дома осталась жена и восьмилетняя дочь. Интересно, что жена Михаила из семьи верующих.

В детстве много слышала о Боге, посещала собрания. Хотя мать ее верующая, но дочь, когда подросла, оставила собрания верующих, стала встречаться с неверующими молодыми людьми, перестала слушаться мать. В 18 лет она вышла замуж за Михаила, веселого парня, любителя шумных компаний и выпивок. Вскоре у них родилась дочь. Бабушка очень полюбила внучку, часто брала ее к себе домой, а Михаилу и его жене говорила о Боге, предлагала читать Евангелие.

- Я очень сердился на нее, когда она говорила мне о Боге. Я и слушать ее не хотел! - вспоминает Михаил.

- Она, вероятно, советовала тебе также бросить пить? спросил я Михаила.

- Да, и это было! - улыбался Михаил. - Я требовал от жены, чтобы она не разрешала верующей бабушке брать внучку к себе. И вообще я хотел, чтобы жена моя полностью порвала со своей богомольной матерью.

И вот теперь, в этом северном лагере, Михаил читает Евангелие! Разве это не удивительно?! Весьма характерно, что еще за несколько месяцев до моего прибытия в лагерь Виктор стал свидетельствовать Михаилу о Боге и они вместе читали Евангелие, которое у Виктора потом отобрали при обыске. Как-то Михаил сказал мне, что получил письмо от жены, и что она пишет, что ходит на собрания верующих.

- Она и сама уже верующая! - сказал Михаил.

- А дочка? - спросил я.

- Дочка живет у бабушки и тоже ходит в собрания вместе с ней! - Но сказал Михаил это без особой радости. Хотя он в лагере и взял в руки Евангелие и стал читать его вместе с Виктором, но в душе его еще продолжалась борьба.

борьба света и тьмы. Но я радовался, что Господь начал работу над душами жены Михаила и их дочки, да и над ним самим. Какие удивительные пути Божьи!

После свидания, примерно через два дня, меня вызвали вечером, после работы, по лагерному радио на вахту. "В чем дело? Может быть узнали, что я пронес Евангелие?" Я спрятал Евангелие от Марка и пошел на вахту. Дежурный офицер спросил меня:

- Вы со свидания брали с собой чеснок?

- Да, я взял несколько головок, но солдаты у меня их отняли.

- Начальство лагеря решило отдать вам чеснок.

- Большое спасибо!

Я положил в карман куртки чеснок. Это были пять или шесть головок хорошего крупного чеснока. Какое это богатство на Севере! Я так благодарен был Богу за этот неожиданный подарок.

Когда я вернулся в свой барак, многие заключенные лежали на своих койках и отдыхали. Меня встретил Виктор:

- Зачем тебя вызывали на вахту? - спросил он встревожено.

- Да вот, вернули чеснок! - ответил я, вынимая чеснок из кармана.

- О! Да это же такой праздник! - воскликнул радостно Виктор.

- А хлеб у тебя есть? - спросил я Виктора.

- Сейчас мигом найдем! - и Виктор побежал к друзьям за хлебом.

Я прошел к своей койке и обратился к заключенным:

- Ребята! Есть чеснок, будем пировать! Кто хочет, ко мне! У кого есть хлеб, захватите!

Возле моей койки собралось человек десять, среди них Виктор и его друг Михаил. Я расстелил газету на кровати, положил на нее чеснок. Виктор и другие положили рядом несколько кусков черного хлеба. Кто-то принес соль. Как все мои товарищи по заключению истосковались за многие годы по чесноку, по овощам, витаминам. Перед едой я обратился к собравшимся: "После свидания я положил эти головки чеснока в карман, но солдаты забрали их у меня при обыске. Но мой Бог, в Которого я верю, расположил сердце дежурного офицера, и вот этот чеснок перед нами! Я хочу в молитве поблагодарить Бога за этот дорогой подарок!" И я помолился. О, с какой жадностью люди набросились на чеснок! Некоторые брали зубки чеснока и натирали свои бледные десны. У некоторых десны кровоточили. Мы посыпали корки хлеба солью и натирали их чесноком. Одну головку чеснока я оставил в своем кармане.

В лагере уже более десяти лет содержался глубокий старик лет восьмидесяти. Все называли его "дед Трясучка".

Он был очень слабый, у него всегда сильно тряслись руки. Когда он держал кружку с водой или ложку, ему трудно было пить или есть, так сильно тряслись у него руки. Но ноги у него были еще крепкие, и он сам ходил в лагерную столовую. За что он находился в лагере, я не знаю, т.к.

сам он никогда не говорил об этом. Его в лагере все знали, и заключенные, и охрана. Часто над ним шутили.

- Дед Трясучка, как дела? Как настроение?! - кричали ему приветливо заключенные при встрече.

- Хорошо! Еще дышим! - отвечал, улыбаясь, дед Трясучка.

- Когда домой? Когда на свободу? - спрашивали его заключенные.

И он с горькой иронией отвечал:

- В двухтысячном году!

Непонятно, почему такого древнего и больного человека не отпустят домой по старости, по болезни? В лагере было около двадцати таких древних стариков. Всем им было свыше семидесяти лет. Но некоторые из них еще работали. Я немного подружился с дедом Трясучкой, звали его Иван Васильевич. Я хотел как-то одобрить, утешить его, указать на Христа, но Иван Васильевич наотрез отказался беседовать о вере. Он сказал: "Георгий, спасибо тебе за доброе расположение ко мне, но о Боге не надо! Я не верю и ничего не хочу слышать о Нем!" Но для меня Иван Васильевич все равно был дорог: такой простой, приветливый и такой болезненный, с трясущимися руками. Я решил отдать эту последнюю головку чеснока Ивану Васильевичу.

Я встретил его на следующий день, когда он шел из столовой.

- Иван Васильевич, добрый день! Как жизнь? - спросил я.

- Хорошо! Еще дышим! - ответил он своей традиционной фразой.

- Я хочу вас угостить! - сказал я и протянул ему большую головку чеснока, завернутую в бумажку.

- Ты сам ешь его! Ты еще молодой, тебе самому нужны овощи, особенно чеснок, - сказал Иван Васильевич, останавливаясь. - а я старик, и так проживу.

- Возьмите, пожалуйста! - попросил я. - Вы, наверное, уже давно не видели чеснока?

- Да, уже почти 10 лет не видел ни чеснока, ни помидора. ни редиски. Только один раз за все время меня кто-то яблоком угостил, - сказал он.

- А как семья? Неужели никто не приезжает к вам на свидание?! - спросил я и понял, что сделал оплошность.

Лицо его помрачнело, и он сказал:

- У меня нет семьи! Я никому не нужен! Никто ко мне не приезжает и никто меня не ждет на свободе! - Руки Ивана Васильевича стали сильнее трястись. Я взял его руку и вложил в нее чеснок:

- Это вам! Вам очень нужны овощи! Не обижайте меня, возьмите! По лицу Ивана Васильевича потекли слезы:

- Спасибо, Георгий! Первый раз за десять лет - чеснок! Он трясущимися руками с большим трудом засунул чеснок в карман и медленно пошел в свой барак.

Через неделю, когда мы снова увиделись, Иван Васильевич приветствовал меня:

- Привет, Георгий! Еще дышу! А теперь даже чесноком дышу! я каждый день по одной дольке съедаю! Знаешь, я себя даже лучше чувствовать стал. Вот видишь, даже руки меньше трясутся! - радовался он.

- Да, да! Вы теперь, как молодой! - старался я ободрить Ивана Васильевича. Я молился о нем, чтобы Господь коснулся его сердца. Мне было так жаль, что сердце этого старого человека закрыто для Бога.

А теперь о Евангелии. Как я его читал? Евангелие от Марка можно было просто держать на ладони, и его со стороны не видно. Часто я читал Евангелие в бараке, стоя у своей койки. Койки двухъярусные, можно просто положить руку с раскрытым Евангелием на верхнюю койку и читать. Конечно, некоторые заключенные видели это, но молчали, хранили мою тайну. Если заходил в помещение солдат или офицер, то они не замечали, что я что-то читаю. Они просто видели, что заключенный очень устал и стоит, задумчиво опершись о кровать, о чем-то мечтает...

Каждое воскресенье заключенным показывали кинокартину.

Все с нетерпением ждали этого часа. Ждал его и я. Кино показывали в специальном лагерном клубе, где был большой зал на 1000 человек. Я смотреть кино не ходил, хотя администрация лагеря настаивала на всеобщем посещении кино. Много раз меня вызывал начальник нашего отряда, капитан по званию, Наш разговор проходил примерно в таком плане:

- Почему вы не ходите в кино? Это воспитательное мероприятие и оно обязательно для всех осужденных! - говорил капитан.

- Я - верующий, и я не хочу смотреть пустые, мирские фильмы? Я не нарушаю режим лагеря, работаю, но смотреть безбожные фильмы не могу! Вот если бы лагере показывали христианские фильмы, я бы их охотно смотрел!

- Еще чего не хватало! Христианские фильмы в лагере!

- возмущался капитан. - Мы будем вас наказывать! Все в исправительно-трудовом учреждении должны смотреть наши советские фильмы! - так заканчивал он беседу.

А я продолжал избегать посещения кино, но с нетерпением ждал этого часа, когда все заключенные уходили из барака смотреть фильм. Я оставался один не только в нашей секции, но и во всем бараке. Я доставал Евангелие от Марка или 15 глав Евангелия от Иоанна и читал, молился, размышлял и читал. А вокруг такая благодатная тишина! Удивительная тишина после многих дней суеты, шума вокруг, крика, ругани...

В лагере был один заключенный с очень маленьким сроком заключения, всего только 1 год. Его звали Яков. Он был лет 28-30-ти, очень высокий и худой, быстрый в движениях, энергичный. Яков работал со мной в бригаде электриков.

Его малый срок заключения давал повод другим заключенным подшучивать над ним:

- Тоже каторжник: один год получил. Весь твой срок можно простоять на одной ноге!

Яков, очень приветливый и общительный человек, был осужден по какому-то незначительному уголовному делу.

Это его вторая судимость. Поэтому он и попал на строгий режим. Я с ним много беседовал о Боге и доверял ему.

Сердце Якова было открыто для свидетельства о Христе.

Он знал, что у меня есть Евангелие, и очень просил дать ему почитать. Но читать в жилом бараке он не мог, т.к. боялся, чтобы не увидела охрана. Он просил дать ему Евангелие в рабочую зону, на завод.

Рабочая зона - это тоже охраняемый лагерь, но отделенный от жилой зоны высоким забором. На территории рабочей зоны несколько деревообделочных цехов. Около одного из цехов, прямо на открытом воздухе, стояли большие электрические трансформаторы. Они были ограждены сплошным деревянным забором, т.к. были очень опасны для людей. Напряжение было 10,000 вольт. Снаружи ограждения на заборе висела металлическая красная табличка: "Стоять!

Высокое напряжение!" и изображен череп со скрещенными сетями. Солдаты и офицеры боялись близко подходить и почти никогда не заходили внутрь этого огражденного места. Однако, электрики периодически осторожно заходили туда для осмотра оборудования. Вот это место и избрал Яков для чтения Евангелия, там же он и хранил его. Очень часто он находился там, все читал. Если его вызывали в цех (он, как и я, был дежурным электриком в цеху), то я быстро находил его.

У Якова была большая страсть к курению. По его словам, он курил уже более пятнадцати лет. Прочитав Евангелие от Иоанна (пятнадцать глав) и Евангелие от Марка несколько раз, он сказал мне:

- Я должен бросить курить! Как ты думаешь, курить это грех?

- Конечно, это грех. Верующие не курят, потому что это грех, а никотин - яд, разрушает здоровье.

И Яков бросил курить. Но он и до этого уже несколько раз бросал курение. Первый раз, после знакомства с Евангелием, он взял и раздал все свои папиросы своим товарищам и сказал: "Все, я больше не курю!" Больше месяца Яков не курил, а потом кто-то из его друзей-заключенных опять предложил ему папиросу, и Яков не выдержал, закурил. Но Слово Божие уже осуждало его, жгло его совесть.

Яков пересматривал многие стороны своей жизни. Он часто делился со мной, что не имеет силы воли и сокрушался, что его жизнь так далека от учения Евангелия. Конечно, вопрос был не только в курении, но во всей его греховной жизни. За свою молодую жизнь он уже был трижды женат, вернее, официально только один раз. но имел три семьи и в каждой из трех семей - его дети. О детях Яков мало говорил и совершенно не заботился о них. Они не были в его сердце. И вот теперь остановка, проверка, анализ всей жизни... Только Бог мог остановить его. Раньше Яков об этом не задумывался.

- Что мне делать? Что я натворил в своей жизни?! Меня ждут все три семьи, три жены и четверо детей! У последней жены двое детей. Может ли Бог помочь мне?

- Бог силен помочь тебе! Слово Божие говорит: "Итак, оставляя времена неведения, Бог ныне повелевает людям всем повсюду покаяться!" (Деян. 17:30). Ты должен покаяться перед Богом и просить прощения у всех трех своих "жен", как их называешь! Ты должен проявить заботу, как отец, о своих детях. Но иметь только одну жену, а не трех.

У нас с Яковом были продолжительные беседы о Господе.

Через некоторое время Яков снова бросил курить. В этот раз он впал в страшное ожесточение на папиросы, на себя лично... Он не стал раздавать оставшиеся папиросы другим, как в прошлый раз. Яков высыпал их на землю, в грязь и стал топтать их с яростью. Я понимал, что в его бурном гневе на папиросы проявляется ненависть не только к папиросам, но и ко всему греховному в его жизни. Я молился, усиленно молился о Якове, и призывал его полностью отдать свое сердце ГОСПОДУ, но Яков колебался. Хотя он уже не курил, но иногда вдруг замыкался в себе, даже временно избегал меня, молчал. Под впечатлением бесед с Яковом я написал стихотворение:

Как найти к душе твоей тропинку
И слова какие подыскать,
Чтоб исчезла недоверья льдинка
И сияла Божья благодать?
Ты и сам мне говорил недавно
С горечью о гибельных годах:
О путях преступных и бесславных
В воровстве и пьяных кутежах...
Ты б хотел навеки бросить пьянство
И табак, и прочие дела,
Только нет ни грамма постоянства.
Будто воля сожжена дотла.
Сколько раз бросал ты сигареты,
Втапывая пачку "Примы" в грязь.
И давал торжественно обеты,
Что начнешь красивой жизни вязь?
А потом опять курил украдкой
И хмельную брагу доставал,
И сжигалась жизнь в угаре гадком,
А ночами жалобно стонал...
Только Бог способен во мгновение
Твою жизнь навеки изменить!
Обратись к Источнику спасенья,
Чтобы верить! Радоваться! Жить!

Вскоре Яков освободился. Перед освобождением он обратился ко мне: "Дай мне адрес ваших верующих. Я хочу посещать их собрания". Яков возвращался к своим родителям.

Они жили в деревне, в районе озера Байкал, недалеко от Иркутска. У меня был адрес одной верующей семьи в Иркутске.

От них я получил в лагере письмо. Я дал Якову их адрес, "Спасибо за Евангелие. Я многое понял. Никто раньше мне не разъяснял о Боге! Спасибо! Я хочу жить чисто!" - прощался со мной Яков. Так мы расстались...

Я думаю, что начальство лагеря знало о моих беседах с Яковом, Виктором и другими, и со своей стороны принимало меры. Особенно его беспокоила моя дружба с Виктором. Внезапно оперативный отдел лагеря произвел обыск личных вещей, коек, постелей у меня, и у Виктора.

Офицеры оперативного отдела, встречая нас, проверяли наши карманы, все чего-то искали. Но мы знали, что они ищут Евангелие. В лагере уже многие читали эту Божью книгу. Начальство стало не на шутку тревожиться.

Однажды, после обеда Виктора внезапно, прямо с работы, вызвали на вахту и сразу же отправили в другой лагерь, за 3 тысячи километров от нашего лагеря. Евангелие от Иоанна в это время было у Михаила. Из нового лагеря Виктор вскоре написал письмо. Он не мог открыто написать мне из-за лагерной цензуры. Виктор написал письмо на имя Михаила: "Передай Петровичу, - так он называл меня по отчеству, - пусть продолжает твердо стоять за свою веру. Он был для меня большим примером". Как дороги были для меня эти несколько слов от человека, с которым Бог свел меня в далеком северном лагере. Его дальнейшая судьба мне неизвестна.

Что дальше с ним произошло? Где он сейчас? Однако, я уверен что он не оставлен Господом. Я верю, что Господь услышал молитвы его тети.

Стало как-то сиротливо без Якова и без Виктора. Наступил перебой с письмами от родных. Что с ними? Что с братством? Многие служители Церкви в узах. Как брат Крючков Г.К.? Власти ищут его по всей стране. Трудно в узах, вдали от семьи и Церкви. Но на свободе не менее трудно друзьям по вере: мало тружеников, не хватает служителей. Так бы и полетел в Киев: к родным, к друзьям, к Церкви! Наступила осень с холодными туманами и унылыми дождями... Одиноко и тоскливо:

Оделись сопки в хмурые туманы, И ткут печаль унылые дожди...

Так стало рождаться новое стихотворение.

А где-то солнце золотит каштаны, Но скорой встречи с ними ты не жди.

Не жди! Не жди скорой свободы и встречи с родными и близкими. Впереди еще много лет тюремных и лагерных скитаний, а затем ссылка... Но после первого четверостишья стих дальше не двигался. Я думал: "Не жди! Твой Удел только лагерь, хмурые туманы и унылые дожди... и все. Одиночество, тоска, уныние - вот и весь твой удел..." А стихотворение остановилось и дальше не развивается больше не о чем говорить. Отчаяние! Тупик!

Оделись сопки в хмурые туманы

И ткут печаль унылые дожди.

А где-то солнце золотит каштаны...

Но скорой встречи с ними ты не жди!

"А как же вера? Как упование на Господа?! Где твоя вера?" - так я стал спрашивать себя. И вдруг, как разряд молнии, промелькнула радостная мысль и озарила мою душу:

"Не унывай!

Надейся!

Веруй!

Жди!"

А дальше полились жизнеутверждающие строки:

Оделись сопки в хмурые туманы

И ткут печаль унылые дожди.

А где-то солнце золотит каштаны...

"Не унывай!

Надейся!

Веруй!

Жди!"

"Притом знаем, что любящим Бога, призванным по Его изволению, все содействует ко благу" (Римлянам 8:28).

Как я мог упустить из внимания этот замечательный стих Священного Писания?

Для тех, кто верит, все дарует благо:

Осенний дождь и зимняя пурга.

Весенние потоки по оврагам, И майские цветущие луга!

Для любящих доступно совершенство В терпении и верности святой.

Несокрушимый внутренний покой И радости бескрайнее блаженство!

Написав последние строчки, я осознал, что стихотворение закончено и верно, истинно отражает состояние души человека, уповающего на Бога при любых обстоятельствах жизни.

И уже нет места для уныния, для чувства одиночества. Радость, торжество во Христе! Я сам повелительно обращался к своей душе: "Надейся! Веруй! Жди! Потому что любящим Бога - все ко благу!" Наступила якутская зима. Впереди страшные морозы.

Но в душе весна - радость в Господе. Он любит меня! Он со мною и здесь, в якутском лагере. Любящим Бога все содействует ко благу!

Однажды вечером, в воскресенье, в день отдыха, я вышел из душевного барака, чтобы немного походить и подышать на свежем воздухе, а главное, - побыть душою в молитвенном общении с Господом вдали от обычного шума и сутолоки арестантского барака. Был октябрь месяц, немного подмораживало. Дышалось легко. Мягкий пушистый снег, падая, ласково касался лица и рук. Я - сибиряк, родился в Сибири и очень люблю русскую зимушку, снег, мороз... Посреди лагеря была спортивная площадка для заключенных.

Летом заключенные играли на ней в волейбол. Но зимой это место было пустынно. Я один ходил по площадке, размышлял, молился. Но вот я заметил, что еще кто-то идет на площадку. И я почему-то подумал: "Этот человек идет не просто на прогулку, а ко мне!" Это был заключенный невысокого роста, коренастый, широкоплечий, с узким разрезом глаз, с широким лицом, примерно моего возраста. По всему было видно что он якут.

- Тебя звать Петрович? - на чистом русском языке спросил меня якут.

- Да, так меня зовут заключенные, - ответил я и спросил, - А ты из нового этапа? Что-то я тебя раньше не видел в лагере...

- Я здесь уже две недели, - ответил он, - меня зовут Степаном. И он широко и дружелюбно улыбнулся.

- Я хочу с тобой поговорить, - продолжал он. - Можно?

- Конечно, можно! - ответил я и остановился.

- Мне сказали наши ребята-якуты, что ты верующий и здесь, в лагере, за веру, - начал снова Степан.

- Да, я верю в Бога...

Но Степан перебил меня:

- Я тоже верю, но в лагере за другое, за убийство!

И он рассказал о себе. Он был учителем математики. Свое образование он получил в Ленинграде, в Институте народов Севера. Семь лет учился в Ленинграде, а потом вернулся в Якутию и стал преподавать в школе математику. Но недолго. Он был уже дважды судим и все по очень тяжелой статье - за убийство. Ранее отбыл наказание - 10 лет лагерей. А сейчас снова был осужден на 15 лет. Он уже отбыл восемь лет своего нового срока. Степан очень вспыльчивый человек, большой любитель водки, но нестойкий по отношению к алкоголю: быстро пьянел и терял контроль над собой. В обычной жизни он человек тихий и спокойный, рассудительный, но в пьяном виде большой скандалист, по его же словам. Всего Степан провел в лагерях уже 18 лет. Господь начал Свою работу над его сердцем. До встречи со мной Степан находился несколько лет в заключении в одном из уральских лагерей. В этом же лагере был один верующий, который много говорил Степану о Господе и был для него большим примером.

Я был рад, что в сердце Степана уже было посеяно слово Божие, хотя Степан никогда еще не видел и не читал Евангелия. Теперь, в этом якутском лагере, куда его только что привели, он узнал, что и здесь есть верующий человек И Степан сразу же пожелал познакомиться со мной. Он очень интересовался Евангелием.

- Петрович! - обратился он ко мне. - У тебя есть Евангелие? Дай мне почитать! В лагере многие знают, что у тебя есть Евангелие и что начальство часто тебя обыскивает, хочет отнять Евангелие.

- А как имя и фамилия твоего знакомого верующего в уральском лагере? - спросил я. - Может быть, я его знаю?

Степан назвал фамилию и имя, но мне этот верующий не был знаком.

- Кто он по вере? - спросил я, - баптист, православный?

- Наверное, баптист, - сказал Степан.

Через два-три дня я дал Степану почитать Евангелие от Иоанна. Степан сиял от счастья. Он несколько раз перечитал эти 15 глав.

- А больше у тебя ничего нет? - спросил он меня примерно дней через десять.

- Евангелие от Марка! - и я протянул ему маленькое Евангелие.

- Такое малюсенькое! - воскликнул удивленно Степан.

- Это настоящее Евангелие?! - уточнил он.

- Конечно, настоящее. Оно напечатано таким малым форматом специально для нас, заключенных, - пояснил я. - Хранить легче, прятать!

Когда Степан прочитал Евангелие от Марка, он сказал мне:

Истина беззащитна, но она непобедима!

- Ты правильно говоришь! Но все-таки я хочу знать, что ты конкретно имеешь в виду? - спросил я.

Степан ответил:

- Христос был убит, распят, но Христос жив. Он воскрес! Сегодня, в нашем двадцатом веке есть христиане, которые верят и любят Христа и страдают за Его учение. Это подтверждает: истина непобедима, Евангелие живо, Христа невозможно уничтожить! Вера в Бога - великая сила! Поэтому я и сказал: истина беззащитна, но она непобедима.

С якутом Степаном мы много беседовали о Боге. Когда у меня появилось в лагере полное Евангелие, Новый Завет с Псалтырем, я давал его читать Степану, а затем и подарил ему это Евангелие.

В 1976 году в "Литературной газете" была опубликована обо мне большая статья, на целую страницу: "Кого защищают американские конгрессмены". В статье сообщалось, что американский Конгресс принял резолюцию-обращение к советскому правительству о моем освобождении. "Литературная газета с возмущением обрушивалась на американский Конгресс за то, что он осмелился поднять голос в защиту узников-верующих. Меня же, как и всех наших верующих, эта статья пыталась представить как обычного уголовника, нарушителя советских законов. Статья была новостью для меня и произвела большое впечатление на весь лагерь: и на начальство, и на заключенных. Интерес к верующим и к нашей вере был очень сильный, особенно со стороны заключенных. Много вопросов, много бесед. Снова вызов к замполиту. На столе у него "Литературная газета", развернутая на вышеупомянутой странице. Вопрос ко мне:

- Как вы оцениваете эту статью?

- Очень интересная статья, - отвечаю. - Хотя и много клеветы в адрес верующих!

Вопрос замполита:

- Кто передал информацию о вас в Америку?!

- я лично не передавал! Я нахожусь в лагере, под стражей.

Снова вопрос:

- Кто же, ваша мать?

- Этот вопрос уже относится к ней, - отвечаю и поясняю, - Уже на протяжении многих лет по всей стране проходят судебные процессы над верующими. Это фактически суды над христианской

верой, суды над Библией! А советская пресса, в том числе и центральные московские газеты, доступные Западу, печатают многочисленные статьи против верующих, часто с описанием судебных процессов. Вот здесь и ищите.

в первую очередь тех, кто информирует весь мир о гонениях и об узниках за веру в нашей стране.

- Но почему американский Конгресс принял резолюцию именно о вас?

- Возможно потому, что советская пресса много пишет обо мне. А мой отец был американским гражданином и миссионером, который приехал в СССР в 1926 году, а через четыре года был арестован как верующий и служитель Церкви. Мой отец умер в лагере на Колыме. Я полагаю, вам это известно?

- Да, это известно. - подтвердил замполит.

- Я думаю, что это известно и в Америке, откуда приехал в СССР мой отец.

- Вот и мать ваша была осуждена на три года за нарушение советских законов... - задумчиво произнес замполит.

- Гражданин начальник! Разрешите не согласиться с вами?

Моя мама была в узах не за нарушение законов, а за веру в Бога, за живую веру. Она, как председатель Совета родственников узников, выступала в защиту верующих-узников! - воскликнул я.

- Это ваше мнение! - возразил замполит и добавил. - А мое мнение, что вас, баптистов, судят не за веру, а за антиобщественную деятельность, за нарушение закона об отделении церкви от государства!

- Гражданин начальник! Вы глубоко ошибаетесь. А я располагаю фактами, документами, что нас, верующих, преследуют и лишают свободы за веру и только за веру! В антирелигиозных статьях, которые печатают газеты и журналы, на судебных процессах над верующими такие слова, как "Бог", "вера", "Библия" склоняются сотни и тысячи раз. За последние полвека многие тысячи верующих-баптистов предстали перед судом не за воровство, убийство или насилие, а за веру и верность Богу.

У меня есть также официальный документ, выданный в 1963 г.

Омским областным судом, о посмертной реабилитации моего отца, умершего в заключении, в лагере, в 1943 году. Арестован он был в 1937 году и осужден на 10 лет строгих лагерей без права переписки, и тоже за веру. за проповедь Евангелия!

- Вы считаете, что и вы будете реабилитированы когда-нибудь?! - спросил замполит.

- Да, считаю! И не только я, но и все узники за веру в нашей стране.

На этом и закончилась наша беседа с замполитом. Вскоре его перевели на другое место службы. А в нашем лагере появился новый замполит, в чине майора. Но на беседы меня он не вызывал.

Однажды один из старых зэков, по прозвищу "Чума", начавший свой арестантский путь еще в сталинских лагерях, зашел в рабочей зоне в наш цех, в комнату электрика, когда я был в ней один.

- Петрович, - обратился он ко мне, - будь очень осторожен! Не выходи на работу в ночную смену - тебя хотят убить!

- Кто? За что? - это была большая новость для меня.

- Я только что был в котельной, и там пять зэков решали, как лучше тебя "замочить". Они говорили, что власть не знает, как от тебя отделаться. И они хотят в ночную смену убить тебя и за это получить досрочное освобождение, - рассказывал мне "Чума".

- Вряд ли они получают за это досрочное освобождение, - Вот и я им сказал, - продолжал "Чума", - что если вы его прикончите, то власть постарается на вас же отыграться.

Вас всех присудят к вышке. А суд устроит показательный, чтобы всех убедить, что власть к убийству не причастна. Глупцы вы, мозги у вас куриные - так я им и сказал.

Я поблагодарил "Чуму", но не стал выяснять, кто конкретно участвовал в этом разговоре. К чему это? У меня в зоне среди заключенных личных врагов нет, а моя защита, и самая надежная - Господь!

В феврале 1978 года я получил из дома печальное известие: моего сына Петю арестовали. Его вскоре осудили на один год общего режима, приписав тунеядство, хотя сами власти не давали ему работать: как только узнавали место его работы, так сразу же увольняли. Так было несколько раз. Действительной причиной ареста Петра было его участие в правозащитном движении. Когда я узнал об аресте Пети и осуждении его, это было для меня страшным ударом. Я ничем не мог помочь сыну, как только молиться о нем.

НОЧНОЕ ПОБОИЩЕ

Ноябрь 1978 года. Оставалось несколько месяцев до окончания моего пятилетнего срока заключения в лагере. Впереди еще пять лет ссылки. Но ссылка не лагерь, там легче.

Возможно, Надя приедет и будет со мной на ссылке, да и дети смогут посетить меня, а может быть, и друзья по вере. С какой-то радостью и большой надеждой я ожидал приближения 31 марта 1979 года, конца моего пятилетнего лагерного срока.

Я работал в лесопильном цеху электриком. Цех большой:

четыре огромные пилорамы, в каждую из которых вставляется вертикально около десяти больших пил, распиливающих в течение 2-3 минут самое большое бревно на отдельные доски или брусья. Каждая из пилорам приводится в движение при помощи специального электрического двигателя большой мощности. Электродвигатели стоят на первом этаже, а сами пилорамы с двухметровыми пилами - на втором. Это чрезвычайно огромный агрегат. Около каждой пилорамы расположен пульт управления с кнопками, а также несколько шкафов управления с электрическими аппаратами. На пульте управления работают специально обученные пилорамщики, а к шкафам управления доступ закрыт для всех, кроме электрика. В цеху много и других станков, на которых обрабатывают доски после пилорам. Транспортёры подают бревна в цех а готовую продукцию на склад. Цех двухэтажный. У меня в цеху отдельная комната электрика, довольно большая: вдоль стен деревянные стеллажи с проводами, электрическими приборами, инструментами. Комната электрика расположена на втором этаже. Большие окна выходят с одной стороны на невысокие сопки, покрытые лесом, а с другой стороны - на пойму реки Лены. До самой реки от лагеря далеко. Виден только узкий проток Лены и большой, летом покрытый высокой травой, а зимой снегом, остров. За островом вдали видна сама Лена, широкая и полноводная, видны также и пароходы, медленно плывущие по реке... Особенно красивый вид на Лену открывается весной. Здесь, в этой комнатке, я написал многие стихотворения из цикла "Радостные зори". Привожу одно из них:

Утром рано, расправивши плечи,
Превращаются реки в моря.
Голубые просторы заречья
Обнимает с улыбкой заря.
И зовут беспредельные дали:
Птица-волюшка манит крылом...
Исчезают туманы-печали
Перед новым сияющим днем!
Все пройдет: и скитанья, и горе,
Впереди много радостных лет!
Во Христе мои ясные зори:
И свободы, и веры рассвет!

Я работал, в основном, в дневную смену, но иногда по несколько недель и в ночную. Дневная смена длилась с 8 часов утра до 6 часов вечера. Но для нас, электриков, рабочая смена начиналась в семь утра. Ночная смена начиналась в 6 вечера и длилась до 4 часов утра. Электрики и механики начинали работу раньше всех, чтобы подготовить оборудование в цехах к работе. На лесопильном заводе несколько цехов, и в каждом цеху свой электрик. Кроме того, была еще ремонтная бригада электриков, которая производила капитальный ремонт и устанавливала новое электрическое оборудование.

Электрическое оборудование в основном хорошо работало (даже то, что стояло вне цеха, на открытом воздухе и выдерживало зимой страшные сибирские морозы).

В дневную смену, и особенно в ночную, я имел время и возможность почитать Евангелие и спокойно, в тишине, помолиться Господу. В 1978 году у меня уже было полное Евангелие, и я хранил его на работе в электрическом шкафу, на котором был нарисован красной краской череп и пронзающая его электрическая стрела, и было написано: "Осторожно! Высокое напряжение!" Там, среди электрических проводов и приборов, я и хранил свое Евангелие. В жилой зоне и на заводе, в рабочей зоне, были частые обыски, но солдаты и офицеры боялись касаться электрического оборудования. Так и мое Евангелие сохранилось.

Было очень удобно доставать Евангелие из шкафа, а затем, если кто из начальства заходил в комнату электрика, прятать его в электрический шкаф. Все это я делал спокойно, без паники или испуга, не вызывая никакого подозрения у начальства.

Но как же это Евангелие попало ко мне? Однажды один из заключенных, по имени Костя, зашел ко мне в комнату электрика и сказал: "Тебя хочет видеть вольный, начальник цеха".

И он назвал фамилию начальника соседнего цеха, где делали двери, окна, мебель. Примерно, 10% работавших на лесопильном заводе были вольные, гражданские.

Это было в вечернюю смену, зимой, когда Костя зашел ко мне.

- А что ему нужно? - спросил я.

- Он узнал, что здесь есть верующий и хочет поговорить с тобой.

С Костей я был хорошо знаком с первых дней моего пребывания в лагере. Ему можно было доверять.

~ А где и когда? - уточнил я.

- В новом строящемся цеху. Он ждет тебя сейчас! - ответил Костя.

Я пошел с Костей. Цех не был еще закончен. Шли отделочные работы внутри: штукатурка помещений, покраска. Мы прошли внутрь цеха, и в одном небольшом помещении на скамейке сидел молодой человек лет 28, в вольной одежде. Я видел его уже раньше на заводе, но не был знаком с ним.

Горела лампочка-переноска, а в других помещениях было темно.. Кругом никого не было. Костя ушел. Вольный встал, подал мне руку и назвал себя:

- Владимир! Я здесь работаю начальником цеха. Очень хотел с вами познакомиться. Я прочитал московскую газету. - И он показал мне ее. - Здесь пишут о вас. А ребята мне сказали, что этот человек, о котором статья в газете, здесь, в лагере. Меня это заинтересовало.

- А вам не опасно со мной встречаться? - спросил я.

- Может быть и опасно, но у меня есть для этого причина, - сказал Владимир. - Я сам верующий, и жена моя верит в Бога. Только мы еще не члены Церкви, мы приближенные.

Мои родители-верующие, члены Церкви. Они живут в Средней Азии. А мы с женой собираемся принять крещение летом, когда поедем к родным в отпуск. Затем он спросил:

- Чем вам помочь? Я могу принести вам колбасы, масло, сахар.

- Спасибо! Это так неожиданно! Может быть, вы мне сможете достать Библию? - попросил я.

- Библию не смогу. У нас с женой только одна Библия Но Евангелие я вам принесу! - пообещал Владимир.

В это время в помещение, где мы беседовали, прибежал Костя:

- Уходите! Сюда идут "менты" (так называл он охранников).

- До свидания! - быстро проговорил Владимир и побежал вместе с Костей в неосвещенные помещения строящегося цеха.

А я пошел к выходу из цеха. Навстречу мне быстро шли офицер и двое солдат. В руках одного из солдат был электрический фонарь.

- Что вы здесь делаете, Винс?! - спросил меня офицер, останавливаясь.

- Отбываю заключение, гражданин начальник. - ответил я.

- Я не об этом вас спрашиваю! Почему вы не в своем цеху?!

- раздраженно спросил офицер.

- Я вам ответил, что я отбываю заключение в исправительно-трудовом учреждении, т.е. в лагере. И я сейчас в рабочей зоне лагеря, где мне и положено быть, - вновь спокойно ответил я.

- Обыскать! - приказал офицер солдатам.

Солдаты проверили карманы моей телогрейки, брюк, куртки.

- Сними обувь! - приказал солдат.

Я снял валенки. Они проверили валенки, прощупали мои носки.

- Одевайтесь! - бросили мне.

- Винс, вы доиграетесь, попадете в карцер! Кто был с вами здесь? - спросил офицер опять.

Я молчал.

- Я жду! - поторопил меня офицер.

- Гражданин начальник! Я предпочитаю молчать во время допросов, - сказал я, глядя в глаза офицеру.

- Идите в свой цех! - приказал офицер и вместе с солдатами пошел в неосвещенные помещения цеха. освещая дорогу фонарем.

Я пошел в свой цех, радуясь, что Владимир и Костя уже успели уйти, пока офицер и солдаты занимались мной.

Через неделю Костя принес мне полное Евангелие. "Владимир передал!" - сказал Костя. Как я обрадовался и с каким наслаждением читал Псалтирь и Послания Апостолов.

В ночь с 21 по 22 ноября в рабочей зоне была большая драка между заключенными. В этой драке участвовал и мой сменщик, электрик Иван. Он работал в ночную смену. Когда 22 ноября утром, в 7 часов, я пришел в свой цех, то увидел, что на всех четырех пилорамах пульта перерублены, как потом выяснилось, топорами. То же было и на многих других станках. В комнате электрика на полу кровь и одежда в крови как потом выяснилось, моего сменщика Ивана. Здесь же на полу валялся и топор со следами крови, неизвестно как попавший в нашу комнату. Инструменты, провода и многие приборы в беспорядке валялись на полу. Даже металлический бачок для питьевой воды был весь помят несколькими ударами топора. "Что же здесь происходило?! Настоящее Мамаево побоище!" - подумал я. Я быстро осмотрел все четыре пульта управления пилорамы, ища менее пострадавший пульт.

Вскоре пришел бригадир электриков, тоже заключенный. Я ему указал на один пульт:

- Этот пульт можно восстановить до обеда. У меня есть запасные кнопки управления для пульта и гибкие медные провода, специально приберег для ремонта пульта. Еще один пульт тоже можно восстановить, если собрать уцелевшие кнопки и провода с других пультов. А два остальных пульта не восстановить, даже панели на них изрублены топором. Нужны новые пульта!

Я спросил у бригадира:

- Что же здесь произошло ночью?

- Кто-то доставил вчера в рабочую зону не меньше ящика водки, и вот перепилась наша братва, зэки! Человек десять в изоляторе, а пятеро - в больнице. Твой сменщик Иван в больнице с прорубленной головой. Передрались между собой, выясняли отношения. Но причем здесь пульта, зачем их рубить?! Вот дурни! Теперь под новый суд пойдут!

Бригадир ушел. Я взял инструмент и провода и стал ремонтировать один из пультов. Вскоре на работу пришла дневная смена. Один из электриков стал мне помогать. Было шумно: заключенные оживленно обсуждали ночные события. Цех не работал. Некоторые заключенные подходили ко мне:

- Электрик! Будем сегодня работать?!

- Одна пилорама будет, а остальные - не знаю! - отвечал я.

На втором пульте работал сам бригадир. Остальные из бригады электриков восстанавливали поврежденную электрическую часть на других станках, и на втором этаже, и на первом. Повреждений было очень много. Появилось начальство:

сначала наше, лагерное, а потом из управления - майоры, полковники и даже один генерал - всего человек двадцать.

Было слышно, как генерал требовал от начальника лагеря немедленно пустить цех в работу. Кто-то из полковников подошел к моему пульта:

- Когда почините?

- Постараемся к обеду, - ответил я.

- Нужно побыстрее! Цех не должен стоять! Наш завод общегосударственного значения, - проговорил полковник.

К нему присоединились другие офицеры:

- Побыстрее! Через час эта пилорама должна работать!

- Бригадир, иди сюда! - вдруг закричал генерал. - Почему цех не работает?

К генералу и группе офицеров подбежал бригадир.

- Два пульта восстановим, а для других пилорам доставляйте новые пульта! Эти не годятся! Заказывайте в Москве! - наш бригадир был не из робких.

Офицеры обступили оба пульта, которые мы восстанавливали, и буквально следили за каждым нашим движением. Они громко между собой переговаривались. Это очень мешало работать. Генерал хотел нагнать страху:

- Вот отправлю тебя в ШИЗО за твой язык!

Бригадир не сробел и тут. Он решительно протянул генералу отвертку:

- Сажайте, и вот их сажайте! - он указал на нас. - А сами, граждане начальники, работайте! Посмотрите - вы обступили пульта и не даете работать. А в ШИЗО я уже сидел много раз. Вот запустим цех в работу, а тогда сажайте!

Генерал приказал всем офицерам оставить нас в покое и отойти в сторону. Около пульта остался только один майор, наш новый замполит. Он вежливо спросил меня; - Когда закончите пульт?

- Уже закончили? Сейчас позову бригадира, еще раз проверим и включим пилораму, - ответил я майору.

Подошел бригадир.

- Проверили схему: все в порядке, "Ставь пилы!" - закричал бригадир пилорамщику. Через полчаса первая пилорама заработала, а через час и вторая. Генерал и офицеры были довольны. Они считали, что благодаря их оперативному руководству две пилорамы заработали. А после обеда привезли два новеньких пульта. Их доставили самолетом из Иркутска. К концу смены весь цех зашумел, заработал. Я зашел в свою комнату электрика и стал наводить порядок после ночного побоища. Зашел бригадир и сказал:

- Генерал доволен нашей работой. Всей бригаде нашей премия: по две банки сгущенного молока на каждого.

- А как же изолятор? - спросил я.

~ Генерал уже забыл об этом. Но вот что, Петрович, тебе придется выйти на вторую смену, на ночь! У Ивана пробита голова, а больше некому!

После съема первой смены я пошел в столовую на ужин, а затем снова в цех, на работу. Все пилорамы работали. В цеху стоял обычный рабочий шум и ритм. Я закончил уборку помещения. достал Евангелие и стал читать. Потом положил Евангелие на место и пошел в цех посмотреть, как все работает.

Работали пилорамы, работали станки, медленно ползли транспортеры. Я вернулся в свою комнату и снова стал читать Евангелие. Вдруг открывается дверь в комнату электрика и заходит

майор-замполит и с ним еще двое офицеров, лейтенантов, тоже из нашего лагеря. Я даже не успел спрятать Евангелие.

- Как дела? Все исправно работает?! - спросил майор.

- Вы будете вторую смену работать без отдыха?

- Придется, некому! Моему сменщику голову прорубили прошлой ночью. Сейчас он в больнице, - пояснил я.

- Вот и мы будем здесь дежурить всю ночь, чтобы не повторилось вчерашнее, - пояснил майор и сел на скамейку.

- Мы пойдем, пройдем по цехам, товарищ майор! - сказали офицеры и вышли.

Почти всю ночь замполит просидел в этой комнате. Несколько раз заходили лейтенанты, и он с ними ненадолго отлучался, а потом снова возвращался в мою комнату. Я тоже часто выходил в цех по вызову, если возникали какие-либо неполадки в работе электрического оборудования, исправлял их и возвращался в комнату электрика. В течение ночи замполит несколько раз касался вопроса веры.

- Я знаю, что вы не пьете водку. А как другие верующие, тоже не пьют? - спросил меня замполит.

- Тоже не пьют! - я ответил.

- А пиво, шампанское вам тоже нельзя пить? - уточнял он.

- Наши верующие не пьют ни водки, ни пива. ни шампанского.

- Сильная у вас воля! - восхищался замполит.

- Вопрос не в нашей воле, а в силе Христа. Только Он может полностью изменить порочную натуру человека, освободив его от власти греха, - пояснил я.

- А как с хроническими алкоголиками, когда они принимают вашу веру? Их что, больше не тянет к рюмке?

- Христос освобождает от этого порока раз и навсегда и всякой медицинской помощи.

Вот в этом я вас приветствую! - воскликнул замполит.

Я решил продолжить разговор:

- Гражданин начальник! Посмотрите, сколько в лагере молодежи развращенной, преступной, сколько убийц, насильников.

грабителей! Если бы они знали Христа, верили в Него, то они не стали бы преступниками! Не было бы того, что произошло в прошлую ночь.

- Может быть вы и правы, но вопрос веры - это вопрос идеологии. Мы - атеисты, материалисты. Мы не верим в какого-то Бога. Он нам не нужен! Мы и без Бога построим светлое будущее для всего человечества! - стал ораторствовать замполит.

- Без Бога нет морали! Знаете закон уголовного мира:

"Умри ты сегодня, а я - завтра!" Это закон джунглей, право сильного. Чему атеизм научил современную молодежь: жестокости, ненависти, беспощадности. А где такие понятия, как сострадание, милосердие, кротость и смирение? Знает ли их общество, воспитанное на идеях атеизма и материализма?!

Вот вы сейчас дежурите здесь, в рабочей зоне вместе с другими офицерами, чтобы не случилась новая пьянка и новое побоище. Это хорошее дело - не допустить нового кровопролития. Но вы бессильны против греха. Грех алкоголя сильнее вас. Это гигантский удав, обвивший души людей, он душит их. Но Христос победил грех и дает силу верующему противостоять греху.

В это время в комнату электрика вбежал офицер и позвал замполита. А потом рабочая зона наполнилась солдатами и офицерами. Они бегали по нашему цеху и по другим цехам: кого-то искали, хватали и уводили в ШИЗО. Около 4 часов утра в мою комнату снова зашел замполит.

- Не устерегли! Снова пьянка и драка. Один заключенный убит! А как у вас в цеху, все спокойно? - спросил майор.

- Все тихо! Все работают, - ответил я.

- Двадцать человек пьяных! Отправили в ШИЗО! - сказал майор.

- Да, людям нужен Бог, нужна вера! - подытожил я нашу ночную беседу и кровавые события лагерной жизни.

Замполит промолчал и вышел.

В 4 часа утра во время съема ночной смены, перед тем как нас запустить в жилую зону, была проведена тщательная проверка каждого заключенного на предмет алкоголя. Офицеры заставляли каждого заключенного дышать в стакан, а потом проверяли, нюхая стакан, нет ли в нем запаха алкоголя. Когда подошла моя очередь дышать в стакан, офицер, проводивший проверку, отклонил стакан и сказал:

- Проходите, Винс! Вы к этому не причастны!

- И слава Богу! - сказал я.

- Конечно, слава! - повторил и офицер, протягивая стакан следующему заключенному. После проверки еще несколько человек забрали в ШИЗО. Когда нас запустили в жилую зону, то я был настолько уставший, что не пошел даже в столовую на завтрак. Я пошел в свой барак и лег отдыхать. Вторая смена имела право отдыхать до 12 часов дня. Но спать мне долго не дали. Примерно в 8 часов утра меня кто-то сильно тряс за плечо:

- Винс! Подъем, вставайте! - рядом с моей койкой стоял замполит и будил меня.

- В чем дело, гражданин майор? Еще рано вставать, я с ночной смены, - возразил я.

- С вещами на вахту, на этап! - пояснил майор.

Я быстро вскочил, ничего не понимая, и стал собирать свои вещи. Майор не отходил от меня.

- Куда этап? - спросил я майора.

- Не знаю, пока в Якутскую тюрьму! - ответил майор.

- Но ведь я отработал две смены подряд, мне нужен отдых! - говорил я майору, продолжая собирать свои вещи.

- Все правильно! Я понимаю вас и сочувствую вам, но распоряжение исходит не от меня, - развел руками майор.

- Постель оставляйте здесь. - майор указал на матрац, подушку и одеяло, - сдадут без вас в каптерку. Пошли!

Майор сопровождал меня до самой вахты. Там было уже много других заключенных, человек двадцать. Их тоже готовили на этап. Все они были как-то связаны с пьянкой, дракой и порчей оборудования в последние две ночные смены в рабочей зоне, а также с убийством или подозревались в этом.

Несколько человек спросили меня:

- А тебя тоже в тюрьму по делу пьянки?!

- Не знаю, но на этап! - ответил я.

В руках у меня был мешок с вещами. Снова подошел майор:

- У вас есть часы или какие-либо ценности, сданные в бухгалтерию?

- Есть Евангелие, хранится оно в сейфе заместителя начальника лагеря. Это Евангелие привезла мне моя мать. Обещали вернуть при этапировании из лагеря. Прошу вас, гражданин майор, узнайте, пожалуйста! - попросил я.

Минут через двадцать майор принес мне Евангелие. Я поблагодарил его. А затем прибыл конвой с "воронком", и всех нас сначала подвергли обыску, а затем посадили в "воронок".

Причем, меня поместили отдельно от всех, в отдельную кабинку - "стакан". Прощай, Табага! Что ждет меня впереди?! Не знаю...

Но знает Господь!

Есть такой гимн:

Ты знаешь путь. хоть я его не знаю.

Сознание это мне дает покой; К чему тревожиться мне и страшиться И день, и ночь, томясь, скорбеть душой?

Ты знаешь все: откуда ветры дуют, И бурю в жизни укрощаешь Ты!

Пусть неизвестно мне, куда иду я, Но я спокоен, путь мой знаешь Ты!

Ты знаешь путь. Ты также знаешь время, Твой план давно уж для меня готов, И славлю я тебя. Господь, сердечно За милости, заботу и любовь!

Какое счастье - верить в Бога, доверять Ему, любить Христа, перенесшего страдания и вкусившего смерть за наши грехи и преступления и воскресшего ради нашего оправдания. Он знает все: и наш труд, и время осуществления своих святых и вечных планов для каждого из нас и для всех искупленных Его святой и драгоценной кровью. "Притом знаем, что любящим Бога, призванным по Его изволению, все содействует ко благу!" (Римлянам 8:28).

В якутской тюрьме меня посадили в небольшую камеру, даже не обыскивали, и вещи остались со мной. Я был один в камере. Было время обеда. Принесли большую миску тюремных щей. Я изрядно проголодался. Поел и лег спать. Слишком много впечатлений было за последние сутки, и я очень устал. Часов в пять вечера загремели тюремные двери: "На выход! С вещами!" Меня привели в этапную камеру. Там меня уже ждали:

офицер в чине лейтенанта, двое солдат и какой-то человек в гражданской одежде, явно нездешний, в осеннем пальто, летних туфлях и в шляпе. Одет не по сезону, т.к. в Якутии уже зима, мороз градусов 30. Офицеры и солдаты в шинелях зимних шапках, валенках. Я тоже в эковской старой телогрейке, эковской шапке и валенках. Человек в гражданской одежде, внимательно осмотрев мой эковский наряд, сказал:

- Так не пойдет! Ему нужно какое-то пальто найти и приличную шапку.

Лейтенант, с большим почтением:

- Сейчас поищем, товарищ полковник!

И он куда-то выбежал. Я с интересом посмотрел на полковника в шляпе и пальто... "Наверное, из Москвы, из Комитета!" - подумал я. Полковник обратился ко мне:

- Мы летим в Москву в сопровождении конвоя на рейсовом самолете. В самолете будут обычные пассажиры. Ведите себя тихо. В разговоры ни с кем не вступать! Наручники надевать не будем. Надеюсь на вас, что не подведете!

- А в чем дело, гражданин начальник? Почему в Москву?! - я попытался выяснить.

- Откровенно говоря, я и сам не знаю. У меня распоряжение высшего начальства доставить вас в Москву. Я сам только что прибыл из Москвы! - охотно пояснил полковник.

Вернулся лейтенант с новенькой телогрейкой темно-синего цвета и офицерской шапкой:

- Вот все, что достал! - обратился он к полковнику.

- Одевайте! - сказал мне полковник, Я сбросил старую лагерную телогрейку и одел новую, надел также и офицерскую шапку.

- Отлично! Так пойдет! - воскликнул полковник, оценив мой новый наряд.

Затем меня посадили в "воронок", и мы поехали в Якутский аэропорт. В аэропорту простояли часа два, все чего-то ожидая. Полковник и офицер пошли в здание аэропорта.

Было холодно, хотя я и был в валенках, телогрейке и теплой офицерской шапке. Да и солдаты тоже дрожали. Затем полковник и лейтенант вернулись. Полковник сел в кабину, а лейтенант присоединился к солдатам.

- Сегодня не летим! Отменен рейс! - сказал лейтенант солдатам. - Полетим завтра!

Снова якутская тюрьма, та же камера. Коридорный охранник вопросительно смотрит на мою офицерскую шапку.

- Снова к нам?! - спрашивает дружелюбно.

- Да, вероятно, только на ночь. Рейс на Москву отменен.

- отвечаю.

Дверь в камеру закрывается. Я проголодался, а время ужина уже прошло. Открывается "кормушка", и тот же охранник спрашивает:

- Вы не ужинали?

- Нет! А что, есть что покушать?! - спрашиваю.

- Есть миска холодной каши и хлеб, - говорит охранник.

- Если можно, дайте!

Охранник приносит алюминиевую миску с остывшей кашей и полпайки хлеба. Я его благодарю. Ложка у меня есть, всегда с собой, и кружка алюминиевая есть. Набираю под краном холодной воды, молюсь, благодарю Отца Небесного за пищу и приступаю к трапезе. После ужина достаю Евангелие и читаю.

Затем сон.

Следующий день до самого вечера меня никто не тревожил.

Отдыхаю. Молюсь. Читаю Слово Божие. Вечером снова "воронок", полковник в шляпе, конвой и аэропорт. Мы садимся в рейсовый самолет. Солдаты забирают у меня мой мешок и где-то приспособливают его. Самолет большой, пассажиров более 100 человек. Я между двумя солдатами. Впереди нас - полковник, лейтенант - сзади. Когда мы вылетали из Якутска, был вечер, часов 9-10. По самолетной радиосвязи мужской голос объявляет: "Граждане пассажиры! Наш самолет совершает рейс по маршруту: Якутск - Новосибирск - Москва".

Через несколько часов прибываем в Новосибирск. Всех пассажиров просят пройти в аэровокзал. Полковник уходит. Остаемся только мы четверо: я, лейтенант и двое солдат. К лейтенанту подходит один из пилотов:

- А вы почему не прошли в аэровокзал? - спрашивает пилот у него. - Сейчас уборка!

- Мы не можем уйти без нашего начальства! - поясняет лейтенант. Мы - конвой, сопровождаем заключенного!

Пилот удаляется. Появляются несколько женщин с вениками.

ведрами с водой и тряпками. Начинается уборка салонов. Возвращается полковник. Лейтенант рассказывает ему о требовании пилота пройти в аэровокзал. "Правильно сделали, что остались!" одобряет полковник. Время - около двух часов ночи. Я уже СИЖУ часов пять без движения. Не сплю. Начинает давить сердце, трудно дышать.

- Гражданин начальник! - обращаюсь я к полковнику. - Мне нехорошо, трудно дышать! Можно выйти хотя бы на трап, на свежий воздух?

Полковник лейтенанту:

- Проводите его, пусть подышит!

Я встаю, одеваю телогрейку. Конвой ведет меня к выходу из самолета. Дверь открыта, я стою на площадке трапа. Рядом со мной два солдата. Лейтенант уходит в самолет. Как хорошо: свежий морозный воздух, звездное небо, вдали огни большого города. Там - братья, друзья по вере... Здесь, в Новосибирске, 31 марта 1974 года я был арестован. А сейчас ноябрь 1978 года.

НОВОСИБИРСК

Я стоял на трапе и вспоминал подробности моего ареста в Новосибирске 31 марта 1974 года и первые дни заключения.

Я только что прибыл в город скорым поездом "Москва-Новосибирск". В моем служении это была одна из многих поездок по стране за последние годы, с лета 1970 года, хотя и небезопасная: был под всесоюзным розыском, как опасный преступник. Власти искали меня, хотели арестовать меня за мое духовное служение в гонимом братстве Союза Евангельских христиан баптистов, объединенного служением Советом Церквей ЕХБ. На этот раз я ехал один, без сопровождающих, что бывало очень редко. На вокзале я сдал в камеру хранения одну сумку с духовной литературой и

типографской краской, а две другие были со мной. Выхожу на привокзальную площадь, ищу глазами стоянку такси. Мне нужно попасть на левобережную часть города, в район телецентра. Там на одной из тихих улиц, в небольшом одноэтажном доме, проживает верующая.

Я уже раньше бывал здесь, знаю, как пройти.

У стоянки такси небольшая очередь. Жду. Минут через пятнадцать-двадцать сажусь в такси, называю район. Машина трогается. Как будто все спокойно, но в это время кто-то останавливает машину. Это диспетчер такси, он просит водителя взять в машину еще женщину с ребенком. К машине подбегает женщина с девочкой лет четырех. Она уточняет куда мы едем и просит подвезти ее в тот же район города. Я пересаживаюсь на заднее сидение, уступая женщине с ребенком место рядом с водителем. Когда мы отъезжаем от вокзала, я осторожно смотрю по сторонам. Как будто за нами никого нет. Мы проезжаем по большому мосту через Обь. Река еще скована ледяным покровом, но солнце уже греет по-весеннему.

Люблю Сибирь и зимнюю, и весеннюю. Я родился в этом крае и до восемнадцати лет прожил в этом крае: и на Амуре, и на Алтае, в Западной Сибири... Люблю зимний лес, уютно покрытый пушистым снежным покровом. Я вообще люблю и снег, и мороз. В детстве мне очень нравилось бегать на лыжах по снежным сугробам, превышающим рост даже взрослого человека. Мороз пощипывает щеки, пробирается в рукава легкой курточки, слегка захватывает дыхание... Хорошо! Помню зимний день в Новосибирске в 1935 году, когда мне было шесть лет, мои родители подарили мне лыжи и теплый лыжный костюм. Как я тогда радовался!

Люблю я и степные просторы южных районов Сибири, особенно весной, когда сотни веселых ручейков бегут, сливаясь в большие стремительные потоки, а воздух пропитан освежающей влагой и ласковым солнцем. Обилие света, тепла, первые ярко-зеленые нежные побеги травы и ожидание чего-то хорошего впереди.

И вот теперь я снова в Сибири, в стране моего детства. Здесь, в Сибири, я фактически познакомился с моим отцом в 1934 году, когда он вернулся из лагеря после своего первого срока заключения. Здесь же, в Сибири, я и расстался с отцом навсегда через три года, когда он вновь был арестован... Город Новосибирск - один из самых красивых городов Сибири: расположен на берегах большой Реки Обь; широкие улицы, проспекты, много новых больших домов в центре города и в районах новостроек. Летом город утопает в зелени. Но на окраинах города, как и во всех больших городах Сибири узенькие улицы, приземистые дома обнесенные деревянными заборами. И дома, и заборы построены самими жителями, владельцами домов.

Было три часа дня, воскресенье. Теплый весенний день, люди отдыхают. Сибиряки после долгой холодной зимы вышли на залитые солнцем проспекты. Они радостно подставляют свои лица навстречу первым ласкающим весенним лучам. Кругом тихо и мирно... ПОВСЮДУ видны группы людей о чем-то беседующих, на лицах добрые улыбки. Кажется, и сам воздух пропитан и согрет лаской и добром. Как-будто и зла совсем не существует на свете... И трудно даже себе представить, что в эти самые минуты кто-то в этом радостном весеннем солнечном городе уже тайно и коварно замышляет зло, насилие.

В нашей машине тоже тихо. Все молчат: и шофер, и женщина с ребенком, и я. Приближаемся к нужному мне району.

Машина сворачивает с широкого и шумного асфальтированного проспекта на одну из тихих улиц, застроенных небольшими деревянными домами. Машина уже движется медленнее. Здесь, на окраине города, дорога грунтовая, не асфальтированная.

За два квартала до моего места назначения я прошу водителя остановить такси. Плачу за проезд, прощаюсь с женщиной и шофером, им ехать еще дальше. Ставлю свои сумки на землю.

Такси разворачивается и уезжает в обратном направлении...

Не успел я приподнять свои сумки, как прямо передо мной резко тормозит черная "Волга". Из нее стремительно выскакивают трое мужчин. Двое из них, высокие, крепкого телосложения подбегают, вырывают сумки из рук и заламывают мне руки за спину. Третий резко толкает меня в спину. Я буквально влетаю в "Волгу" и падаю на заднее сидение. Я оказался посередине: справа и слева неизвестные люди держат меня за руки. Машина резко развернулась и устремилась вперед.

- В чем дело? Кто вы такие?! - с усилием задаю вопрос: так все было неожиданно и грубо.

- Спокойно! Спокойно! - отвечает один из них, сидящий впереди.

- Вы арестованы! - громко кричат двое других, с силой сжимая мне руки.

Машина выехала на тот же широкий проспект, где несколько минут тому назад я мирно любовался весенним городом и быстро помчалась в обратном направлении, к центру города. Так среди белого дня я был похищен. Выглядит это, как детективная история. И никто, казалось, ничего не заметил. Люди так же весело улыбались солнечному теплу и так же неторопливо прохаживались по проспекту. А мои похитители с силой прижимая мои руки к сидению, смеялись мне в лицо. Один из них кричал:

- Ну что?! Никто не видел, никто не знает, что вы уже в наших руках! Даже ваш Бог!

- Бог все видит! - я уже относительно успокоился и мог возразить.

- Бог?! Какой Бог? Где Он? - один из похитителей цинично выругался. Я не стал поддерживать разговор. Я смотрел на весенний город и прощался со свободой. "Как жаль... Так много труда на ниве Божьей! И так мало тружеников на русской евангельской ниве... Теперь опять на несколько лет я выключен из активного духовного труда!" - подобные мысли пронеслись в моем сознании. Жизнь на свободе была очень насыщенной. Многие служители Церкви были арестованы и брошены в тюрьмы.

Разгоны богослужebных собраний, обыски в домах верующих, конфискация духовной литературы. Злобные клеветнические статьи против верующих в газетах и журналах. Радио и телевидение ежедневно клеветают на Бога, на Библию, на верующих.

В этих условиях нужно продолжать служение: ободрять, призывать хранить верность. Брат Крючков Геннадий Константинович находится в очень строгой конспирации. Мы могли встречаться раз в два-три месяца. Были вместе по два-три дня: молились, обсуждали и решали многие вопросы служения. Затем я встречался с братьями-служителями Совета Церквей ЕХБ, посещал совещания служителей в различных районах страны (областные, краевые, республиканские), посещал печатные точки издательства "Христианин", встречался с ответственными сотрудниками Совета родственников узников ЕХБ и многое другое...

Конечно, я знал, что мне угрожает арест за мою духовную деятельность, но я принял это служение от Господа через общецерковное совещание служителей в 1965 году в Москве и в 1969 году в Туле был, при полном согласии и одобрении Киевской Церкви ЕХБ, переизбран. И я должен был совершать это служение Господу и Его страдающей Церкви верно и преданно до конца. Мне дороги слова нашего господина Иисуса Христа, записанные в Евангелии от Иоанна 10:10-13: "Я пришел для того, чтоб имели жизнь и имели с избытком. Я есмь пастырь добрый: пастырь добрый полагает жизнь свою за овец, А наемник, не пастырь, которому овцы не свои, видит приходящего волка и оставляет овец и бежит, и волк расхищает овец и разгоняет их. А наемник бежит, потому что наемник, и не родит об овцах".

Быть добрым и верным служителем на Божьей ниве и оставаться таковым до конца - цель всей моей жизни!

Много раз я попадал в поле зрения агентов КГБ. На меня был объявлен всесоюзный розыск, но Господь помогал мне уходить от преследователей и продолжать служение. С семьей я виделся редко. Моя мама только что вернулась из заключения: она была осуждена за служение в Совете родственников узников Евангельских христиан-баптистов, осужденных за Слово Божье. Вся ее вина заключалась лишь в том, что она выступала в защиту гонимых и ставила свою подпись под многочисленными заявлениями и петициями. 1 декабря 1973 года, отбыв свой трехлетний срок заключения, она вернулась домой. Но я не смог ее посетить, т.к. за нашим домом КГБ организовал круглосуточную слежку с первого же дня ее возвращения домой. И вот в нашей семье новое испытание: мой арест. Мама, мама, как ты перенесешь эту весть?!

"Волга" подъехала к городскому отделу милиции. Мои похитители приказали мне выйти из машины и следовать за ними. Мы зашли в помещение милиции, проследовали мимо дежурного офицера и вошли в большой кабинет, в котором нас уже ожидали человек десять-двенадцать. Некоторые были в милицeйской форме, но большинство из них - в гражданской одежде. Все они были очень веселые, оживленные, понимали, что получают поощрение за успешную акцию похищения. Из моих двух сумок вынули все содержимое, а вскоре привезли и третью мою сумку из камеры хранения на вокзале. На большом письменном столе в полном беспорядке было свалено в кучу содержимое моих сумок. Тут были: Библия на русском и украинском языках, Евангелия на русском, казахском и латышском языках, детская христианская литература на английском языке с красивыми картинками из жизни Иисуса Христа, русский перевод этих детских книг, отпечатанный

на машинке с последующей редакторской правкой моей рукой, копии заявлений верующих Сибири и Урала в правительственные органы о гонениях за веру, фото пленки, металлические банки. Были там и рукописи моих статей по истории евангельских христиан-баптистов СССР, рукопись моей будущей книги, отпечатанная на машинке, и многое другое.

Формально обыском руководил майор милиции, мужчина лет тридцати пяти, среднего роста, плотный, краснощекий.

"Сдайте документы, деньги и все, что есть в ваших карманах!" - высоким тенором пропел майор. Я стоял, не двигаясь, около большого письменного стола, на котором в беспорядке лежали мои вещи, ранее изъятые. "Предъявите санкцию прокурора на обыск и арест!" - спокойно попросил я. Майор молча подошел ко мне и грубо полез в карманы пальто, брюк, пиджака. Холодные пальцы майора нагло прощупывают всю мою одежду, касаясь тела... "Снимите часы! Положите на стол!" - голос майора резок, в нем уже металл. "Снимите обувь!"

Подойдите сюда!" - новый приказ майора. Майор тщательно исследует мои ботинки, сгибая их, прощупывает. Что он ищет?! Оружие или секретный радиоприемник?

Затем майор с двумя помощниками занялись разборкой, проверкой и записью всего, что было у меня изъято. Но главным в кабинете был сотрудник КГБ, мужчина лет сорока, с тонкими чертами лица, среднего роста, в черном костюме. Сам лично обыском он не занимался, давал только указания. К нему за разъяснениями постоянно обращался майор милиции. Затем прибыл уполномоченный по делам религии по Новосибирской области. Он назвал себя и пытался задавать вопросы о жизни Церкви, спрашивал, откуда я и куда ехал. На эти вопросы я, конечно, не отвечал. Обыск продолжался очень долго: просматривалось каждое заявление, каждое письмо, каждая книга, каждый изъятый листок бумаги с записями.

Уполномоченный по делам религии г. Новосибирска - высокий, худой, лет шестидесяти пяти, с продолговатым лицом, высоким лбом и гладко зачесанными волосами. Он подошел к столу и взял одну из книг. Это было Евангелие на казахском языке, одно из четырех, которые были со мной. Евангелия были новенькие, отпечатанные на Западе и недавно завезенные западными туристами. Уполномоченный внимательно рассматривает Евангелие. Возможно, он и не знал казахского языка. Но на первой странице название книги было напечатано по-русски. Затем уполномоченный обращается ко мне:

- Разве есть казахи-баптисты?

- Полагаю, что есть, раз есть Евангелия на их языке!

- И много их, казахов?

- Много, четыре миллиона!

- Кого? Казахо-баптистов?! - недоверчиво переспрашивает уполномоченный.

- Нет, казахов! Вы же спрашиваете, какая численность казахов?!

- Баптистов из казахов! Меня интересуют баптисты, верующие! - раздражается уполномоченный.

- Четыре миллиона потенциальных верующих! Вот для них, казахов, и переведено Евангелие на их родной язык, - терпеливо разъясняю уполномоченному.

- А где преимущественно сосредоточены казахи-баптисты?

- снова спрашивает уполномоченный, делая ударение на слове "баптисты".

- А для чего вам сведения о казахах-баптистах? - спрашиваю, глядя на уполномоченного. - Для новых арестов, уже среди казахов?!

- Ну, зачем так грубо, аресты? Разве мы только арестовываем? Мы проводим большую воспитательную профилактическую работу!

Уполномоченный разводит руками и смотрит на других, сидящих в кабинете, как бы приглашая их в свидетели.

- Так в каких же местах проживают казахи-баптисты? упорно выпрашивает уполномоченный, подходя ко мне с Евангелием в руках.

- Христиане-казахи проживают в Казахстане.

Уполномоченный возвращается на свое место. Кто-то из присутствующих в кабинете спрашивает:

- А они едят свиное сало?
- Предпочитают баранину. - говорю, улыбаясь.

На столе среди бумаг лежало несколько фотографий, выполненных типографским способом. Это были снимки Батурина Николая Георгиевича, члена Совета Церквей, моего дорогого Друга и брата по вере, всегда спокойного и приветливого, талантливого проповедника и замечательного певца. Николай Георгиевич в это время находился в заключении в одном из лагерей Севера, в Архангельской области. Это уже в пятый раз он в узлах. Первый раз был арестован еще молодым двадцатилетним человеком. Вся вина его была в том, что он был активным и талантливым молодым проповедником в г. Красноярске, где он жил. Семь лет в лагерях на Севере, в Воркуте - это был его первый срок. К моменту моего ареста Николай Георгиевич отбыл уже в тюрьмах и лагерях четырнадцать лет. Наше издательство "Христианин" в марте 1974 года технически освоило воспроизведение снимков через специальную металлическую сетку - растр, и это был первый снимок, перепечатанный с фотографии брата Батурина. Николай Георгиевич слегка улыбается на фотографии. Фотопечать получилась отличная.

Сотрудник КГБ взял фото Батурина, посмотрел на него, подошел ко мне и спросил:

- Это ваша работа?
- Да, это освоило наше издательство.

И тогда он наклонился ко мне и буквально на ухо, вполголоса, чтобы не слышали остальные, сказал: "Молодцы!" - и выразительно посмотрел на меня. Я понял, что у отдельных работников КГБ наша духовная борьба за независимость и свободу проповеди Евангелия вызывает уважение. Чисто по-человечески они понимают, что мы, христиане-баптисты, не преследуем какие-либо корыстные или политические цели. Они видят, что наша цель - чисто духовная. Мы переносим тюрьмы и лагеря, теряем здоровье, а некоторые и жизнь... Но это духовная борьба за чистую и высокую идею Евангелия! Вера в Христа настолько глубока и сильна, что наши гонители бессильны остановить дело Божие в нашей стране. Я уверен, что многие из них в глубине души одобряют нас.

Через некоторое время поступила телеграмма из Киева. Мне показали текст телеграммы: "Вот, пожалуйста, читайте!" В телеграмме были указаны моя фамилия, имя, год рождения. Сообщалось в ней также, что КГБ Киевской области уже длительное время меня разыскивает. А дальше текст гласит:

"Киевское областное управление КГБ просит задержать Винса до прибытия нашего представителя". "Вот видите, ошибки не произошло!" - говорит мне, ядовито улыбаясь, майор милиции. Полностью осознав, что я арестован и арестован, так сказать, крепко, на многие годы, я совершенно успокоился.

Один из офицеров милиции, которому поручили оформить все бумаги, связанные с моим арестом и обыском, сказал:

- Вероятно уже сегодня вечером будем слушать сообщение "Голоса Америки" об аресте Винса. Конечно "Голос Америки" сообщит, что Винс избит и еле жив...

Я ответил:

- Да, возможно. "Голос Америки" сегодня же сообщит об аресте. Но узнают они об этом, конечно, не через меня.

Офицер:

- Да, они там. на Западе быстро все узнают! Интересно, как они получают все эти сведения?!

Я сказал:

- Видимо, информация очень оперативно исходит все-таки из ваших кругов. Кто-то из ваших должностных лиц постоянно информирует Запад о преследовании христиан в СССР. Все они засмеялись и многозначительно переглянулись между собой.

Сейчас они шутили и смеялись, но я уверен, что по указанию высших властей, если бы им только разрешили, они не только избili бы меня, но и пристрелили бы...

Самым ценным, что было у меня изъято, был микрофильм Библии, вся Библия на русском языке на маленьком рулончике фотопленки. На этой фотопленке очень мелкий шрифт, и он предназначался для изготовления текста на металлических пластинах, которые потом закладываются в типографскую машину, уже непосредственно печатающую Библию и Евангелия на бумаге. Подобный способ печати называется офсетным и широко применяется в полиграфии. Этот метод печати в шестидесятых годах тайно освоили христиане-баптисты для печатания Евангелий, Библий и другой христианской литературы в СССР.

Были изготовлены специальные типографские машины, малогабаритные и удобные для работы в конспиративных условиях.

Сотрудник КГБ долго вертел в руках пленку, пытался разобрать текст, но это невозможно: слишком мелкий шрифт. Наконец он спросил:

- Что заснято на этой пленке?

Я промолчал. Тогда один из офицеров взял пленку из рук сотрудника КГБ, стал рассматривать, а потом громко сказал:

- Секретная информация, военные заводы] Какой-то молодой человек в сером костюме, сидящий у стены, посмотрел на меня и сказал:

- Тут дело пахнет ЦРУ, Америкой!

- Так что же все-таки на пленке? - еще раз спросил сотрудник КГБ.

Я ответил:

- Конечно, не военные объекты!

- А что?!

- Библия! Только Библия!

- Неужели вся Библия?! Это просто удивительно! - раздался голоса многих находившихся в кабинете.

Я думаю, что многие из них никогда еще в руках не держали Библию, а только слышали о ней. Сотрудник КГБ спросил:

- Хотели печатать Библию?

- Да, уже пора! - ответил я.

Здесь я подумал: "Почему так получилось? Почему микрат Библии попал в руки недругов?" Через несколько лет, в 1977 году, когда я находился в лагере на Севере, мне стало известно, что наше издательство "Христианин" отпечатало Библию большого формата на русском языке. Господь осуществляет Свои планы, в Свое время, вопреки всем враждебным силам.

Интересный эпизод произошел во время обыска с двумя металлическими банками, бывшими со мной. Каждая весила около двух килограммов. Они были плотно закрыты металлическими крышками. Обнаружив банки, майор милиции спрашивает.

- Что в этих банках?

Я молчу...

- Что в банках?! - уже громче спрашивает он.

- Откройте и посмотрите!

- Нет! Скажите, что в них?! - настаивает майор.

- Я не советую вскрывать эти банки! - говорю многозначительно.

Это всех насторожило. Молчание. Никто из них не берет инициативу в отношении банок на себя. Майор осторожно и внимательно осматривает банки со всех сторон. Наконец он обращается ко мне:

- Хорошо, идите сюда! Мы будем в вашем личном присутствии вскрывать банки!

- Нет, я к вам не пойду! Открывайте их около себя!

Все присутствующие переглянулись многозначительно, и банки осторожно сдвинули к краю стола. К ним старались больше не прикасаться. Так прошло несколько часов. Обыск продолжался, осматривали другие предметы и бумаги. Наконец прибыл худенький, маленького роста капитан милиции. Я понял потом - это был специалист по особо опасным работам. Он взял в руки одну из банок и спросил: "Что здесь, в банке? Опасно или не опасно?" Мне стало смешно:

"Вот вояки, боятся!" Капитан: "Мы будем вскрывать банки в вашем присутствии! Подойдите ко мне!" - приказывает капитан. Я молчу и продолжаю сидеть на стуле в стороне.

"Тогда я к вам подойду!" - говорит капитан. Капитан поставил рядом со мной два стула. Потом взял в руки банку и, глядя мне в глаза, стал медленно приближаться ко мне.

Я спокойно смотрел, не двигаясь с места у стены. Но когда он поставил банку на один стул, а сам сел на другой, и, поглядывая на меня, начал открывать крышку, я внезапно вскочил на ноги. Вся комната пришла в движение: уполномоченный по делам религии, милиция и другие все вскочили со своих мест: кто кинулся к выходу, а кто сбились в кучу в дальнем углу. Только главный сотрудник КГБ остался на своем месте.

Капитан, отдернув руки от банки, неистово закричал на меня: "Садитесь на место! Немедленно! Что в банках?!" Я осторожно сел. Молчу... "Что в банке, спрашиваю?!" - приглушенным голосом спрашивает капитан. В кабинете наступила полнейшая тишина.

- Вы совершили беззаконие, арестовав меня, не спрашивайте меня! Но банку вскрывать я вам не советую!

Капитан:

- Я спрашиваю вас, что в банке? Что вам жизнь не дорога?! Вместе рискуем!

Капитан выждал несколько минут. Затем пододвинув банку к моему колену, достал какой-то специальный ножик и стал опять осторожно отгибать крышку. Край банки касался моей ноги. Он действовал замедленно, встревожено поглядывая на меня. Часть присутствующих, сбившихся в кучу в противоположном углу кабинета, затаив дыхание, тревожно наблюдали. Я сидел лицом к ним и наблюдал за реакцией.

Часть людей, выскочивших в дверь, столпилась в коридоре у раскрытой двери. Сзади всех возвышалось продолговатое испуганное лицо уполномоченного. Глаза всех были устремлены на руки капитана с банкой. Капитан еще долго возился...

Периодически он внимательно поглядывал на меня: какова моя реакция. Наконец - вскрыл банку, и все увидели какую-то черную массу в небольших крупинках. Кто-то воскликнул вопросительно: "Черная икра?!" И вдруг все хором, как по команде, с явным облегчением закричали: "Это икра! Икра! Черная икра! И как много! Вот чем питаются баптисты! Хороша жизнь!

Можно так служить Богу!" Ядовитые возгласы раздались со всех сторон. Все свидетели этого эпизода опять вернулись на свои прежние места.

Капитан строго смотрит на меня: "Что это такое? Икра?!" Я продолжаю молчать. Капитан осторожно пальцем тронул черную массу, поднес палец к глазам, потом понюхал, попробовал языком и сказал: "Это типографская краска!" А затем, осмотрев банку со всех сторон, добавил: "Это заграничная типографская краска! Где вы взяли эту краску?" - обратился капитан ко мне. Я промолчал. "Кто передал вам ее?" - снова вопрос.

Вокруг раскрытой банки столпились почти все участники моего похищения. Кто-то из них с угрозой выкрикнул:

- Связь с заграницей! Для какой цели предназначалась краска?

Я решил ответить:

- Для печатания Библий! Это подарок христианских друзей Запада!

Капитан ко мне строго:

- Почему вы сразу не сказали, что это краска?

- Я вам в этом деле не помощник! - ответил я.

Капитан:

- А почему вскочили?!

- Проверял ваше мужество! Да и запачкаться можно.

Уполномоченный по делам религии облегченно дышал, вытирая платком высокий лоб. "Неуместная шутка!" - сказал он громко.

Обыск продолжался. Особенно долго длилось оформление протокола обыска. Спать совершенно не хотелось. Я все размышлял: "Почему Господь допустил все это? Почему я на этот раз поехал в Сибирь, в Новосибирск? Что впереди?!" "Не две ли малые птицы продаются за ассарий? И ни одна из них не упадет на землю без воли Отца вашего", - так говорил Иисус, так записано в Евангелии. "У вас же и волосы на голове все сочтены; Не бойтесь же: вы лучше многих малых птиц" (Матф. 10:29-31).

Иисус мой. Иисус! Ты со мной! Ты все видишь!

Только к первому часу ночи сотрудники КГБ и милиция все окончили. Часть из них ушли раньше, но сотрудник КГБ, руководивший этой операцией, майор милиции, а также еще трое человек остались до самого конца обыска. Они предложили мне подписать протокол обыска, но я отказался. "Пошли!" обратился ко мне майор милиции.

Я понял, что сейчас меня поместят в камеру. На столе, среди книг и бумаг, лежала моя Библия, мое духовное оружие, мое утешение. Я встал и, сделав несколько шагов по направлению к Библии, попросил:

- Разрешите взять Библию с собой?

- Нельзя! - резко ответил майор.

- Но почему? Что в ней преступного?! - воскликнул я.

- Сказано, нельзя! Пошли! - крикнул майор.

Он прошел к выходу. Я в последний раз взглянул на Библию, мысленно прощаясь с ней, а потом, повернувшись, пошел вслед за майором. Рядом со мной шли сотрудник КГБ и еще один из офицеров милиции. "Провожу вас до самого места вашего ночлега!" - улыбнулся сотрудник КГБ. Я вопросительно посмотрел на него. "Мне нужно самому убедиться, что все в порядке". - пояснил он. (То есть, что я надежно закрыт в камере - таков подтекст его слов.) Мы вышли в тюремный двор. Глубокая ночь, часов около двух. Вокруг окна многочисленных тюремных камер. Там люди... А вверху - ночное сибирское небо. После многочасового пребывания в накуренном кабинете с наслаждением вдыхаю свежий воздух.

Легкий морозец бодряще охватывает лицо, освежает тело, снимает усталость и тревоги прошедшего дня. Тысячи звезд взирают на нашу мятежную землю и на мою маленькую жизнь.

Небо свободно, а на земле тюрьмы, зло, жестокость...

Мы вошли в здание тюрьмы. Снова обыск. Внутренняя охрана тюрьмы тщательно проверяет мои пустые карманы, прощупывает каждый рубец одежды, обыскивает обувь. У меня забирают ремень от брюк, кашне и очки. В сопровождении нескольких человек меня заводят на второй этаж тюрьмы, в одиночную камеру с грубой железной кроватью без матраца, без подушки и одеяла. Вместо них была особая постель, просто деревянный щит. Снова тюрьма... Дверь с шумом закрыли, и я остался один. Я встал на колени и долго молился, а затем лег на кровать, не раздевшись, подложил под голову туфли, а на них носовой платок и, укрывшись пальто, сразу же уснул. Раннее утро. Одиночная камера. Я проснулся, взглянул на стены, на окно с решеткой, на железную дверь. Сразу же все понял... Камера. Тюрьма. Сердце сжалось - опять узы...

Первое утро моих новых уз. Я встал, умылся, а полотенца-то нет! Вытер лицо и руки носовым платком. Потом, отвернувшись к окну, к решетке, преклонил колени. Вверху, над дверью - ниша, и там телеглаз. Это я заметил еще ночью, когда меня привели. Внимательно наблюдают за мной. Эта камера на особом учете.

Вспомнил своего семнадцатилетнего сына Петра, особенно последнее прощание с ним в Москве... Несколько месяцев Петя был со мной, хотя и сам я находился на конспиративном служении. Но я считал необходимым, чтобы дети хотя бы короткое время могли побыть со мной. Петя же был со мной на этот раз довольно долго. Он помогал труженикам издательства "Христианин" в перевозке духовной литературы. Правда, Петя не бывал в местах, где тайно печатались Евангелия, но помогал в дальнейшей развозке Евангелий и другой христианской

литературы. На протяжении нескольких месяцев я имел возможность часто видеться с сыном, вместе читать Слово Божие, молиться... Но в двадцатых числах марта Петя поехал домой, в Киев, так как ему надо было как-то в дальнейшем определяться с учебой. Он уже окончил десятилетнюю школу. Кроме того, он впервые в жизни был так долго без семьи и уже сильно соскучился по сестрам, братишке и маме с бабушкой. Я его провожал ночью на московском вокзале. И вот, войдя в вагон, он долго стоял в тамбуре и смотрел на меня, а я на него. пока не тронулся поезд и, набирая скорость, не скрылся в ночной темноте. Я долго еще стоял на опустевшем перроне и все смотрел и смотрел на красный огонек последнего вагона поезда, увозившего моего сына... Несколько позднее я написал небольшой стих отразивший мои переживания в тот период.

Я помню московский вокзал, Тебя в уходящем вагоне...

А я остаюсь на перроне И вижу твои глаза.

А через одиннадцать дней Я снова лишился свободы, И стоны тюремных дверей На годы, на долгие годы...

И вот теперь, в камере, стоя на коленях и молясь, я вспоминал сына, и сердце мое горько сжималось. Передо мной встали его грустные глаза, а ведь теперь впереди многие годы разлуки. Защемило сердце, в горле комок: "Дети, дети мои... Вас пятеро, и все вы такие разные: и похожие и непохожие друг на друга... Как вы все дороги для меня! Как трудно будет вам поверить, что отец снова в тюрьме!" Последние четыре года я редко бывал дома, так как власти следили за нашим домом с целью арестовать меня. Я заходил в дом осторожно, обычно темной ночью, и довольно редко.

Но все же мы имели эту маленькую возможность хоть иногда побыть вместе, порадоваться кратким мгновениям такой желанной встречи.... Такова судьба многих служителей Евангелия в нашей стране. А теперь новые испытания для меня и моей семьи, новая длительная разлука. Так тяжело! Из груди вырывается беззвучный вопль: "Иисус, мой Иисус? Ты все видишь!" Но громко нельзя произнести, услышат! Мое стонающее сердце должен видеть и слышать только один Иисус, но не враги...

Приходят на память слова любимого гимна моей молодости:

"Ты знаешь путь, хоть я его не знаю, Сознание это мне дает покой..." Весь день прошел в раздумьях. Я ходил по камере, часто склонялся на колени и молился. Когда мне принесли пищу, я не мог есть. Не взял даже пайки хлеба. А вечером появилось чувство голода, но у меня ничего не было. На деревянной полке, в углу камеры, я обнаружил кусок хлеба. Хлеб был уже черствый. Я взял его, помолился и стал есть, запивая холодной водой из крана. А мысли возвращаются к семье, друзьям. Что им известно о моем аресте? Знают ли друзья, что со мной? О, если бы они могли знать о моем аресте, мне было бы легче... Вчера вечером, во время обыска меня спрашивали: "Кто из верующих был с вами в поезде, и знают ли они о вашем прибытии в Новосибирск?" Их очень интересовало, встречали ли меня в Новосибирске друзья, сопровождал ли меня кто-нибудь в пути. Я молчал. И если бы власти были уверены, что я ехал один и никто из верующих не видел меня в Новосибирске на вокзале, то похитив меня, они могли бы скрыть факт моего ареста, без всякой огласки просто уничтожить... Так в молитвах и размышлениях прошел первый день моего нового заключения.

Вечером жизнь в тюрьме как бы замирает. Не слышно шума открываемых дверей камер, человеческих голосов и шагов в коридоре. Тишина. Маленький кусочек звездного неба заглядывает в камеру и через окно с решеткой. Тускло горит электрическая лампочка в одиночной камере. И только в часов десять вечера снова шум. Охрана громко стучит в дверь и объявляет: "Отбой! Спать!" Спокойно ложусь и сплю, как написано в 9 стихе в 4 Псалме: "Спокойно ложусь и сплю. ибо Ты, Господи, един даешь мне жить в безопасности!" Второе апреля. Где-то в обед дверь камеры с грохотом открылась. Я в это время только что встал с колен, молился. В дверях появился высокого роста прапорщик лет 30-ти Он насмешливо посмотрел на меня и спросил:

- Что вы сейчас делали?

Я сказал:

- Молился!

- Кому? - Прапорщик не заходит в камеру, а с порога спрашивает. - Кому молился?

- Богу! Иисусу Христу! - отвечаю.

- И Он вас слышит?

- Безусловно! И не только слышит, но и отвечает на мои молитвы!
- Где? Здесь, в тюрьме?! Здесь такие крепкие стены!
- Да, - отвечаю. - Здесь, в тюрьме, мой Бог со мной, и Он не оставляет меня!
- Удивительно! - прапорщик разводит руками и в сомнениях качает головой.
- А что, нельзя молиться в камере? - спрашиваю его.

- Нет! Почему же, молитесь. Это ваше дело! Но как-то странно это выглядит: в наше время верят в Бога только старые люди...

- Если бы вера старела и умирала, то за нее бы в нашей стране не сажали в тюрьму! - говорю спокойно, глядя прапорщику в глаза, - Христос нужен нам, людям! Только в Нем счастье и истина! В Нем лишь смысл жизни. Христос нужен, очень нужен русскому народу! - стоя посреди камеры с заложенными руками за спиной, говорю я.

Таков порядок в тюрьме.

- А ваша семья тоже верующая?

- Да, верующая: и моя жена, и моя мама, и мои дети все верующие!

- А ваш отец верующий?

- Мой отец умер верующим в тюрьме. Он был проповедником Евангелия, любил людей и отдавал свою жизнь за духовное пробуждение русского народа!

- А где он умер?

- Здесь, в Сибири, в районе Магадана.

Прапорщик явно заинтересовался, но долго разговаривая с заключенным, он нарушает служебную инструкцию.

Во время разговора он несколько раз тревожно оглядывается в коридор и все-таки продолжает разговор.

- А вы верите в Бога? - спрашиваю я.

Прапорщик в раздумьи. Он даже сделал полшага вглубь камеры.

- Я очень мало знаю об этом, - говорит он. - Но Кто-то есть над нами!

- Вам нужно найти Евангелие и почитать! Христос любит вас! Он умер за ваши грехи и принес вам спасение, - тихо говорю я.

Прапорщик также тихо говорит:

- Спасибо!

Затем он выходит из моей камеры в коридор, поворачивается ко мне лицом и некоторое время молча смотрит на меня, затем закрывает дверь камеры. Опять тишина... А на душе радостно: еще неожиданное свидетельство о Боге. Хотя и краткое, но свидетельство! Я даже как-то ободрился. Еще одна встреча. Еще один человек на земле задумается о Боге. И где, в тюрьме! В душе пробуждается с новой силой жажда молитвенного общения со Христом. Теперь уже об этом человеке.

Вновь преклоняю колени и сердце пред великим Богом! Это мое право, мое преимущество как христианина, а теперь и как узника. У меня отняли свободу, отняли Библию, но Бога у меня никто не отнимет! В сознании прорисовывается стих из Библии: "Кто отлучит нас от любви Божьей: скорбь или теснота, или гонения... но все сие преодолеваем..." Чем преодолеваем? своею силой, опытностью, мужеством? Нет, нет! "... преодолеваем силою Возлюбившего нас!" Мои молитвенные размышления прерываются. Снова распахивается с оглушительным грохотом железная дверь. На пороге камеры тот же высокий прапорщик. Сейчас он строго официален. Рядом с ним стоит офицер. "Как фамилия?" Отвечаю. "Имя, отчество?" Так же спокойно называю. "На выход!" - объявляют мне.

Я выхожу из камеры. Руки за спиной. Идем длинными коридорами, какими-то лестницами, вверх и вниз. Я иду впереди, сзади меня - прапорщик и офицер. Слышу приказы сзади:

"Вперед! Направо! Прямо! Налево!" Наконец, попадаем в помещение конторского типа: множество кабинетов. "Стой" - командует офицер. Меня заводят в один из кабинетов. За столом

сидит мужчина лет сорока пяти, в сером костюме. Лицо очень знакомое... Где-то я встречался с ним? Он поднял голову от стола, на котором лежала какая-то бумажка. Взмахнув рукой, отпустил конвой и улыбнулся мне:

- Здравствуйте, Георгий Петрович!

- Здравствуйте! - отвечаю.

- Помните меня?!

И я вспомнил: это был капитан КГБ Анненков, который приезжал ко мне в лагерь на Урал за две недели до моего освобождения в период моего первого заключения в 1969 году. И вот новая встреча в Новосибирской тюрьме.

"Вот мы опять встретились с вами!" - продолжает улыбаться Анненков. (В каком он теперь чине? Пять лет тому назад он был капитаном, а теперь уже, наверное, майор?!

Собственно, мне-то все равно. Пусть хоть полковником будет!) "И все встречи наши в таких необычных условиях!" продолжает Анненков. - Тогда встречались на Урале, в лагере. Теперь в Сибири, и опять - в тюрьме..." Он сказал, что срочно прибыл из Киева. "Я очень спешил, чтобы вас не отправили куда-нибудь... Я должен с вами побеседовать. Ваше положение очень сложное. Есть все данные, чтобы передать суду!" - при этом он выразительно посмотрел на меня. "Мое начальство, - продолжает он, - послало меня сюда специально перед тем, как будет решаться вопрос окончательно, что с вами делать. Все зависит от вас... Вы можете отсюда даже прямо домой поехать..." Я понял, что от предстоящей беседы зависит мое будущее.

Затем Анненков спросил: "Как вы рассматриваете вопрос урегулирования отношений между Советом Церквей ЕХБ и государством?" Я ответил, что совершенно недавно Совет Церквей евангельских христиан-баптистов направил Советскому правительству заявление по затронутому вопросу. В нем сказано, что единственный и реальный путь урегулирования отношений между церковью ЕХБ и государством следующий: отмена законодательства 1929 года, свобода проповеди Евангелия в стране, освобождение из тюрем, лагерей и ссылок всех узников-христиан, осужденных за религиозную активность, возвращение верующим всех отобранных молитвенных домов, возвращение конфискованной христианской литературы, Библий, Евангелий, возвращение родителям детей, отобранных атеистическим государством за христианское воспитание.

Анненков почти прокричал:

- Это невозможно! Это - ультиматум!

- Нет, извините, это не ультиматум, - я старался как можно спокойнее пояснить, - а единственно возможный разумный путь. Верующие в результате многолетних гонений не доверяют вам... Я говорю о минимальных условиях, выполнение которых даст возможность восстановить доверие в сердцах верующих к вам, органам власти. Других путей нет!

Тогда Анненков, перегнувшись через стол, и заглядывая мне в глаза, спросил:

- Но ведь это мнение Совета Церквей! А ваше личное мнение каково?!

Я ответил:

- Я же член Совета Церквей. Мнение Совета Церквей - это и мое мнение!

- Да, но мнение Совета Церквей - это коллективное мнение. Нас интересует ваше личное, индивидуальное мнение! настаивал Анненков.

Я повторил:

- У меня нет расхождений с Советом Церквей ЕХБ!

Развернулась битва за мою душу. Я понимал, что твердая и принципиальная позиция Совета Церквей ЕХБ в вопроса независимого служения и в деле защиты христиан, активная проповедь Евангелия, религиозное воспитание детей, христианская работа среди молодежи - все это явно не устраивает атеистические власти. Им нужен Совет Церквей, покорный атеизму, как ВСЕХБ. И вся его беседа со мной преследует единственную цель - расколоть Совет Церквей ЕХБ, толкнуть его на путь сотрудничества с КГБ. Поэтому КГБ ищет хотя бы маленькую щель во взглядах отдельных членов Совета Церквей, малейшее разногласие. Я это чувствую. И моя цель - сохранить верность Господу любой ценой, ценой потери свободы, даже жизни! Не дать КГБ никакой надежды на компромисс. Господи, помоги мне!

Глядя в глаза капитану, я говорю:

- Вопрос моей свободы должен решаться совместно с вопросом свободы всех гонимых христиан в нашей стране, иначе он не может быть решен!

Беседа затягивается. Анненков нервничает. Начинает маневрировать:

- Вы сейчас взволнованы. У вас была такая бурная деятельность: поездки, встречи, служение - это видно из документов и бумаг, изъятых у вас при аресте. И вот сейчас - внезапная остановка, арест, тюрьма... Это шок! Давайте завтра встретимся, а вы за ночь отдохнете, все продумаете, взвесите. Все же вам надо менять тактику, не ставьте нам ультиматумов! Если нужно, мы дадим вам в камеру бумагу " авторучку, чтобы вы написали ваши личные предложения...

Я отвечаю:

- Отмена законодательства 1929 года, освобождение всех узников-христиан, арестованных за веру, свобода проповеди евангелия. Другого я вам ничего не скажу!

Капитан качает головой.

- Напрасно! Напрасно!

Затем выразительно смотрит на меня:

- В таком случае, мы передаем вас в руки прокуратуры!

А впереди вас ожидают 10 лет заключения, а затем, возможно, и еще новый срок... Я молчу. Анненков ждет молча минут пять.

Смотрит на меня, как бы глазами спрашивает: "Хочешь домой?"

К жене, к детям? Тюрьма тяжела, ох. как тяжела... Давай, находи общий язык с нами и пойдешь на свободу!" Я продолжаю молчать, тогда Анненков вызывает охрану. В кабинет заходит офицер, и меня отводят в камеру. Когда закрылась дверь камеры и я остался один, я понял: это начало длинного пути по тюрьмам и лагерям страны. Тяжело на сердце... Так тяжело! Перед глазами лица детей. Разлука на годы, на многие годы...

"Господь, услышь! Ты знаешь, как мне трудно, как мне дорога свобода, мое служение, как дороги мои дети, жена, мама. Но Ты, Господь, дороже всего! Я так хочу остаться верным Тебе и Твоему гонимому народу до конца, до смерти! Помоги мне!

Дай мне силы!" Я долго стоял на коленях...

И вдруг, впервые со дня ареста я почувствовал большую, переполняющую сердце радость. Это была радость от того, что Господь дал мне силу ответить категорично на все обольстительные и опасные предложения атеизма! Конкретно и категорически отказаться от скользкого пути компромисса. Передо мной был яркий пример моего Спасителя, сказавшего во дни Своей земной жизни: "Ибо идет князь мира сего и во мне не имеет ничего" (Иоанна 14:30). И я так был благодарен Господу за эту победу! И еще я вспомнил один из дорогих моему сердцу стихов из послания Ап. Павла к Ефесянам 1:19: "И как безмерно величие могущества Его в нас, верующих по действию державной силы Его." Божье могущество! Его безмерное величие! И все это проявляется в нашей жизни по действию Его державной силы!

...Так начались мои первые дни уз в 1974 году. Как много событий произошло с тех пор! И вот теперь, это путешествие в Москву... Что за этим стоит?! Я стоял на площадке самолетного трапа и вспоминал...

Минут через пятнадцать вернулся лейтенант:

- Как себя чувствуете, лучше?

- Да, спасибо, лучше!

- Пойдем в салон!

Мы возвращаемся в салон самолета: впереди лейтенант, сзади - солдаты. В это время пилот опять подходит к нашей группе. Он обращается к полковнику:

- Самолет не полетит дальше: есть неисправность. Вам нужно пройти в аэровокзал!

Полковник:

- Это невозможно. С нами заключенный, и мы не можем находиться в зале ожидания!

Пилот:

- Я вас свяжу с начальником аэропорта по радиосвязи.

С ним и решайте ваш вопрос. А самолет сейчас отбуксуют в ремонтную часть аэропорта.

Полковник и пилот прошли в кабину пилотов. А мы все ждем, что будет. Крепко хочется спать. Полковник возвращается. Он отзывает лейтенанта и о чем-то с ним говорит.

Затем лейтенант командует: "Пошли!" Мы все идем, один из солдат несет мой мешок с вещами.

Спускаемся по трапу, входим в аэровокзал, проходим через несколько помещений, поднимаемся на второй этаж. Ночь...

Вернее, раннее утро, часа четыре. Впереди меня полковник, рядом лейтенант, сзади - двое солдат. Кругом люди. Аэровокзал забит пассажирами. Даже на полу, расстелив газеты, спят люди. На втором этаже полковник останавливается перед дверью с табличкой: "Начальник аэропорта". Полковник стучит в дверь. Кто-то открывает дверь, отдает ключи полковнику и уходит. Меня заводят в большой кабинет. Полковник отдает распоряжение солдатам. Они ставят у стены в один ряд пять мягких стульев.

- Снимайте телогрейку, валенки и ложитесь отдыхать! предложил полковник.

- Наш вылет отложен до 9 часов утра.

Я быстро сбрасываю валенки, кладу шапку под голову, накрываюсь телогрейкой, но сна нет. Размышляю, вспоминаю все: арест в Новосибирске в 1974 году, этапирование в Киев, помещение в Лукьяновскую тюрьму, долгие месяцы следствия. Это было только начало... Долго не могу заснуть. Но нужно вздремнуть, хотя бы на полчаса - иначе не выдержу. Сидя в самолете спать я не могу: сразу же начинаю задыхаться.

Ворочаюсь с боку на бок... Горит яркий свет в кабинете начальника Новосибирского аэропорта. Солдаты разложили диван и тоже легли отдыхать. Полковник сидит за столом и читает газету. И лейтенант бодрствует на стуле около двери. А я опять погрузился в мир воспоминаний...

НАЧАЛО ПУТИ

Новосибирская тюрьма, 4 апреля 1974 года. Рано утром, часов в пять, как обычно в тюрьме, с большим шумом отворилась дверь камеры. "Собирайся! Выходи с вещами!" - прокричал охранник. А вещей-то у меня: коричневая шляпа да два носовых платка. "Подожди, начальник! Разреши умыться!" Охранник прикрывает дверь камеры, ждет. В камере холодно.

Да и спать на жесткой железной кровати без матраца и подушки очень неудобно. Отвык, привык к "комфорту" вольной жизни... Все бока болят от железа. Встаю с кровати и под кран, под ледяные струи сибирской воды. Солдат подсматривает в "глазок", маленькое круглое окошечко в двери камеры. Наскоро умывшись, преклонил колени на цементном полу, лицом к окну с решетками: "Иисус! Мой Иисус! В руки Твои передаю весь дальнейший путь. Только Тебе он известен... Благослови мою дорогую жену, маму и моих детей!"

Благослови и все дело Евангелия в Сибири, на Украине, в России и по всему миру!" Раздается нетерпеливый стук в дверь. Встаю с колен, одеваю пальто: "Готов, начальник! Пошли!" Прощай, моя первая сибирская камера. Я уже немного привык к тебе, даже как-будто и жаль расставаться. Как-никак, а четыре дня моей новой арестантской жизни ты была моим домом, алтарем горячих молитв к Господу. Охранник ведет меня по тюремному коридору. Справа и слева закрытые двери многочисленных камер. Кругом только камень и металл. А в камерах люди... Кто они? Полное молчание, тайна и неизвестность... Куда меня ведут? Тоже пока загадка... Подходим к выходу из тюрьмы, на вахту. Здесь уже стоят двое. Один в военной форме, в чине прапорщика, полный мужчина лет пятидесяти, с широким скуластым лицом. Погоны на кителе помятые: старый служака, но лицо вроде бы добродушное и по ВИДУ очень усталое. Второй в гражданской одежде, подтянутый, спортивного телосложения, лет двадцати пяти. У прапорщика из-под кителя выпирает кобура с пистолетом. У молодого тоже пистолет под пиджаком. Молодой молчит и внимательно смотрит на меня, изучает. Прапорщик спрашивает: "Фамилия, имя, отчество, год рождения, национальность?" Отвечаю на все эти уже привычные по первому сроку вопросы. Руки за спиной.

Прапорщик держит в руке бумажный пакет с моими тюремными документами. Всего четыре дня, как я арестован, а уже столько бумаг на меня оформлено! Тюрьма не спит, работает активно! Прапорщик внимательно рассматривает мою фотографию, приклеенную на пакете. Фотография старая, восьмилетней давности. Снимок сделан в мае 1966 года в московской тюрьме Лефортово, главной тюрьме КГБ.

Прапорщик объявляет:

- Вы поступаете в распоряжение конвоя! Шаг влево или вправо, прыжок вверх будет рассматриваться, как побег! Конвой стреляет без предупреждения! Мы летим пассажирским самолетом. В самолете молчать, ни с кем из пассажиров не Разговаривать!

Я спрашиваю:

- Куда меня везете?!

Прапорщик отвечает:

- В Киев!

Киев... Там семья, там Церковь, там друзья. Но мой путь арестантский не к семье, не к друзьям, а в темницу. Это ясно. И возможно, на годы, на долгие годы... Выходим во двор тюрьмы. Мне надевают на руки стальные наручники. Нас уже ожидает машина черного цвета, специально предназначенная для перевозки заключенных. Русский народ дал очень меткое название этому типу машин: "черный ворон" или кратко "воронок". Правда, в последние годы эти машины стали красить в серый, зеленый, даже белый цвет, но суть не изменилась, и народное название осталось прежним: "ворон", "черный ворон", "воронок". Это та же тюремная камера, чрезвычайно тесная, но только на колесах... Она без окон, внутри разделена на две части крепкой металлической решеткой с дверью:

одна часть для конвоя, другая - для заключенных. Кроме того, есть еще одна или две кабины для особо опасных заключенных, каждая на одного человека. И кабины, и общая камера закрываются на замок. Меня сажают в тесную кабину: кругом железо, очень холодно". Темно.

Едем долго. Знают ли друзья, что со мной и где я? Знает ли семья о моем аресте? Сегодня пятый день моей неволи. "Воронок" несколько раз останавливается, потом опять едет и опять останавливается. Кто-то выходит, слышны какие-то разговоры... Я догадываюсь, что мы прибыли в аэропорт Новосибирска. Наконец, окончательная остановка, дверь открывается: "Выходи!" Выхожу. Рядом стоит огромный самолет. "Вперед!

Пошли!" - раздается команда. Поднимаюсь по трапу. Впереди прапорщик, сзади меня молодой охранник в гражданском. Кругом пассажиры: женщины, дети, мужчины. Раннее утро. В самолете большинство пассажиров еще спят, но некоторые бодрствуют, и тихо разговаривают. Это был обычный рейс из Хабаровска в Киев через Новосибирск, как я узнал потом. Один ряд кресел свободен. "Садись!" - приказывает конвой. Тут же рядом же мои чемоданы. Конвой занес их раньше и держит при себе, хотя это неудобно и мешает пассажирам. Я сажусь. Внешний вид у меня очень подозрительный: пять суток я не брился, на лице щетина, волосы на голове растрепаны, так как при обыске расческу отобрали. Проснувшиеся пассажиры настороженно и с удивлением смотрят на меня. Впереди меня сидит женщина с ребенком. Она обернулась ко мне и вопросительно смотрит, но молчит. В ее взгляде недоумение: "Кто ты? За что? Может быть, убийца какой, грабитель? Очень опасный!" Другие тоже с интересом, даже с испугом, смотрят на меня.

видят охрану и молчат. И я молчу...

Прапорщик обеспокоено оглядывается вокруг, затем наклоняется ко мне и говорит негромко, но внушительно: "Спокойно!

Не разговаривать! Помните предупреждение!" В это время самолет делает разбег: быстрее, еще быстрее, взлет! Здания и деревья уже далеко внизу. Все ближе небо.

Ближе к небесам... А в небесах наш вечный Дом! Там Господь!

Там Его вечные обители! И Он сказал: "Да не смущается сердце ваше, веруйте в Бога и в Меня веруйте. В доме Отца Моего обителей много; а если бы не так, Я сказал бы вам: "Я иду приготовить место вам". И когда пойду и приготовлю вам место, приду опять и возьму вас к Себе, чтоб и вы были, где Я" (Иоан. 14:1-3). Сердце полно радости: Он возьмет нас к Себе! В доме Его много обителей! А это все временно: и земля, и этот конвой, и узы. Господь и сейчас со мной, и поэтому впереди не мрак неизвестности, а победа со Христом!

Стюардесса объявляет: "Шесть часов полета до Киева!" Мой конвой очень устал. Рядом со мной сидит прапорщик, начальник конвоя. Он борется со сном: то засыпает; то, испуганно вздрагивая, поднимает голову, смотрит на меня. Кобура с пистолетом, пристегнутая к ремню, сползла на большой живот прапорщика и оказалась рядом со мной, очень близко. Прапорщик, несколько раз просыпаясь, поглядывает на меня, поправляет кобуру, а потом извиняющимся голосом говорит:

- Мы прошлую ночь не спали, в дороге были. А потом сразу же новый полет из Киева в Новосибирск, за вами. И вот теперь, опять без отдыха, полет в Киев... Извините!

Я говорю ему:

- Отдыхайте спокойно! Не беспокойтесь! Вы же знаете, я христианин.

Он говорит извиняющимся тоном:

- Конечно, мы понимаем, что вы - порядочный человек. Но это наша служба... Мы не причастны к вашему аресту! После этого он мирно засыпает, сидя рядом со мной. И второй конвоир, сидящий сзади, тоже спит. Я еще раз посмотрел на кобуру с пистолетом у начальника конвоя, и мне стало смешно.

Одна за другой появились мысли: "С кем воюете?! С кем боретесь? Ведь сами вы понимаете, что верующие никакого зла не причиняют ни обществу, ни государству. И если мы проповедуем Евангелие, то в этом колоссальная польза для народа и для государства! Признаете ли вы это когда-нибудь?!" В Харькове несколько лет тому назад был работник КГБ, Беленький по фамилии. Он координировал работу органов КГБ против христиан-баптистов. В каждом городе при Управлении КГБ есть такой специальный отдел по борьбе с религией. Как-то, немного подвыпив, он встретил на улице города нашего верующего, которого знал лично. Беленький, словоохотливый от выпитой водки, разоткровенничался: "Хотя у нас работа против вас, баптистов, очень трудная, но зато я за свою жизнь спокоен и когда иду на операцию против баптистов, никогда не беру оружия. А ваг мой товарищ, занимающийся другой категорией людей (он не назвал какой), всегда ходит с оружием, и каждый раз, уходя из дому на операцию, прощается с семьей..." Признание христиан-баптистов мирными, порядочными людьми и примерными гражданами с одной стороны, и жестокая, многолетняя, централизованная, в масштабе всего государства, борьба с ними - с другой... Такова наша действительность.

Самолет летит над Сибирью. Природа Сибири сурова: зимой большие морозы, много снега. Помню, однажды зимой, когда мне было лет четырнадцать-пятнадцать, наш одноэтажный дом почти полностью занесло снегом до самой крыши. Пришлось прокапывать лопатой туннель от двери дома на улицу. Я сохранил любовь к сибирскому краю на всю жизнь. Люди Сибири мне очень близки и дороги. Они, в основном, стойкие, мужественные, закаленные в борьбе с суровой природой, с испытаниями жизни. Особенно дороги мне сибиряки, принявшие Христа в свое сердце, христиане не только по названию. Сколько я встретил в Сибири мужественных христиан, верных Богу. ревностных в деле распространения истины Христовой. Сколько у меня друзей в Сибири, друзей по вере!

Я сам в шестнадцать лет отдал свое сердце Христу, и с тех пор моя жизнь тесным образом связана с делом Евангелия. Мое детство совпало с особенно тяжелыми гонениями на христиан.

Одних только евангельских христиан-баптистов было арестовано 25 тысяч в период с 1929 по 1940 год. В основном это были проповедники Евангелия. 22 тысячи из них умерли в тюрьмах и лагерях как мученики за веру Христову. Собрания верующих были категорически запрещены. Верующие собирались для совместной молитвы тайно, по ночам, небольшими группами. Но веру в Христа невозможно уничтожить! Христос сказал: "Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее" (Матф. 16:18), В 1944-1946 гг. в Сибири и по всей стране Господь послал большое пробуждение. Оно было обильно полито кровью мучеников за дело Евангелия. Верующие стали собираться в жилых домах на молитвенные собрания, как это происходит и сегодня во многих городах и деревнях по всей стране. Из комнат выносятся мебель, остается только стол. Это наша кафедра. Жаждающих послушать так много, что не все могут вместиться в дом. Многие стоят на улице, особенно летом, когда можно открыть окна и двери... Шла война. Власти молчали, не трогали собраний верующих. Проповедовали просто, но искренне и горячо. Господь касался сердец. Многие каялись, и в первую очередь дети-подростки, отцы которых умирали в тюрьмах и лагерях за веру Христову.

Самолет пошел на снижение. Моя охрана проснулась и виновато посматривала на меня... К прапорщику, начальнику конвоя, подошел пилот и что-то тихо сказал. Прапорщик в знак согласия

кивнул головой. Затем он обернулся к молодому охраннику, сидевшему сзади, и сказал: "Все в порядке, сообщили!"

Нас уже ждут!" Я понял, что экипаж самолета по радио сообщил в Киев о благополучном этапировании арестованного и получил сообщение для конвоя, что нас ожидает в аэропорту спецмашина, "воронок". Мы прибыли в аэропорт Борисполь, расположенный в 30 километрах от Киева. Сначала из самолета по трапу сошли все пассажиры. Они оживленно садились в подошедший автобус. Когда автобус отъехал, конвой вывел меня из самолета. "Воронок" уже ждал нас. Рядом с "воронком" стояла черная "Волга". Около нее стояли три человека в гражданской одежде. Они внимательно наблюдали за происходящим. Я был один в камере "воронка". В конвойной части сидели прапорщик и молодой охранник в гражданской одежде. Машина тронулась в город.

Родной Киев! Более тридцати лет жизни тесно связаны с ним. Город-красавец, расположенный на холмах в живописной долине Днепра. Город цветов и солнца! На крутом берегу высится большой чугунный памятник Киевскому князю Владимиру, принявшему христианство и крестившему киевлян в 988 году. На высоком постаменте князь Владимир поднял над Днепром большой крест. Почти 1000 лет со дня официального принятия христианства на Руси! Крещение киевлян не было добровольным, сознательным, по вере... Так хотел князь и высшая знать того времени. Им нравилась греческая вера: красивые и величественные храмы Византии, пышное и торжественное богослужение, дорогое, усыпанное драгоценными камнями, одеяние священников. Православная церковь Византии была государственной церковью, находящейся в полном подчинении императору. Такою же государственной казенной церковью стала и православная церковь в древней Киевской Руси. Такою же она и осталась на протяжении всей истории Московского государства, а затем и Российской империи.

1000-летие христианства на Руси - это праздник государственной церкви, это юбилей соединения Церкви с государством.

Христос учит: "Отдавайте кесарево кесарю, а Божье Богу" (Матф. 22:21).

В Киеве я жил с 1946 года, и с ним у меня связаны лучшие годы жизни, годы служения Господу. В машине была маленькая щель и я, хотя и с трудом, но видел людей, улицы, мост через Днепр... С внутренним волнением я всматривался в жизнь города. Родной Киев жил своей обыденной жизнью и даже не обращал внимания на арестантскую машину. "Воронок" обычное явление на улицах Киева. Наконец, "воронок" заехал в какой-то большой двор. Молодой конвоир остался в машине, а прапорщик куда-то вышел. Вдруг открывается дверь "воронка" и кто-то говорит начальственным голосом: "Открой-ка дверь пошире, зажги свет! Я хочу посмотреть на Георгия Петровича". Какой-то человек, лет сорока, стройный, высокий, вскакивает в "воронок".

- Георгий Петрович! Добрый день!

Я пристально вглядываюсь, но не узнаю.

- Здравствуйте, но я вас не знаю!

- Зато я вас знаю, - говорит вошедший. - Я все эти годы вас искал. Много искал! - А затем, переменяв тон, строго спросил: - Почему вы с нашим человеком в Новосибирске не захотели беседовать?!

Он имел в виду сотрудника КГБ Анненкова.

- Нам не о чем беседовать! - ответил я.

Высокий посмотрел на меня и пригрозил:

- Но это вам так не пройдет! У вас так не получится, как У Д. (Он назвал фамилию одного служителя, который, будучи арестованным, был помещен не в тюрьму, а в Киевскую гостиницу на несколько дней, где находился под охраной и имел многодневные беседы с работниками КГБ. Содержание этих бесед осталось тайной, однако этот служитель был освобожден, вернулся домой и оставил служение в гонимом братстве.) Я понял, что КГБ будет также пытаться меня сломить запутать, лишить духовной силы и парализовать служение.

Первая попытка в этом направлении была сделана в Новосибирске через Анненкова... Высокий гебист долго стоял в дверях "воронка", а затем спросил:

- Где Петя? Где ваш сын?

И так повторял несколько раз.

- Зачем вам Петя? - спросил я.
- Нас интересует, где сейчас ваш сын.
- Вы, наверное, лучше меня знаете, где Петя. Я давно дома не был...
- Но Пети нет дома! - возразил сотрудник КГБ.

Было ясно, что КГБ вел наблюдение за моей семьей и домом, и отсутствие Пети на протяжении нескольких месяцев было замечено. Мои гонители догадывались, что Петя был со мной, и пытались найти его, а затем и мое местонахождение. Но Петя вернулся домой, в Киев, за десять дней до моего ареста, а органы КГБ это проглядели, не заметили.

В поле зрения КГБ не только служители ЕХБ, но и наши дети.

Когда мой сын Петя учился в десятом классе средней школы, в школу однажды пришел сотрудник КГБ капитан Анненков. Петю после уроков вызвали в кабинет к директору школы. Когда он вошел в кабинет, там уже сидел Анненков. Беседуя с Петей, Анненков стал предлагать ему помощь в дальнейшей учебе, в поступлении в институт. Взамен капитан КГБ поставил условие, чтобы мой сын помог им найти меня. Петя отказался:

- Вы что хотите, чтобы я предал своего отца?! Никогда этого не будет!

Анненков пригрозил:

- Мы не дадим тебе дальше учиться!

И Анненков сдержал свое слово. Пете не дали дальше учиться и даже работать, а позднее, когда я уже находился в ЯКУТСКОМ лагере, Петя был арестован и пробыл один год в лагере. Официально его обвинили на суде в том, что он не работал.

Не добившись от меня ответа, сотрудник КГБ ушел. Опять появился пожилой прапорщик, и мы поехали.

Я спросил:

- Что, хозяин не принял?

Молодой конвоир ответил с улыбкой:

- Да. первый хозяин не принял. Повезем вас к другому.

Значит, у КГБ планы изменились за время моего полета из Новосибирска в Киев, и теперь меня везли в общую уголовную тюрьму. Это было 4 апреля 1974 года. Ехали мы довольно долго. Я прикидывал, по каким улицам меня везут... Наконец.

приехали к Киевскому следственному изолятору No 1 Министерства внутренних дел. Так официально называлась тюрьма, которую народ называет Лукьяновка.

Лукьяновская тюрьма состоит из нескольких корпусов. Основу составляет старая четырехэтажная тюрьма, построенная в XVIII веке, во времена правления русской царицы Екатерины Второй: массивные стены, камеры с высокими потолками, длинные коридоры, крутые каменные лестницы с полустертыми ступенями. В этом корпусе сохранилось помещение бывшей тюремной церкви. Сегодня в этой церкви несколько больших камер. В них содержатся женщины-заключенные, а также и "малолетки", т.е. заключенные, не достигшие 18-летнего возраста. В одной из них находилась в 1971 году и моя мама. Ей тогда было 64 года. Второе большое здание - четырехэтажный мужской корпус на 1000 человек, стоящий отдельно от других корпусов. Он был построен во время царского министра Столыпина в 1910 году.

Есть там еще и другие корпуса, поменьше... Общее количество заключенных в Киевской тюрьме пять-шесть тысяч. Камеры разные по размеру. Есть камеры большие, на 50-80 человек, а есть и маленькие, для двух-трех заключенных. Посреди двора, между корпусами расположены прогулочные дворики. Эти дворики обнесены высоким каменным забором и разделены кирпичными перегородками. Наверху, над двориками, металлическая сетка, а также площадка, по которой расхаживает конвой во время прогулки заключенных. Вверху, на специальных металлических фермах, рядом с двориками, стоит телеаппаратура для постоянного наблюдения из административного корпуса за заключенными и поведением охраны. Прогулка - один час в сутки. Это большая радость - после прокуренной камеры выйти подышать свежим воздухом.

Интересна подземная часть Киевской тюрьмы. Многочисленные подземные тоннели-переходы между разными частями тюрьмы: следственным корпусом, старой и новой частью тюрьмы. Эти тоннели внутри перекрываются многочисленными металлическими дверями с крепкими замками и специальной сигнализацией. И конвой, сопровождающий заключенных, имеет специальные электромагнитные ключи, набирает определенный код, открывая двери. Подземных переходов в тюрьме много. Они где-то сходятся, потом опять расходятся. Это целая система. Думаю, что все это имеет специальное назначение: в случае каких-то беспорядков охрана сможет отрезать один корпус тюрьмы от другого, часть людей загнать в эти подземные тоннели при подавлении беспорядков. Это было новостью для меня. Раньше в Киевской тюрьме ничего подобного не было.

Первый раз я сидел в Лукьяновской тюрьме 15 суток вместе с четырьмя братьями по вере. Мы были арестованы за проведение богослужебного собрания в лесу, недалеко от Киева. И вот, спустя 11 лет, я снова в Киевской тюрьме.

Я понимал, что меня ожидают не 15 суток тюрьмы, а несколько лет... При прибытии в тюрьму был произведен обычный обыск, потом душевая. Затем подземным переходом меня повели в следственный корпус. Я получил старый грязный тюремный матрац, такое же грязное одеяло и подушку без наволочки, а простыня вообще не полагалась. Поместили меня в спецкамеру мужского следственного корпуса. Камера рассчитана на двоих, но сейчас в ней стояли две двухъярусные железные кровати, уже на четырех заключенных, посередине маленький деревянный столик и у двери, в углу - туалет. Очень тесно. Окно небольшое, с тремя рядами решеток. Даже днем в камере полумрак, и поэтому круглые сутки горит на потолке электрическая лампочка. Камера, в которую меня поместили, находится на четвертом этаже и имеет номер 68. В камере находятся три человека, и у всех одинаковые отчества: все три Петровичи. Один Михаил Петрович, второй Василий Петрович, третий Анатолий Петрович. Я знакомлюсь и называю себя: Георгий Петрович. Все трое посмотрели на меня с явным недоверием: "Тоже Петрович?! Странное совпадение." В этой камере я пробыл два с половиной месяца. Один из обитателей камеры номер 68, Михаил Петрович, агроном по специальности. Он занимал высокий пост в Управлении сельского хозяйства по Киевской области. Это - человек лет сорока, с большой залысиной, очень спокойный и веселый. На груди, спине, руках и ногах у него густая шерсть... Он шутит над собой, шлепая рукой по лысине: "На голове пусто. а на спине - густо!" В тюрьму Михаил Петрович попал впервые, арестован был за какие-то финансовые нарушения.

Он очень заинтересовался обстоятельствами моего ареста, расспрашивал о верующих, о содержании Библии, о Боге.

Второй Петрович - бывший работник почты, высокий чернявый мужчина лет тридцати пяти. Звали его Василием. В тюрьме он тоже впервые, арестован за хищение заграничных посылок. Работник почты. Он очень напуган арестом, сильно переживает за жену и двоих детей. Третий - Анатолий.

молодой человек лет двадцати трех, месяц назад освободившийся из лагеря и успевший за две недели снова совершить преступление: ограбить пять продуктовых магазинов.

Брал, в основном, водку и вина.

Все они встретили меня дружелюбно. Я рассказал им о себе. о семье, о моих убеждениях, о верующих... Все трое удивлялись мужеству и стойкости верующих. Они и раньше слышали много доброго о наших братьях и сестрах по вере.

Василий лично встречался с верующими-баптистами в своем городе Львове, а Анатолий сидел в одном лагере, под Киевом с членом Киевской церкви Владимиром Николаевичем Лавриненко, которого я хорошо знаю многие годы. Анатолий очень хорошо отзывался о Владимире: "Весь лагерь уважал вашего Владимира. Он очень справедливый, честный и добрый человек! Если бы все люди были, как Владимир, то на земле давно был бы рай".

Владимир Николаевич Лавриненко был арестован в 1968 году в Киеве за участие в изготовлении религиозной литературы гектографическим способом. За это он пробыл в тюрьме и в лагере три года.

В камере номер 68 было только одно свободное место наверху двухъярусной металлической кровати, где я и расположился. Я свободно молился: никто мне не мешал и не препятствовал. Я также много размышлял о моих новых обстоятельствах. Первые дни в этой камере были, фактически, днями отдыха. Одно тревожило меня: что с семьей, и знают ли мои родные о моем

аресте. 8 апреля в нашей камере произошли изменения. Утром рано Анатолия забрали с вещами из нашей камеры, а на его место прибыл другой - Валентин.

Это случилось вечером. Среди всеобщей тишины, которая обычно водворяется в тюрьме вечером после ужина, вдруг с шумом открылась дверь, и в камеру с матрацем и узелком с вещами вошел человек лет сорока пяти, небольшого роста, с редкими зачесанными назад волосами, в грязной замазанной телогрейке и такой же грязной фуражке. Новопришедший, тяжело вздыхая, вытирал рукавом пот с лица и лба и рассказал, что его недавно арестовали в одной деревне Киевской области. По его словам, он шофер, перевозил какое-то кровельное железо для покрытия крыш. Это железо было краденое, а он об этом не знал. Его попросили перевезти это железо из одной деревни в другую. Но милиция обнаружила кражу, его машину остановили, и он был арестован. Человек этот рассказывал, что его в милиции избивали до крови.

Михаил и Василий, впервые попавшие в тюрьму, с тревогой слушали, как Валентин описывал зверскую расправу над ним в момент ареста и в первые дни. Он говорил, что если и они не расскажут своим следователям все чистосердечно о своих преступлениях, то и их будут бить. Это очень озадачило обоих. О себе Валентин рассказал, что он уже ранее отбыл в лагерях Севера 10 лет. Пять лет назад он приехал в Киев, женился на вдове с ребенком и работал шофером на грузовой автомашине. Он говорил о себе, как о бывалом арестанте, испытывавшем северные лагеря.

11 апреля меня в первый раз вызвали на допрос к следователю. Моим следователем оказался очень разговорчивый (вернее, даже болтливый) человек лет 35, среднего роста, худощавый, черноволосый, по фамилии Власюк. Первым делом он представился: "Я - специалист по делам баптистов. Я уже ранее вел следствие по делам двух баптисток. Обе они осуждены к лишению свободы!" (Он назвал две фамилии. Одна из них была мне знакома.) "У меня богатый опыт по вашим баптистским делам!" Следователь Власюк самодовольно улыбался и снисходительно смотрел на меня.

- Что же преступного совершили эти верующие? - поинтересовался я.

- О, одна из них ездила по стране и собирала клеветнический материал об арестованных баптистах для вашего Совета родственников узников, - стал рассказывать Власюк.

- А вторая, сотрудница вашей типографии, печатала запрещенную религиозную литературу!

Я снова спросил:

- Вы считаете, что сведения об арестованных верующих-баптистах клевета?

Власюк громко, с расстановкой отчеканил:

- В нашей стране не судят за веру!

- А за что меня арестовали? - Я посмотрел прямо в глаза следователю. - За воровство, за грабеж, за убийство? За последние годы пятнадцать человек Киевской Церкви были арестованы и судимы только за веру, только за религиозную активность: за религиозное воспитание детей, за проповедь Евангелия, за печатание религиозной литературы!

Власюк завертелся на стуле и замахал руками:

- Не нужно дискуссий! Разве вы не понимаете, что мы строим атеистическое общество, а вы, баптисты, мешаете нам своей верой?! Затем Власюк достал протокол из портфеля и приготовился писать. Он стал задавать вопросы о Совете Церквей ЕХБ, о наших типографиях. Его интересовали фамилии верующих и их адреса... Но я возразил сразу же:

- Вы напрасно рассчитываете, что я приму участие в этом допросе, Я рассматриваю мой арест, как беззаконие!

- Не хотите со мной говорить? - спросил Власюк.

- Я отказываюсь участвовать в незаконном следствии!

- сказал я. - Ведите следствие сами, без меня.

- Хорошо, я доложу об этом своему начальству, - спокойно сказал Власюк. Затем он доверительно сказал: - Понимаете, мы не будем делать обыска у вас дома. Я ездил к вам домой и сказал вашим родным, что вы арестованы и находитесь в Киеве, в нашей тюрьме. Я не хочу, чтобы они волновались, переживали... Может быть, им что-либо передать от вас?

Я поблагодарил его. Потом, на свидании, уже после суда, мои родные сказали мне, что ничего подобного не было, что он не приезжал к ним и не сообщал, что я арестован и что я в Киеве. После первой встречи Власюк? куда-то исчез. Следствия, фактически, еще и не было... Как я узнал в конце 1974 года, Власюк сам был вскоре арестован за взятки. Бог поругаем не бывает! Следователь Власюк, специалист по фальсификации дел против ни в чем неповинных верующих, сам очутился в Киевской тюрьме. Страдания в тюрьмах молодых христианок, на которых Власюк сфабриковал дело, даром для него не прошли. Конечно, мы, христиане, не мстим за себя и не желаем зла гонителям. Но Бог производит Свои суды над гонителями, как свидетельствует нам Слово Божие: "Ибо праведно пред Богом - оскорбляющим вас воздать скорбью (1 Фесс. 16).

13 апреля, в субботу вечером, я лежал на верхней койке и долго не мог уснуть. Завтра Пасха, светлый праздник Воскресения нашего Господа Иисуса Христа. В камере нас четыре человека. Трое моих товарищей по камере уже давно спали, а я все не мог уснуть. Все размышлял о семье, о детях, о друзьях по вере и служению. В Киеве, да и вообще на Украине и в России, это самый большой и радостный праздник. "Христос воскрес!" Воистину воскрес!" - будут раздаваться приветствия во всех церквях и в христианских семьях. А я один в тюрьме... И таким я почувствовал себя одиноким. Сколько я так пролежал, размышляя, не знаю.

Наконец, задремал... Вдруг сквозь сон слышу пение: "Христос воскрес из мертвых!" Поют молодые голоса: много, большой хор... Пение нарастает, молодые голоса крепнут.

Первая мысль: "Что это? В тюрьме не могут петь! Это ангелы поют! И как хорошо! Господи, слава Тебе!" Я почувствовал, что я как бы взят от земли. Уже нет тюрьмы!

Нет страданий! Христос воскрес! Радость, необыкновенная радость наполнила сердце. А пение все усиливалось и усиливалось:

Христос воскрес из мертвых, Смертию смерть поправ..." Пение становится громче и громче. Да, я взят из тюрьмы! Скоро увижу Иисуса! Еще несколько мгновений, и я буду со Христом! Радость! И все это сквозь сон... Мне так легко и хорошо: "Иисус, мой Иисус!" Но вот раздались крики со всех сторон. В стены нашей камеры стали стучать из соседних камер. "Слушайте! Слушайте!" - кричали проснувшиеся заключенные и в моей камере. Я открыл глаза и сел на кровати, недоумевая. Пасхальное пение мощной волной врывается через открытую форточку тюремного окна. Но кто это поет? Вся тюрьма встрепенулась и слушала. В тюрьме - и пасхальное пение - невероятно! Но вот залаяли сторожевые собаки. Снаружи шум, крики охраны... Пение прекратилось.

В нашей камере все привстали на своих койках: "Что это такое?! Кто пел?" А я понял: пели друзья по вере. Но кто они?

И как они прошли к тюрьме? Одно было ясно: я не одинок.

Господь посетил меня через пение моих дорогих друзей по вере. Наша камера, да и вся тюрьма долго не могли заснуть.

Многие заключенные задумались о Боге, говорили о верующих... А я получил ясное подтверждение, что друзья и моя семья знают, где я.

И только спустя восемь месяцев, уже после суда, во время свидания с семьей, я узнал, что около пятидесяти человек молодежи из нашей Киевской Церкви пришли перед Пасхой ночью к тюрьме. Рядом с тюрьмой расположен госпиталь.

Молодежь прошла на территорию госпиталя, подошла поближе к каменному тюремному забору и стала петь. Мои юные друзья пели как раз напротив моей камеры. Как они узнали, в каком здании меня содержат и в какой именно части здания?!

Это Господь привел их к моей камере! Это чудо Божье! Друзья очень рисковали. Их могли арестовать за пение христианского гимна возле тюрьмы. Но они верили и молились.

Они горели желанием ободрить узника, своего брата по вере, и поздравить с праздником Воскресения Иисуса Христа! Как об этом прекрасно сказано в Евангелии от Матфея:

"в темнице был и вы пришли ко Мне... так как вы сделали это одному из братьев Моих меньших, то сделали Мне" (Матф. 25:35-40). Так скажет им в свое время Сам Господь!

Когда охрана услышала пасхальное пение, она тоже сначала растерялась, не поняла, кто поет и где? Но потом солдаты охраны с собаками побежали на территорию госпиталя с целью задержать

поющих. Молодежь, услышав крики и собачий лай, исчезла... Никто не был задержан, Господь сохранил их.

В понедельник Надя, моя жена, принесла мне первую передачу. Со смешанным чувством я держал в руках мешочек с продуктами: чувствовал и радость, и в то же время скорбь.

Новая разлука и переживания для детей, для всей моей семьи... Как они себя чувствуют? Как снова перенесут тяжесть разлуки? Эта передача была праздничная, пасхальная. Мне передали даже три крашеных яйца. что обычно не принимают в тюрьму. Как я потом узнал, Надя упростила об этом женщину, принимавшую передачу... Я взял и разложил продукты на маленьком столике камеры: белый хлеб, колбаса, три яйца, яблоки... В тюрьме это праздник! Я пригласил своих сокамерников, в том числе и Валентина, к столу: "Сегодня второй день Пасхи, светлого Христова Воскресения, и у нас в камере будет праздничный стол. Но прежде всего я хочу помолиться Богу и поблагодарить Его за любовь к нам, людям, и попросить Божьего благословения и на ваши сердца, чтобы и вас коснулась милость и благодать Божия!" Я попросил всех встать. Они встали, и Валентин - тоже. Правда, я заметил, что он сначала пристально посмотрел на меня и чуть помедлил, но все же встал. Я совершил молитву, и потом вместе мы разделили трапезу. Я взял два яйца и отдал одно Михаилу, второе Василию, а третье разделил себе и Валентину. Михаил и Василий протестовали и говорили, чтобы я взял себе целое яйцо, но я сказал:

"Разрешите мне вас угостить!" Конечно, эта совместная трапеза создала теплую, почти домашнюю обстановку в камере. И мы потом много беседовали о Христе, о Его смерти и Воскресении, и о том, что христианство невозможно убить, уничтожить! Михаил и Василий задавали много вопросов, но Валентин молчал.

В течение первых двух месяцев после ареста у меня не было, собственно, никакого следствия. Но в эти два месяца меня посещали сотрудники КГБ, главным образом, майор Фесуненко. "Знаменитый", я бы сказал, майор, ведущий большую работу по запугиванию или оболещению верующих. В конце апреля 1974 года, в первый месяц моего заключения, я был вызван на допрос к следователю. Когда конвой ввел меня в кабинет, там сидел за столом полный черноволосый мужчина, лет сорока двух-сорока пяти, в темно-синем костюме. Он назвал себя: "Майор КГБ Фесуненко!" - и протянул разрешение прокурора г. Киева на проведение беседы со мной: "Все законно, Георгий Петрович! Даже нам, органам КГБ, приходится просить у прокурора разрешения на беседы с арестованными. Видите, какая строгая законность в нашей стране?!" Он сидел, откинувшись на спинку стула, и улыбаясь, уверял меня, что все законно, хотя я молчал и ни о чем не спрашивал. "Я предвидел ваш вопрос о законности, повторил Фесуненко. - Мне разрешили беседовать с вами!" Затем майор стал рассказывать, что он знаком со многими баптистами Украины, и стал перечислять фамилии. Некоторые из них были знакомы мне. Он сказал, что беседы происходят не только в тюрьмах, но и в домах верующих и на местах их работы... Он самодовольно улыбался и говорил, что КГБ все знает о внутрицерковной жизни, знает взгляды каждого верующего, наблюдает и контролирует жизнь каждого.

"Мы вас всех охраняем от западных разведывательных центров!" - заявил Фесуненко.

Я внимательно слушал его, а на душе была глубокая скорбь.

В каком тяжелом положении находятся христиане в моей стране, если КГБ, т.е. органы политической полиции, считают своим законным правом лезть в душу верующих, допрашивать их на местах работы, в квартирах, контролировать их личную жизнь, веру и служение Богу. Все это делается под мнимым предлогом охраны их от Запада. КГБ называет подобные встречи, как и сегодня, беседами. Но разве это беседы? Это самые настоящие допросы по вопросам веры и духовного служения. Да, секретная полиция, КГБ, ведет широкую и открытую борьбу с религией. "Среди вас, баптистов, есть разумные люди, хорошо понимающие сегодняшнюю ситуацию в стране. Не бойтесь нас!

Не бойтесь органов КГБ! Давайте вместе работать. Мы готовы помочь вам. Георгий Петрович. Вы должны повлиять на Совет Церквей ЕХБ, на изменение его курса".

Затем майор коснулся моего семейного вопроса. Моя дочь Наташа в 1973 г. была изгнана из Медицинского техникума с последнего курса, хотя отлично занималась и была одной из лучших студенток. Ей как-то удалось поступить на работу в детский туберкулезный санаторий медицинской сестрой-массажисткой, но оттуда ее через полгода уволили по указанию КГБ. Главврач ей сказал: "Выбирай: или Бог, или медицина!" И вот сейчас майор Фесуненко предлагает мне:

- Я недавно узнал, что Наташу уволили с работы. Хотите, я сегодня же свяжусь с начальством санатория и ее восстановят на работе?!

Я спросил:

- А при чем здесь КГБ? Разве вопрос приема на работу входит в ваши функции?!

Майор КГБ предложил:

- Вы только поручите мне этот вопрос, и я лично поеду в этот санаторий и Наташу немедленно восстановят!

Это был трудный момент: как отец, я переживал за судьбу моей дочери, желал ей блага, но не мог принять этот подарок из рук политической секретной полиции. За это от меня потребуют соответствующую плату, т.е. измену Богу и гонимому братству Евангельских христиан-баптистов. Я не стал просить КГБ о помощи.

Майор много клеветал на наших братьев, но я молчал, стараясь не быть участником этих разговоров. Иногда я не выдерживал, когда он касался конкретно хорошо известных мне служителей братства на Украине, и возражал... А затем потребовал: "Прекратите клеветать на моих братьев! Я не хочу вас слушать!" В дальнейшем я стал вообще отказываться от участия в этих, так называемых, собеседованиях. Но майор КГБ Фесуненко опять показывал мне документ, подписанный прокурором г. Киева, что ему разрешено проводить со мной беседы. Он говорил: "Это вам только на пользу. Это не следствие, это собеседование, и вы должны понимать, что эти собеседования вам лично нужны!" Майор явно намекал, что следствие еще не ведется, и вопрос, что со мной делать, все еще решается, и что от этих бесед зависит мое будущее, моя свобода.

Беседа длилась четыре часа. Затем майор вызвал конвой, и когда конвоир стал уводить меня, Фесуненко сказал: "Хорошо подумайте обо всем, что я сказал. Если я вам буду нужен, вызовите меня через администрацию следственного изолятора".

КГБ очень хотел завязать со мной незаконные контакты, но с явным желанием, чтобы инициатива исходила от меня.

Я решил отказаться от очередного вызова на беседу с КГБ.

Когда конвой открыл дверь камеры и вызвал меня, я решительно заявил: "Я не желаю встречаться с майором КГБ! Церковь и религия не имеют никакого отношения к КГБ!" Тогда администрация тюрьмы вызвала спецконвой, т.е. специальную группу охраны по ликвидации беспорядков в тюрьме. Явились четверо рослых сильных охранников, и мне пригрозили смиренной рубашкой. Мне сказали: "Мы все равно доставим вас в кабинет для беседы!" Затем они схватили меня, вывели из камеры и около получаса держали в специальном боксе, т.е. тесном металлическом ящике, настоящем гробу, поставленном вертикально. Бокс был без всякой вентиляции, но заполнен густым удушливым дымом, похожим на табачный: дышать было нечем... Я был в полуобморочном состоянии, когда меня вывели из этого бокса. Вначале я мог передвигаться только держась руками за стены.

На третьей "беседе" кроме Фесуненко присутствовал и генерал КГБ. высокий худощавый мужчина лет пятидесяти. Одет он был в новенький серый костюм, большие белоснежные манжеты рубашки с запонками красиво облегли его тонкие руки.

И белизна этой рубашки разительно не вязалась с мрачной тюремной обстановкой! Казалось, своим внешним лощеным видом генерал хотел внушить мне, заключенному: "Зачем тебе тюрьма? Видишь, как хорошо на свободе?!" Был уже май 1974 года. Велась гигантская работа со стороны органов КГБ, чтобы низложить Церковь Божью изнутри, сломить ее служителей через тюрьмы и лагеря или подкупить временными льготами, и склонить к компромиссу с атеизмом многих верующих... Генерал мне прямо сказал: "Георгий Петрович, может быть, хватит для одной семьи страданий? Вы лишились в детстве отца, сами отбыли заключение на Урале.

После этого почти четыре года скитаний на нелегальном положении. И мама ваша только что вернулась из лагеря. А теперь на вас заведено новое дело. Может быть, все-таки достаточно для одной семьи?! Вы много уже послужили вашему Богу, и для чего вам и вашей семье брать на себя больше других? Пусть теперь другие потрудятся для Бога. Вы уже сделали свое!" А Фесуненко со своей стороны, перегнувшись через стол, проникновенно добавил: "Георгий Петрович! Вы уже заработали Царство Божие для себя! Пусть другие верующие теперь также поработают, как вы! Вам теперь нужно спокойно пожить.

Давайте договоримся!" Из этих высказываний я понял, что генерал очень недоволен Советом Церквей ЕХБ, его составом и направлением служения.

И для этого у него была веская причина: на протяжении ряда лет КГБ пытался проникнуть в Совет Церквей ЕХБ, иметь в нем своих людей из числа нестойких служителей, склонных к компромиссу с атеизмом. Но все попытки терпели провал, хотя мы и лишились нескольких служителей, которых Совет Церквей вынужден был вывести из своего состава. Такую принципиальную позицию Совета Церквей ЕХБ к чистоте своих рядов КГБ воспринял, как посягательство на свои права. Генерал КГБ задал вопрос:

- Почему Совет Церквей вывел из своего состава пресвитера Н.?

- А почему это вас интересует?! Это дело самих верующих, но не органов КГБ! - ответил я.

- По какому принципу вы выбираете служителей в Совет Церквей ЕХБ? - снова спросил генерал.

- По принципу верности Богу! - ответил я.

А в это время в камере № 68 органы КГБ готовили большую провокацию. Это произошло однажды днем, когда мы все четверо были в камере. Михаил и Василий сидели на нижней койке и играли в шахматы. Они были увлечены игрой и почти не обращали внимания на все остальное. Я, задумавшись, стоял у окна. Валентин был в противоположном углу камеры. Обычно в камере он ходил в брюках и в майке, но сейчас он почему-то надел свой серый пиджак. Когда я посмотрел в его сторону, он, многозначительно посмотрев на меня, приложил палец к губам. Затем Валентин подошел ко мне и, стоя спиной к играющим, вынул из кармана пиджака несколько листов бумаги, на которых было что-то отпечатано типографским способом. Он протянул мне листы, и опять предостерегающе приложив палец к губам, вернулся к двери, как бы наблюдая за игрой в шахматы.

Развернув листы, я увидел, что на каждом из них в правом верхнем углу было написано: "Секретно! Только для служебного пользования!" Затем шли какие-то цифры и описательная характеристика человека, его внешний вид: цвет глаз, форма бровей, форма носа, губ, лица, рост, цвет волос, особенности речи и т.п. После каждой характеристики - цифры.

На других листах была характеристика различных видов преступлений. Например, вскрытие сейфов: каким образом сейф вскрывается, при помощи ключей или при помощи сверла, или автогеном, т.е. всевозможные способы. Были также и другие данные о преступнике: где совершал преступление, в каких областях СССР. И все это зашифровано цифрами, если преступление совершено в Донецкой области - один номер, если в Киеве - другой номер и т.д.

Я сразу же понял, что это специальная шифр-карта для закладывания в компьютер данных по всесоюзному учету уголовных преступников-рецидивистов самых разнообразных категорий. И то, что там было написано: "Секретно!", меня очень насторожило. Я держал эти бумаги в руках всего несколько минут и понял, что их нужно немедленно отдать Валентину.

Это провокация! Такой секретный документ никак не мог попасть в камеру тюрьмы без ведома охраны и КГБ. Скорее, как можно скорее мне нужно избавиться от него, иначе будет большая беда! Выбрав момент, когда Михаил и Василий были увлечены игрой и наклонились над шахматной доской, я приложил палец к губам, посмотрел на Валентина и поманил его к себе. Он подошел и стал спиной к играющим, чтобы они ничего не заметили. А я, неожиданно для Валентина, буквально всунул эти бумаги в его руки. Он очень удивился, но взял их и положил во внутренний карман пиджака. Когда нас через час вывели на прогулку, он спросил:

- Почему вы отдали эти бумаги, не читая? Разве они вам не интересны?

Я ответил:

- Для меня в них ничего удивительно нет. Это материал для компьютера, специально предназначенный для учета преступников.

В тот раз я больше ничего ему не сказал. Я даже не показал вида, что удивлен наличием у него секретных бумаг. Он еще несколько суток держал эти бумаги при себе, в кармане пиджака. Я спал тогда на верхней кровати. Он тоже спал на верхней кровати, напротив меня. И когда Валентин замечал, что Михаил и Василий уже спят на нижних койках, он вынимал эти секретные бумаги и начинал их просматривать. Иногда я замечал, что он косился на меня, желая заинтриговать, чтобы я все-таки взял бумаги и получше их рассмотрел, но я не проявлял интереса. Иногда он делал мне знак рукой:

"Может, посмотришь?" Но я понимал, что если я возьму в руки эти документы, то сейчас же откроется дверь и ворвется охрана, сделает обыск, и у меня найдут эти секретные документы. Валентин и двое других заключенных подтвердят, что документы нашли у меня, что я их пронес в камеру тюрьмы. А КГБ оформит все документально, и судить меня будут уже не за религиозную деятельность, но за хищение секретных государственно-важных бумаг. За это могут дать статью особых государственных преступлений и любое наказание, вплоть до расстрела.

Через несколько дней Валентин эти бумаги порвал, но сделал это так, чтобы только я один видел. Он их выбросил.

Хотя провокация с секретными бумагами не удалась, Валентин продолжал находиться в нашей камере. Я не напоминал ему об этих бумагах, но мне было ясно, что он работает на КГБ. Вот только кто он?! Завербованный ли он заключенный или штатный сотрудник КГБ? Для меня это пока еще было не ясно. Валентина часто вызывали и уводили из камеры, по его словам, на допросы... Если его вызывали до обеда, то приходя с допроса, он ничего не ел. Это могло быть или от сильного переживания или потому что его подкармливали лучшей пищей, чем тюремная. Бывало и так, что наших двух сокамерников куда-то увозили из киевской тюрьмы на несколько дней, и мы с Валентином оставались вдвоем в камере. И он меня спрашивал, бывал ли я в Казахстане, перечислял некоторые города. Несколько позднее мой второй следователь по фамилии Бех тоже интересовался, бывал ли я в Казахстане и где именно, и есть ли там баптисты-казахи.

Но главное, что интересовало КГБ - откуда и куда я ехал, и почему очутился в Новосибирске. При аресте у меня было отобрано одно стихотворение, оно было написано начинающим поэтом, верующим. Это было стихотворение о Николае Хмаре.

Я обрабатывал это стихотворение, и моей рукой оно было переписано. Органы КГБ решили, что это мое стихотворение. В нем описывалось, как поезд проходит мимо Кулунды. Это маленькая, заброшенная в степи станция. Здесь была дописана последняя страница жизни Николая Хмары. Он был подвергнут пыткам за веру в Бога в тюрьме г. Славгорода и умер в Барнаульской тюрьме. Николай Хмара, отец четверых детей, уверовал в Бога в 1963 году и через шесть месяцев после этого был арестован и осужден на три года лагерей. Когда он находился в тюрьме сразу же после суда, тюремное начальство пыталось его "перевоспитать" зверскими методами. Но Николай Хмара остался верным Богу до конца, до мученической смерти. Обо всем этом было написано в стихотворении. КГБ интересовал вопрос, был ли я в Кулунде, знаком ли я с семьей Хмары. Работники КГБ хотели также проследить мой маршрут: куда я вез типографскую краску, микрат Библий и Евангелия на казахском языке. Они хотели найти место нашей типографии.

Наконец, от Валентина, видимо, стали требовать, чтобы он на меня воздействовал более активно, не давал мне покоя, потому что я в камере открыто молился, беседовал о Боге и Даже писал стихи. Валентин видел, что я что-то пишу. А я писал стихотворения, обрабатывал их, потом листки рвал. Но в моей памяти сердца написанные стихи фиксировались. По-видимому, органы КГБ решили создать мне тяжелую обстановку в камере. Валентин стал грубо насмехаться надо мной, над верующими, над Библией: "Баптисты - враги народа! Библия книга сказок! Христос - миф!" - при этом он употреблял грубые, циничные слова в адрес Бога, Христа, веры. Его останавливали Василий и Михаил, но Валентин продолжал свои глумления и насмешки. Потом он стал рассказывать грязные, неприличные анекдоты. Видя, что мне это не нравится, Валентин совсем обнаглел. Я несколько раз пытался его остановить:

- Для чего вы это рассказываете? Как вам не стыдно?!

- А что, здесь монастырь? - спрашивал он с насмешкой.

- Здесь не монастырь, но кому нужна такая грязь?

- Что хочу, то и говорю! Это мое право! Тюрьма не место для святых!

И тогда за меня заступился Михаил. Он сказал:

- Георгию Петровичу не нравятся твои басни. Он верующий, и он не может уйти отсюда, но у нас есть другие темы, можно говорить о другом!

Валентин возражал:

- Никакой он не верующий! Он только притворяется, что верит. Кто в наше время серьезно верит в Бога?! А он еще и инженер. Я еще не встречал в своей жизни такого, чтобы инженер верил в Бога. Не верьте ему! И Валентин с какой-то зловредной радостью рассказывал о своих и чужих

грязных любовных похождениях. Он это делал, чтобы вывести меня из равновесия. Вызовы Валентина, якобы на допросы, участились. Возвращаясь в камеру, он стал задавать мне все новые вопросы:

много ли я ездил по стране, были ли у меня контакты с политическими диссидентами и каково мое отношение к ним, имеются ли у нас, баптистов, контакты с зарубежными религиозными центрами и др. Я молчал.

Так прошел весь апрель, май, начало июня. Я очень тяготился присутствием в камере провокатора. Один раз я рассказал Михаилу и Василию о 30-х - 40-х годах, о массовых арестах верующих, о том, что жизнь многих христиан окончилась в тюрьмах и лагерях. Валентин на это очень нервно реагировал. Двое других проникались сочувствием к христианам, которые так мужественно отстаивали и продолжают защищать свое право верить в Бога. Михаил восхищался и говорил: "Хотя я и атеист, но я знаю, что верующие - настоящие люди!"

Сколько их прошло через тюрьмы и лагеря, и они до сих пор остаются верны своей идее. Это уникальное явление в истории нашего общества!" Валентина это страшно выводило из себя.

Он бегал по камере, стучал в дверь, взбирался по решетке на окно, как обезьяна, хватался за решетку и кричал, буквально беснуясь: "Бога нет! Библия - обман! А Винс, разве он верующий? Он неверующий! Разве может инженер быть верующим?!" - многократно повторял он.

"Кто такой Валентин? - все чаще спрашивал я себя. - Это не заключенный. Он - провокатор! Пребывание в нашей камере - это его работа, его служба... Да, он не обычный заключенный, а штатный сотрудник органов КГБ, я не сразу это понял. А обвинять кого-либо, кто находится с тобой в одной камере, в том, что он сотрудничает с органами, очень опасно.

Надо действовать наверняка, быть полностью уверенным в этом.

Но обвинять, что он даже не заключенный, а штатный работник КГБ, выдающий себя за заключенного, - особенно опасно. Здесь ошибки быть не должно. Если человек невиновен, а ты обвиняешь его, то по внутритюремным арестантским законам он имеет право избить тебя и даже убить за ложное обвинение".

Поэтому этот вопрос для меня был очень сложным. Я много молился... История с документами, которые Валентин пронес в камеру тюрьмы и пытался потихоньку, скрытно от других, вручить мне, была первым сигналом, что этот человек очень опасен. Постоянные распросы о маршрутах моих поездок по стране, попытка в разговорах оправдать органы КГБ в массовых репрессиях верующих, циничное глумление над христианской верой - все это говорило о многом.

Я много молился и ожидал окончательного и ясного ответа от Господа, кто же этот человек? Я стал поститься и усиленно взывать об этом к Богу. Валентин удивлялся: "Почему вы не кушаете?" Я усиленно молился, преклонив колени у кровати. Другие заключенные не мешали мне. Так прошло несколько дней.

Ночью с пятницы на субботу я вижу сон. Наша камера, и мы в ней четверо. Только почему-то я лежу на нижней койке и Валентин на нижней, напротив меня, а Михаил и Василий - на верхних. Хотя в действительности все было наоборот. И вот я вижу: тускло горит электрическая лампочка. Валентин лежит на нижней койке и спит в одежде, и на нем милицейские брюки с красными лампасами, но пиджак гражданский.

И во сне я услышал как бы голос, говорящий мне: "Это КГБист!" Когда я проснулся, то понял, что это ответ Господа на мою молитву. Господь сегодня что-то важное раскроет.

Утром, как обычно, нам принесли на завтрак немного жидкой пшенной каши. Я позавтракал вместе со всеми. Разговор был нормальный, спокойный. С Валентином я о чем-то немного поговорил, как и со всеми. Потом был обед, и после него нас повели на прогулку. И вот на прогулке, в прогулочном дворике, Михаил стал опять интересоваться арестованными верующими. Я рассказал, как в маленьком сибирском городе Омске за период с 1936 по 1940 год было арестовано свыше 50 проповедников Евангелия. А сам город в то время насчитывал не более 300 тысяч жителей. В 1944-1945 гг.

четверо верующих, в том числе одна сестра, вернулись домой, а все остальные умерли в лагерях. Михаил сказал:

- Я слышал о многих невинных писателях, музыкантах, артистах, врачах, инженерах, арестованных и умерших в лагерях. И вот теперь вы рассказали, что так много верующих было замучено!

Тут же я добавил:

- Да. и мой отец был замучен в 1943 году. Он умер в лагере, в районе Магадана, а через 20 лет был посмертно реабилитирован. А теперь по тем же религиозным мотивам и я нахожусь здесь, в этой тюрьме. Да и мама моя по тем же мотивам отбывала в тюрьмах и лагерях 3 года. Родной брат моей мамы, верующий, был арестован в 1938 году и умер в тюрьме, а его жена 17 лет провела в Магадане за веру в Бога. Ее родная сестра с мужем тоже были в заключении 5 лет. И отец их был арестован и осужден на 5 лет.

Михаил схватился за голову:

- Это же сплошной ужас, что вы, верующие, перенесли!

Этот разговор происходил в прогулочном дворике. Мы с Михаилом говорили спокойно и негромко. Василий молча слушал. Но Валентин вдруг громко закричал:

- Хватит об этом говорить! Что вы все об одном и том же говорите?! В настоящее время этого нет! Сейчас органы КГБ не занимаются верующими. Они занимаются только вопросами государственной безопасности. Подумаешь, столько раз вы намекали, что КГБ занимается лично вами, баптистами. Кому вы нужны, чтобы КГБ занимался какими-то религиозниками!

Здесь уже чувствовалось, что говорит не заключенный, а официальный представитель органов КГБ: это было видно по характеру и тону высказываний. "Заключенный" Валентин вдруг стал защищать эти органы. Здесь я почувствовал, что должен прямо все сказать Валентину.

- Валентин, я полагаю, довольно нам находиться в неопределенном положении. Необходимо выяснить наши взаимоотношения до конца! Скажите, кто же вы такой?! Нужно, чтобы это было ясно не только мне, но и всем остальным в камере! - говорю я.

И тут Валентин как закричит:

- Вы сектанты, баптисты! Вы клевете на советское государство! Вы не религией занимаетесь, вы занимаетесь политикой! Вы власть обвиняете, что она замучила тысячи ваших верующих?! Это все ложь, клевета!

Тут я остановил его:

- Довольно. Валентин, нужно внести ясность! Вы не тот, за кого себя выдаете!

- А кто я такой?! - Валентин резко повернулся ко мне.

Мы стояли друг против друга, а рядом стояли Михаил и Василий. Они внимательно слушали. Тогда я говорю ему:

- Вы не заключенный, вы - провокатор! Вы - работник КГБ!

Валентин побледнел и спросил:

- У вас есть данные?!

Стараясь быть как можно спокойнее, я сказал:

- Вы помните, как на четвертый день вашего пребывания в нашей камере вы пытались мне вручить секретный документ, шифр-карту по всесоюзному учету преступников?!

Если бы Валентин возразил на это: "Что ты выдумываешь? Никогда ничего подобного не было, ты сочиняешь!", то, конечно, наши сокамерники не поняли бы, о чем идет речь.

Но Валентин стал оправдываться:

- Подумаешь, секретные документы? Да я их украл, когда был в районной милиции в Обухове. Я там украл 10 листов этих документов и раздал их другим заключенным в Обуховской тюрьме. Даже и сюда, в Киев, привез и раздал ребятам в других камерах. Михаил и Василий удивленно смотрели на нас:

о чем речь?! Тут я им все объяснил:

- Как вы слышите, Валентин признает, что принес в тюрьму секретные документы государственной важности. И он эти документы пытался вручить мне! Но вы оба этого не видели, вы играли в шахматы в тот момент.

И я рассказал им, как Валентин делал мне знаки, чтобы я молчал и тут же объяснил, для чего он это делал.

- Вы хотели, - обратился я к Валентину. - чтобы в тот момент ворвались работники тюрьмы и у меня в руках увидели секретные документы?! Тогда бы меня осудили не как христианина, а как шпиона, укравшего у государства секретные документы!

Валентин сразу же сник и замолчал. А когда нас привели в камеру после прогулки, он лег на койку, отвернулся к стене и молча пролежал до конца дня. В субботу и в воскресенье начальство тюрьмы и КГБ отдыхает, и Валентина никто не вызывал. И то, что он лежал, отвернувшись к стене, еще раз подтвердило, что провокация КГБ полностью провалилась.

На следующий день, в воскресенье, Валентин не пошел на прогулку. Мы пошли втроем. Предполагаю, что через администрацию тюрьмы он сообщил КГБ о своем провале. Во время прогулки Михаил и Валентин говорили:

- Мы тоже подозревали, что он работал против нас троих. Но то, как вы прямо обвинили его, что он работник КГБ, это удивительно! Неужели это действительно так?!

Я ответил:

- Думаю, что я не ошибся!

Тогда Василий говорит мне - У меня есть два факта, чтобы подозревать Валентина. Михаилу я уже говорил об этом. Помните, вы подарили мне брюки?

Я действительно месяц тому назад подарил брюки Василию.

У него был очень хороший костюм, в котором его арестовали.

Летом было жарко, а у него не было перемены брюк. У меня же была пижама, и я носил ее в камере. А на вызовы я надевал костюм. Потом, в очередной передаче, моя жена передала мне хлопчатобумажные простые брюки серого цвета. Мне они не были нужны, и я сказал Василию: "Жалко мне, что ты треплешь свой костюм в камере. Возьми эти брюки!" Дело в том, что жена Василия с двумя детьми жила во Львове, далеко от Киева. Она не могла приехать в Киев сразу после ареста.

Об этих брюках знали только Валентин, Михаил и я. И вот теперь Василий рассказывает:

- На допросе мой следователь сказал мне однажды: "Там в вашей камере сидит баптист, агитатор, будьте с ним осторожны. Он будет стараться завербовать вас в свою веру.

Вот он вам и брюки подарил. Это он хочет приласкать вас подкупить".

Василий удивился:

- Откуда об этом мог знать мой следователь? Значит кто-то сказал. Но кто мог сказать? Когда я сказал об этом Михаилу, он удивился. Вы не могли сказать... Значит, об этом говорил Валентин, и он имеет какие-то контакты с моим следователем!

Потом другой момент: Василия во время одного вызова на допрос возили из тюрьмы в другой район Киева. И вот Василий в этапной камере встретился с одним человеком.

Они разговорились. Тот спросил, в какой камере сидит Василий и кто с ним. Василий ответил, что в камере № 68, и что с ним сидят: баптист, агроном и шофер Валентин. Тогда тот человек сказал, что несколько месяцев тому назад он был в одной камере с Валентином. И добавил:

- И вот в той камере наговорил много лишнего, и теперь все это знает мой следователь. Теперь он уже целый месяц терзает меня, требуя признания в том, о чем я говорил в камере Валентину. Будьте с ним осторожны!

Я спросил:

- А вы помните, Михаил, что и вашим делом Валентин очень интересовался?

- Да, я замечал, что следователю много известно о том, что мы говорим в камере.

Затем я подытожил наш разговор:

- Мне кажется, что в отношении вас обоих для Валентина это дополнительная работа, а, в основном, он работает против меня. Работники КГБ готовили провокацию против меня с теми секретными документами, а также оказывали на меня давление через Валентина, создавая тяжелую обстановку в камере. Ведь у меня фактически эти два месяца еще и не было следствия. Мной занимаются только органы КГБ. Они делают это и в кабинете следователя через Фесуненко, и в нашей камере через Валентина. Вот увидите, в понедельник, наверное, уберут или меня, или Валентина!

Так и получилось. Рано утром в понедельник Валентина вызвали якобы к следователю. Мы остались втроем в камере.

Через час Валентин приходит и начинает собирать свои вещи. "Меня сейчас повезут в другой город на очную ставку..." Мы переглянулись. Все было ясно. Власти убирают своего работника после его провала в нашей камере. Но у меня было намерение до конца разоблачить провокатора, и, подойдя к окну, я стал лицом к камере и, заложив руки за спину, сказал: "Валентин, вас сейчас увезут, но я должен сказать следующее: я по-прежнему утверждаю, что вы - работник КГБ и находитесь в нашей камере под видом заключенного. Это незаконный, запрещенный советскими законами метод проведения следствий. И те люди, которые применяют эти провокационные методы, должны привлекаться к ответственности. Не в моей натуре делать что-либо скрытно, из-за угла. Я стараюсь всегда действовать прямо и открыто. И поэтому я хочу сказать вам, что этот вопрос я так не оставляю. Я потребую у высших правительственных органов создания комиссии по расследованию того факта, что со мной в одной камере два месяца находился сотрудник КГБ под видом заключенного. Я намерен также поднять этот вопрос на суде!" Тут Валентин бросил свои вещи, которые он собирал, подскочил ко мне, стал размахивать руками и кричать:

- Если ты (до этого он всегда обращался ко мне на "вы") посмеешь где-то сказать об этом, то учти, я тебе глотку перегрызу и глаз выну, даже в присутствии охраны!

- Вы можете это сделать и сейчас, - сказал я спокойно, стоя с руками за спиной.

Валентин стал громко кричать:

- Я тебя убью! Я тебя задушу!

Тут подбежали Михаил и Василий и встали рядом со мной.

- Валентин, успокойся!

Валентин буквально бесновался; со злобным лицом он подпрыгивал передо мной, размахивал руками. А через гладок в двери камеры за всем этим наблюдали охранники. Они стояли в коридоре, перед дверью, и ждали, что между нами произойдет драка, чтобы ворваться в камеру и потом свести весь конфликт к обычной драке между заключенными. И, хотя руки Валентина чуть ли не касались моего лица, я продолжал держать свои за спиной. Он пронзительно кричал, брызгая слюной.

Я спокойно прошел мимо него и сел на нижнюю койку. Мысленно я призывал Господа, чтобы Он укрепил меня. Я старался не оскорблять этого человека, но спокойно и определенно опять сказал:

- Валентин, я все равно намерен ставить этот вопрос перед судом. Я это должен сделать!

Он замолчал. А через несколько минут Валентин, уже совершенно другим тоном, сказал:

- Георгий Петрович, ведь вы христианин. Вы же должны прощать своим врагам. Вы же знаете, что меня за это будут бить!

Этим он окончательно показал, что он провалил крупную операцию КГБ не только против меня, но и против Совета Церквей ЕХБ. Я знал, что никто его бить не будет, что он пытается воздействовать на мои христианские чувства.

Я говорю:

- Да, Валентин, Евангелие говорит, чтобы мы прощали врагам. Но есть один грех - это грех Иуды, грех предательства.

А о таких людях в Библии не сказано даже, чтобы о них молиться. Вы находитесь здесь под видом заключенного и в то же время предаете не только меня, но и работаете против них - я указал на Михаила и Василия. - И теперь вы говорите, что вас будут бить? Никто вас и пальцем не тронет, вы не заключенный. Но теперь вы сами сознались, что вы сотрудник КГБ.

Я понимал, сколько невинных душ, и не только христиан, погублено было при помощи провокационных, запрещенных законом методов, и что нужна широкая огласка этого факта. Должен быть положен конец провокационной деятельности КГБ против христиан! В это время открылась дверь и вбежали охранники, Они слышали повышенные голоса и думали, что уже происходит драка. Но они увидели, что я сижу спокойно, а Валентин стоит в стороне от меня. Они посмотрели на него и сказали: "С вещами!" Он взял свои вещи, подал руку Михаилу и Василию, потом подошел ко мне и мне тоже подал руку. Я сказал ему: "Предателю я не могу подать руки. Я не хочу быть соучастником ваших беззаконий!" И он вышел. Мы остались вдвоем.

А Михаил все качал головой и говорил:

- Смотрите, что происходит! Я ведь только читал в детективных романах о таком. И теперь в нашей камере подобный случай. Никогда не подозревал, что органы КГБ применяют такие методы. Что же теперь будет с нами?

- Теперь нашу камеру разгонят. Нас вместе не оставят.

А Валентин получит отпуск, отдохнет на море пару месяцев, а затем опять будет строить новые провокации в какой-нибудь камере Киевской тюрьмы или в другом городе, - высказал я свое предположение.

И действительно, через два часа меня вызвали с вещами и перевели на второй этаж, в подобную же спецкамеру No 37.

Может быть, власти хотели подчеркнуть, что я слишком часто вспоминаю 37 год, год особо жестоких репрессий против верующих...

Камера No 37 - такая же маленькая спецкамера на 4 заключенных, как и No 68. До моего прихода в ней содержались два человека. Один - еврей с русской фамилией Кольев, тридцативосьмилетний мужчина с постоянно согнутой спиной, инвалид.

Несколько лет тому назад во время работы он попал в авто161 дорожную аварию, в результате чего получил повреждение позвоночника. Он был на инвалидной пенсии и готовился выехать в Израиль. Он уже имел выездную визу и приготовился к отъезду. Его жена, врач, уволилась с работы. У них было двое детей. И вдруг арест: его прямо с постели положили на носилки и увезли в тюрьму. Его обвинили в даче взятки.

Кольев был человеком общительным, разговорчивым, с черной шапкой курчавых волос на голове. "Представляете, только месяц оставался до выезда?!" - жаловался он. В тюрьме сначала он не мог даже передвигаться. "Понимаете, тюрьма вылечила меня, поспал на железе шесть месяцев и поправился", - говорил он, шутя. При мне Кольев уже передвигался самостоятельно. Он постоянно, даже летом, носил безрукавку на заячьем меху. Кольев был оптимистом: "Все равно уеду в Израиль, даже если и срок дадут!" Второй сокамерник был украинец, лет тридцати пяти, атлетического телосложения, но имени Николай. Он много занимался спортом, тяжелой атлетикой. По специальности он техник-строитель. Николай арестован был за кражу из прокатного ателье телевизоров. Он находился в тюрьме уже полгода:

очень запутанное уголовное дело. Несколько раз назначался суд, но до конца не был проведен и откладывался на новое рассмотрение. Николай тоже был веселым и неунывающим человеком. Я подружился с ними обоими, рассказал о себе. Мы много говорили о Боге. Потом они спросили меня, в какой камере я сидел, с кем сидел и почему переведен. Я сказал, что был скандал и подробно рассказал о Валентине, не называя пока его имени. Сказал просто, что там был провокатор. Тогда Николай спросил:

- А какой он из себя?

Я описал внешность провокатора:

- Он немного ниже среднего роста, на правом плече наколка: сатана с рогами сидит на месяце и играет на гитаре.

- Шофер? - спросил Николай.

162 - Да, шофер, - подтвердил я.

- Год тому назад я сидел с ним вместе. И он вам говорил, что вез краденое железо? - воскликнул Николай.

- Да, по его словам, вез железо.

- Да это же Валентин! - Николай от волнения вскочил с кровати и стал бегать по камере.

Так я узнал, что Валентин не только в моей камере предавал заключенных...

- Он и нам показался подозрительным, и при нем мы старались больше молчать. - пояснил Николай.

В камере М2 37 я как бы отдыхал от перенесенных волнений и провокаций, Здесь я написал несколько стихотворений. Одно из них, под названием "Вера", я посвятил Геннадию Константиновичу Крючкову.

ВЕРА
Через шторм проводит корабли,
Караваны движет по пустыне,
Увлекает пленников земли
К отдаленным звездам в небе синем.
Без нее нет дружбы, нет любви,
Без нее вся жизнь в тумане сером,
Но ее ты все-таки зови
Просто человеческою верой!
Лишь когда божественным лучом
Твою ДУШУ небо посетило.
Вера вспыхнет радостным огнем,
Как любви гигантское светило.
163 Зазвучит набатом в тишине,
Под напором бури не согнетсся:
Ведь она в моей родной стране
Верою евангельской зовется!
Эта вера горы низведет,
Повергая в грозную пучину,
И на небо с радостью взойдет
В торжество возлюбленного Сына.
Тьма неверья в панике бежит,
Бог ломает намеренья гордых...
И горит, бессмертием горит
Вера, воскрешающая мертвых!
Второе стихотворение я написал своим детям.

Оба стихотворения были переданы моей семье из Киевской тюрьмы уже после суда, в начале 1975 года.

Дети, дети мои! Снова годы разлуки.
Через стены тюрьмы вижу ваши глаза.
Ваши милые лица и нежные руки,
И дрожит на реснице слеза...
Чем утешу я вас в час коротких свиданий?
Расскажу ль, как и я в шесть мальчишеских лет
Расставался с отцом, подавляя рыданья,
А потом лишь годами смотрел на портрет...
И еще расскажу, что среди испытаний
Полюбил я всем сердцем обширный наш край:
Разноцветную гамму полярных сияний
И родной Украины задумчивый гай.
И особо скажу, как люблю Иисуса,
Свою веру в Него больше жизни храня!
В казематах тюрьмы вдохновенно молюсь я,
Вторят мне небеса, ожидая меня!
Дети, дети мои! Вам завет оставляю:
Вера, правда, любовь - в этом смысл бытия!
Жизнь пройти со Христом всей душою желаю,
А затем небеса, голубые края!

20 июня 1974 года, после долгого перерыва, меня вызвали к следователю. И когда конвой завел меня в кабинет, то там сидел не следователь прокуратуры, а опять же майор КГБ Фесуненко. Это была моя четвертая и последняя встреча с майором. Две недели тому назад я пережил острый конфликт с провокатором Валентином, сотрудником КГБ. и вот снова встреча с КГБ... Майор был приветлив, даже ласков. Он был в темно-синем костюме, а голубой галстук, белоснежный воротничок рубахи и манжеты придавали ему праздничный, веселый вид. Круглое, полное лицо и гладко зачесанные волосы излучали радушие и полное довольство жизнью. Он даже привстал из-за стола, когда конвой ввел меня в кабинет. Жестом руки он предложил мне сесть.

- Как ваше здоровье? Как настроение? - были первые слова, обращенные ко мне. - Мы понимаем, что вам трудно: тюрьма, тесная камера, грубые люди... Вы - секретарь Совета Церквей ЕХБ, вам бы сидеть за большим столом в хорошем кабинете с хорошо подобранной христианской библиотекой и в удобном кресле работать, работать... А вы здесь, в тюрьме, и даже в этом кабинете сидите на грубом стуле, прибитом, к тому же, гвоздями к полу. Мы готовы вам помочь...

Я остановил поток его сладкой речи:

- Гражданин майор, к чему все эти слова?! Здесь, в кабинете, вы говорите одно, а в камере со мной держите провокатора?! Как это сопоставить?

Фесуненко делает вид, что не понимает меня. Он спрашивает угодливым голосом - Что вы имеете в виду?

- Вы хорошо знаете, о чем речь. Два месяца вы держали в одной камере со мной своего сотрудника, Валентина Зборовского, своего агента.

- Этого не может быть! Какого агента?! Что за Валентин?

О чем вы говорите? - пытается возмутиться майор Фесуненко.

Я ответил:

- Ваш работник КГБ содержался в одной со мной камере под видом заключенного. Это более, чем низко! Через него вы пытались организовать против меня провокацию с секретными документами, выяснить мои контакты с верующими в разных частях страны.

Фесуненко побагровел:

- Не смейте так говорить! Вы порочите светлое знамя чекистов! Оно обильно полито кровью наших героев-мучеников.

Не смейте так говорить!

Я возразил:

- А чей же человек Валентин Зборовский? Что он провокатор, в этом нет сомнения. Его разоблачил не только я один, но и вся наша камера. Это ваш агент, и ваши действия незаконны. Это провокация и тюремный терроризм!

Фесуненко выскочил из-за стола:

- Сейчас мы все выясним. Посидите здесь!

Майор выбежал из кабинета, оставив даже на столе свой открытый портфель с какими-то бумагами. Минут двадцать он где-то бегал, потом прибежал запыхавшийся и проговорил:

- Неудачный сегодня день; никого в тюрьме нет, ни начальника тюрьмы, ни работников оперативного отдела, никого? Только дежурный офицер здесь, но он не в курсе. Но заверяю вас. что Валентин не наш работник.

166 Я спросил:

- А чей?

Майор ответил:

- Знаете, это все прокуратура, милиция... Они грубо работают. Это они могут подсаживать так называемых "наседок". Но органы КГБ так не работают! Мы работаем культурно и законно... Зачем нам эти провокаторы? Да и что от вас нового узнаешь? Разве мы не знаем, что вы не скажете, - и он выразительно посмотрел на меня, - где ваш Крючков находится? Зачем же нам держать в одной с

вами камере сотрудника КГБ? Это, возможно" работа милиции, они посадили к вам в камеру своего человека. Так что успокойтесь, органы КГБ совершенно к этому не причастны.

- Вы меня не старайтесь переубедить. Это ваша работа! - повторил я.

После этого Фесуненко вспылел:

- Не хотите по добру с нами беседовать, не нужно! Выбирайте между годом условного осуждения за то, что не работали на производстве, и пятью годами лагерей, плюс пять лет ссылки!

Взгляд майора стал суровым... Я отрицательно покачал головой. Фесуненко дважды сильно стукнул по столу.

- Вы еще не знаете, что такое Советская власть! Советская власть крепка! Она пятьдесят семь лет существует! Она раздавила всех врагов! Вы еще почувствуете на себе, что такое наша власть.

Майор так и не отнял кулака от стола. Он злобно смотрел на меня. Я же чувствовал себя необычайно спокойно. Страх не было, не было и волнения. И я тихо сказал, глядя в глаза майору:

- Вот и хорошо, что вы заговорили своим языком, методом кулака. Это ваш стиль, без притворства и без лести.

Майор Фесуненко медленно убрал свою руку со стола и, выпрямившись, опустил ее вниз. Наступила пауза. А я продолжал:

- Евангельско-баптистское братство существует в нашей стране с 1867 года. Сорок лет царская власть преследовала нас, но Евангельские христиане-баптисты в продолжение этого периода своего существования, в период гонений, имели свой независимый союз в России, своих миссионеров, свои журналы, свои церкви. Сегодня вы, начиная с 1929 года, идете более жестким путем агрессивной войны против Евангельских христиан-баптистов. Наше братство живет в условиях постоянных гонений и, я должен сказать, весьма успешно трудится... Вы, органы власти, не хотите идти по пути разумного урегулирования отношений между церковью и государством, и это не наша вина...

Фесуненко торопливо записывал в свой блокнот мои последние фразы. Затем я спросил:

- Какое отношение имеет КГБ к религии, к церкви? Ваши функции - охранять безопасность страны. Но верующие?

Но религия? Это ведь не ваши функции! Причем здесь КГБ?

Почему вы, органы КГБ, ведете борьбу против Библии, против верующих?

Майор помолчал немного, а затем медленно и авторитетно заявил:

- Выслушайте меня внимательно! Я, представитель Комитета Государственной Безопасности, официально заявляю вам, запомните это хорошо: мы никогда не позволим втягивать детей в религию. Не трогайте детей, не забивайте им головы каким-то несуществующим Богом! Дети наши, они принадлежат нашему атеистическому обществу. Перестаньте мечтать о евангелизации, о проповеди на площадях и на улицах. Довольно витать в облаках, опускайтесь на землю! Начинайте реально мыслить. Верьте себе в вашего Бога, молитесь сами, сколько хотите, но не пытайтесь оживить религию и укрепить ее позиции в нашей стране. Это на Западе, в Америке, много всяких миссий и организаций по пропаганде религии. У нас это не пойдет! Будьте разумны присмотритесь, прислушайтесь к вашим старшим братьям-баптистам из ВСЕХБ. Поучитесь у них мудрости. Перестраивайтесь! Я говорю это вам, как секретарю Совета Церквей ЕХБ. Подобное мы говорим и другим членам Совета Церквей, и есть среди вас те, кто уже прозрели... И еще два важных вопроса: вы должны закрыть ваш Совет родственников, сделайте это лучше сами, своими руками. Мы не потерпим в нашей стране этот, так называемый, баптистский Совет родственников узников! У нас нет узников, осужденных за веру, есть только осужденные за нарушение советских законов. Совет родственников занимается клеветой: у нас в стране нет гонений на религию и церковь. Ваша мать уже была за это наказана, отбыла 3 года заключения. Если будет продолжаться, снова пойдет в лагерь - передайте ей это, когда будете на свидании. И второе - Совет Церквей должен также ликвидировать свои тайные типографии. Это неслыханное дело: христианское издательство в атеистической стране! Вот минимум наших требований! А потом будем говорить о легализации Совета Церквей.

Затем Фесуненко встал из-за стола и улыбаясь, подошел ко мне. Я тоже встал. Он стоял, раскачиваясь передо мной, и продолжал улыбаться. Что происходит? Майор вдруг стал снова таким приветливым, добрым и ласковым... Он протянул мне руку:

- Георгий Петрович! Давайте забудем прошлое, забудем наш спор? Если нужно будет, вызовите меня в любой день для делового разговора... - Рука его тянется ко мне и повисает в воздухе. Я, пряча свою руку за спину, говорю:

- Я не могу пожалеть вашу руку! Я не верю вам.

Я хотел добавить: "На ваших КГБистских руках кровь наших братьев и сестер по вере, замученных невинно!" Но не сказал этого. Возможно, смысл этой невысказанной фразы отразился у меня на лице. Моя правая рука также ясно об этом говорила: она была решительно закинута за спину, а левая опущена вниз. Майор покраснел, шея его побагровела.

Я видел его гневное лицо и остекленевшие глаза. Это был страшный взгляд, разъяренный, как бы из преисподней. Я молча, с помощью Господней, с трудом выдержал его, не отвел глаз в сторону. Наконец майор злобно заговорил: "Больше вы не увидите нас! Запомните, хорошенько запомните этот ваш жест. Но вы всю жизнь будете ощущать наше присутствие!" Потом Фесуненко вызвал конвой, и меня отвели в камеру, Больше я майора не видел, не встречал я и генерала КГБ. Но многие годы я очень явственно ощущал на себе жесткую руку КГБ, даже в далекой Якутии, в лагере. И не только я, но и моя семья в Киеве. Прийдя в камеру, я склонил колени и воззвал к Богу, Я понял, что приговор мне уже вынесен органами КГБ, хотя это было 20 июня 1974 года, т.е. за семь месяцев до судебного процесса надо мной. Но я никогда не жалел о моем категорическом отказе от контактов с ними. И доныне я благодарен Господу, что Он сохранил меня от самого малейшего компромисса с атеизмом. Мне дороги слова моего Господа: "... ибо идет князь мира сего, и во Мне не имеет ничего" (Иоанна 14:30). Провокация КГБ, включая конфликт в камере номер 68 с агентом КГБ Валентином, не прошли для меня даром. У меня начались осложнения с сердцем. Я ощущал постоянные боли в груди.

...Так в воспоминаниях я провел почти всю ночь в Новосибирском аэропорту. Я лежал беспокойно, ворочался с боку на бок. И каждый раз, меняя свое положение, я невольно видел недремлющее око полковника КГБ, молча наблюдавшего за мной. Только под утро я заснул. Спал я не долго, но крепким сном. Утром я проснулся от звука открываемой двери: кто-то пытался войти в кабинет начальника Новосибирского аэропорта. Возможно, это были сотрудники аэропорта или пассажиры, но при виде солдат они поспешно закрывали дверь. И так повторялось несколько раз. Лейтенант уже спал на диване, а солдаты сидели у двери. Полковник в той же позе сидел за столом.

- Ну, как отдыхалось? - спросил меня полковник.

- Спасибо, хорошо отдохнул, только долго не мог заснуть, - ответил я.

- Хотите в туалет? - снова спрашивает полковник.

- Да, не мешало бы умыться.

- Пошли!

И полковник с двумя солдатами повели меня в туалет, а лейтенант остался в кабинете. Когда мы вернулись, вышел лейтенант. Вскоре он принес бутерброды и чай. Мы позавтракали. Я себя чувствовал хорошо и благодарил Бога за отдых и пищу. В девять часов утра мы уже были в пути, на другом самолете. Самолет был только наполовину заполнен пассажирами. Полковник отсыпался в самолете после бессонной ночи. Самолет летел на Москву.

МОСКВА, ЛЕФОРТОВО

В Москве нас уже ждал "воронка". Куда-то долго едем. Останавливаемся. Наконец, длительная остановка. Конвой открывает дверь "воронка". Меня выводят. Тюремный двор. Пока не могу определить, что за тюрьма. Ведут по тюремному коридору. Мой конвой и полковник исчезают... Дальше меня сопровождают двое незнакомых офицеров. Мой мешок у меня в руках. В тюремных переходах что-то знакомое. Неужели Лефортово, главная тюрьма КГБ?! Вот так сюрприз! Меня заводят в одно из помещений:

длинный деревянный стол посередине. Узнаю помещение для обыска. Очень знакомое место. Кладу свой мешок на стол. Заходят двое прапорщиков. Начинается обыск (или "шмон" по-лагерному). Спрашиваю у прапорщиков: "Это Лефортово?" Молчат.

"Что за секретность?" - думаю. Вдруг заходит подполковник.

Я помню его фамилию: Степанов. Двенадцать лет тому назад он был заместителем начальника следственного изолятора КГБ при Совете Министров СССР, так официально именуется Лефортовская тюрьма. Тогда он был в чине майора.

- С прибытием, Винс! Снова к нам? - бодрым голосом приветствует меня подполковник.

- Здравствуйте, гражданин начальник! Ваша фамилия Степанов, если я не ошибаюсь? - отвечаю я.

- О, какая хорошая у вас память!

- Да и у вас - отличная! Двенадцать лет прошло, как я был здесь. Тогда вы были в звании майора. Вы что, помните всех заключенных, которые побывали в вашем учреждении? - уточняю я.

- Приходится! Такова служба, - скромничает Степанов.

- Гражданин начальник! А что за причина моего этапирования из якутского лагеря к вам? - я пытаюсь выяснить, что же происходит.

- Этого я не знаю! - Степанов разводит руками. - Я вас не вызывал. Кто вызывал, тот и объяснит вам причину. Наше учреждение - это сейф, куда помещают на время определенных лиц. и мы обязаны хранить их здесь, обеспечить постелью, питанием, медицинским обслуживанием, книгами из нашей библиотеки... - развивал свою любимую тему Степанов. Это я уже слышал от него раньше, в 1966 году.

- В общем, цель вашего учреждения - создать "комфорт" для заключенного, - попытался я подытожить речь Степанова.

- По сравнению с другими тюрьмами, да, конечно, комфорт! - серьезно ответил Степанов.

А затем он спросил:

- Ну, как за двенадцать лет изменились ваши взгляды? Как вопрос с вашей верой? Неужели жизнь вас ничему доброму не научила? Все тюрьмы, да тюрьмы, лагеря, да лагеря... Неужели не надоело?!

- Нет, гражданин начальник. Мои взгляды на основные вопросы жизни не изменились. А вера в Бога даже укрепилась и мне помогли в этом вы!

- Как это я? - удивился Степанов.

- Тюрьма и лагерь - большая воспитательная школа Для верующего. Эта школа испытания, проверки и укрепления нашей веры, - пояснил я.

Прапорщики закончили просмотр вещей из мешка, моей телогрейки, офицерской шапки, которую они с недоумением перебирали в руках. Подполковник Степанов вышел. Прапорщики произвели также обыск одежды и обуви лично на мне.

Мой мешок с вещами они забрали в каптерку, а мне принесли квитанцию. Потом повели в душ, а после него в камеру. В камеру мне разрешили взять с собой только очки, зубную щетку, порошок и кусочек мыла. Я был в камере один. Рассчитана она была на одного, двух человек. Тут же и туалет, и кран с водой.

"Итак, Лефортово! Что же произошло? Почему меня так внезапно и срочно доставили из Якутии в следственный изолятор КГБ: Неужели предстоит новое следствие? Неужели брат Крючков арестован и тоже находится здесь?! Может быть, сейчас КГБ готовит судебный процесс над Советом Церквей ЕХБ?" - Такие мысли пронеслись в голове. Как узнать? Я ожидал вызова к следователю каждую минуту, но проходили часы и дни в полном безмолвии. Только три раза в день открывалась "кормушка", когда приносили завтрак, обед, ужин, да один раз в день водили на прогулку в прогулочный дворик на один час. А все остальное время - одиночная камера и гробовая тишина. Действительно, "сейф", как говорит подполковник Степанов. Да, КГБ не оставляет меня в покое... Я нахожусь в следственном изоляторе КГБ при Совете Министров СССР, так официально зафиксировано на тюремной инструкции, висящей на стене камеры.

Во время этапа из Якутска в Москву я тоже находился под опекой КГБ. Лейтенант - официально начальник конвоя, - а фактически, начальником был полковник КГБ, лицо в гражданском. Так было и в Киевской тюрьме в 1974 году. Я находился в тюрьме, в следственном изоляторе МВД. Следствие официально проводила прокуратура Киева, но фактически, следствие

вело КГБ. Фесуненко заранее, задолго до судебного разбирательства, объявил мне судебный приговор: 5 лет лагерей и 5 лет ссылки.

Хожу по маленькой камере в Лефортово и вспоминаю следствие в Киевской Лукьяновской тюрьме. В конце июня 1974 года меня вызвали на допрос. В то время я содержался в камере No 37 на втором этаже следственного корпуса на Лукьяновке. Когда меня ввели в кабинет следователя, я увидел за столом невысокого человека в темно-зеленом пиджаке. Крупноголовый, большеротый. "Давайте познакомимся. Моя фамилия Бех, следователь городской прокуратуры. Я буду вести ваше следствие". Я удивился. В начале апреля меня вызывал на допрос следователь Власюк. Почему же теперь новый следователь?

- А где же Власюк, что с ним? - спрашиваю.

- Власюк не будет вести ваше дело, - пояснил Бех. - Я буду вести его. Кстати, я уже знаком с вашей семьей. В 1970 году я вел дело вашей матери Лидии Михайловны. У нас с ней были очень хорошие отношения. Зимой было очень холодно, мы выбирали с ней кабинет потеплее, где бы она могла себя получше почувствовать. Надеюсь, что и с вами у нас будут такие же хорошие отношения. "Конечно, - заметил я, - вы из самых добрых побуждений фальсифицировали дело моей мамы, и она три года пробыла в лагерях, вернулась еле живой. Это было ваше доброе отношение. И сейчас мама в тяжелом состоянии, ее здоровье подорвано в лагере".

Бех промолчал. Таким было начало нашего первого разговора. Затем я спросил следователя, за кем я числюсь: за прокуратурой или за КГБ? Бех ответил, что за прокуратурой. "А почему два месяца меня допрашивали работники КГБ, а не следователь прокуратуры?!" Бех сделал вид, что он об этом ничего не знает. Он сказал, что ему только вчера поручили мое дело. "А известно ли вам, что со мной в одной камере находился провокатор, работник КГБ?!" Бех отрицательно покачал головой. Тогда я сказал: "Я должен сделать заявление. Прошу вас внести в протокол, что два месяца со мной в камере номер 68 Киевской тюрьмы под видом заключенного содержался агент-провокатор. сотрудник КГБ Валентин Иванович Зборовский". Я попросил бумагу, записал это в протоколе, поставил свою подпись и отдал Беху. На этом, собственно, и закончилась наша первая встреча со следователем Бехом.

Через несколько дней Бех опять меня вызвал. "Я справлялся у администрации тюрьмы, и мне сказали, что Валентина Зборовского у них сейчас нет, но что раньше он действительно находился в Киевской тюрьме. Но сидел ли он вместе с вами в одной камере, администрация затрудняется дать ответ, т.к. у них не сохраняются старые записи: кто с кем сидит и где - в какой камере". Это была явная ложь. Администрация тюрьмы тщательно подбирает состав заключенных в каждой камере, особенно в спецкамерах. А когда я в последующих вызовах к следователю продолжал настаивать на расследовании истории с Валентином, администрация тюрьмы дала письменный ответ, который был приобщен к моему делу, и я был ознакомлен с ним.

В нем сообщалось, что Валентин Зборовский содержался со мной в одной камере, и что я пытался завербовать его в свою веру, и что на этой почве в камере были ссоры. Так документально КГБ и администрация тюрьмы пытались скрыть вопиющее беззаконие, факт провокаций и психического терроризма в следственном изоляторе.

Во время допросов я, в основном, молчал, не отвечал на вопросы. Однажды во время допроса Бех сказал:

- Вообще-то, не имеет значения, будете вы отвечать на мои вопросы или нет. Вы - секретарь Совета Церквей ЕХБ.

Затем он уточнил:

- Вы не отрицаете, что являетесь секретарем Совета Церквей ЕХБ?

Я ответил:

- Нет, не отрицаю.

Тогда Бех объявил:

- Этого достаточно, чтобы вас предать суду, т.к. Совет Церквей ЕХБ не признан советской властью, и за все действия Совета церквей ЕХБ и действия всех незарегистрированных баптистов во всей стране, поддерживающих Совет Церквей ЕХБ, вы лично несете судебную ответственность!

В начале сентября я был доставлен под конвоем в прокуратуру Днепропетровского района города Киева. Там, на первом этаже четырехэтажного здания, расположен официальный кабинет следователя Беха. В кабинете Беха было собрано большое количество религиозной литературы, конфискованной у евангельских христиан-баптистов за последние годы на Украине, сотни самых разнообразных книг и брошюр различных наименований. Все эти книги и брошюры были приобщены к моему делу, это были чисто религиозные книги. Многие из них были выпущены нашими верующими самым простым гектографическим способом, а также типографской печатью нашим издательством "Христианин". Это были сборники христианских гимнов с нотами и без нот, Евангелия, брошюры о евангелизации, проповеди Сперджена, журналы "Вестник Истины".

"Братские листки" Совета Церквей ЕХБ, "Бюллетени" Совета родственников узников евангельских христиан-баптистов, несколько десятков кассет с проповедями и песнями. Среди них была и запись моей проповеди, произнесенной 24 августа 1969 года на свадьбе членов Киевской церкви Василия и Веры Шупортяк. Мою проповедь о верности Господу следователь Бех квалифицировал, как призыв к нарушению советских законов о религии.

В самом начале, когда меня ввели в кабинет, следователь Бех сказал, что я имею право ознакомиться со всей литературой и кассетами, так как они фигурируют в моем деле, как вещественные доказательства "преступной" деятельности Совета Церквей ЕХБ, а следовательно, и моей "вины" как секретаря Церквей ЕХБ.

- Сколько вам нужно времени для ознакомления?

Я ответил:

- Дней шесть-семь.

Бех возразил:

- Только один день, сегодня.

Тогда я попросил разрешить мне сначала прослушать кассету с моей проповедью на свадьбе Шупортяк, так как прошло уже пять лет со дня упомянутой свадьбы, и я забыл подробное содержание моей проповеди. Я хотел сам лично проверить, моя ли это проповедь и есть ли в ней что-либо преступное. В кабинете, кроме меня и Беха, находились два милиционера. Принесли магнитофон и включили. Полилась задушевная украинская мелодия. Струнный оркестр исполнял христианский гимн. Затем была проповедь киевского брата Величко Н.К., а потом и моя проповедь. В основу моей проповеди был положен стих из Евангелия от Иоанна: "Я пришел для того, чтоб имели жизнь и имели с избытком" (Иоанна 10):

10). Христос дарует верующему истинный смысл жизни, настоящее счастье. Это жизнь кротости, любви и смирения, и в то же время мужества и верности Богу в испытаниях за веру.

И все это Христос дарует нам без ограничений, с избытком.

Около часа звучало это необычное собрание в кабинете следователя. Милиционеры слушали с большим интересом. Когда магнитофон выключили, я спросил Беха:

- Так что же криминальное в моей проповеди? Ведь это чисто духовная проповедь!

- Суд разберется, - ушел от ответа Бех.

Я просмотрел несколько брошюр, перепечатанных из старых изданий. Одна из них была брошюра моего дедушки Якова Яковлевича Винса, - многолетнего труженика на ниве Евангельской в России, на Украине, в Сибири, в Канаде и в Соединенных Штатах Америки. Название брошюры "Наши баптистские принципы", в которой разъяснялись основные принципы христиан-баптистов. Она была издана на русском языке в 1922 году в Китае. С глубоким волнением читал я как бы духовное завещание моего дедушки о верности Господу. Имея право на подготовку к суду, я выписал из брошюры дедушки одно из высказываний:

"Истину Божью можно бичевать и распинать. Но ее невозможно уничтожить. Ничто не может помешать ей вновь воскреснуть и восторжествовать над всеми лжеучениями и заблуждениями человеческими. Ибо она покоится на непреложном факте смерти и воскресения Иисуса Христа и Божьего всемогущества!" На одном из допросов Бех предъявил мне изъятый у меня групповой снимок 1927 года братьев-служителей Союза баптистов СССР и записал вопрос в протокол: "Где вы взяли снимок уголовных преступников - Одинцова и других?" Я пояснил, что Одинцов - Председатель Федеративного Союза баптистов СССР, и что почти все руководящие служители

Союза баптистов были арестованы в период 1929-1940 гг. и умерли в тюрьмах и лагерях, а затем, после смерти Сталина, были посмертно реабилитированы.

Затем Бех показал мне мою машинописную рукопись по истории христиан-баптистов СССР, изъятую у меня при аресте в Новосибирске, и прочитал: "Начиная с 30-х годов шла усиленная обработка видных работников религиозных объединений органами КГБ и продвижение отступников на руководящие посты с целью разложения Церкви изнутри".

- Кто вербовал?

- НКВД т.е. КГБ! - ответил я.

- А вы это докажете? - снова вопрос Беха.

- Есть письмо Одинцова из лагеря. Он там подробно пишет об этом.

Бех не стал этого записывать в протокол. В конце сентября следствие было закончено. За весь период следствия, т.е.

с конца июня и до конца сентября, следователь Бех шесть раз вызывал меня на допросы. Его интересовала жизнь Церкви, местонахождение Совета Церквей ЕХБ, его служителей и особенно Председателя Совета Церквей Крючкова Г.К., а также работа издательства "Христианин".

- Где находится Геннадий Крючков?! - спрашивал Бех.

- Странный вопрос. Вы преследуете невинных людей, и я должен помогать вам в этом? - отклонял я вопросы следователя.

Бех торопливо бегал мелкими шажками по кабинету, не возражал, но через минуту опять настаивал: "Ну, скажите только одно, это совсем не относится к следствию, просто лично для меня: Крючков передвигается по стране, как, например, вы передвигались, или всегда находится на одном месте?" Я молчал...

А Бех торопливо продолжал: "Скажите только, ездит он или не ездит?!" Я по-прежнему молчал. Следователь, маленький человечек, внешне вежливый, мелкими шажками подбегал ко мне:

"Георгий Петрович! Только одно слово: Крючков всегда живет на одном месте?" Его нагловатые глазки прямо впивались в меня. "Перестаньте задавать провокационные вопросы, - отвечал я на его домогания. - Церковь отделена от государства по вашим законам. А по Евангелию - кесарево - кесарю, а Божье - Богу. Где Крючков, где канцелярия Совета Церквей ЕХБ это церковный вопрос!" ...С тех пор прошло четыре года. И вот снова следственный изолятор, но не Киева, а Москвы - Лефортово. Неужели снова следствие над Советом Церквей ЕХБ? А что, если брат Крючков арестован и содержится здесь, в Лефортово, в одной из камер? Какая-то неопределенность, тайна.

Четыре дня я провел в одиночке. На пятый день моего пребывания в Лефортово, в конце ноября 1978 года, меня перевели в другую камеру. Там уже был человек в эковской форме, стриженный, лет тридцати пяти. Он приветливо подал мне руку и назвал себя: "Владимир, из саратовского лагеря усиленного режима, нахожусь на переследствии. Проходите, располагайтесь! Не удивляйтесь ничему, потом все объясню".

А удивляться было чему... Я сказал, кто я и откуда, присел на свободную койку и стал внимательно рассматривать камеру. На маленьком деревянном столике, придвинутом к стене, были разложены книги на английском языке. Их было больше десятка, среди них словарь Романова - русско-английский и англо-русский. Английские книги были в ярких обложках, с цветными рисунками. Книги были светского содержания, как я выяснил позже. Но это не все. На двух деревянных полочках для продуктов, вмонтированных в стены над кроватями, стояли большие заграничные коробки из-под конфет, печенья и т.п. На коробках - яркие рекламные рисунки всяких кондитерских изделий. Все надписи на английском языке. Коробок было больше двадцати. И все - пустые. Все это выглядело более, чем странно... На полке также лежали с десятков крепких больших луковиц, и целая пайка русского черного хлеба.

Я посмотрел на них с интересом. "Хотите? - перехватил мой взгляд Владимир. - Вы с Севера, и я понимаю, как вы соскучились по овощам и витаминам! Берите, сколько хотите". Я поблагодарил и взял луковицу и хлеб. Действительно, соскучился! Я ел и не переставал удивленно размышлять: "Что же это все-таки происходит? Что за странная камера? К чему эта бутафория? Какая-то выставка

американских красочных книг и реклама американских кондитерских изделий, вернее упаковок этих изделий? Что за этим стоит?!

Владимир, видимо, ожидал, что я начну расспрашивать его об этом, но я молчал, наслаждаясь луковицей и московским черным хлебом, "черняшкой". как его ласково называют заключенные. Не дождавшись от меня вопроса, Владимир сам начал как-то нескладно объяснять: "Я уже здесь полгода, и вот накопилось от передач, - он указал на пустые коробки. - Моя мама работает в "Интуристе" и, вот, достала все это и передала мне в передачах, и книги тоже разрешили передать.

А вы владеете английским языком: говорите, читаете, пишете?" И тут я понял: да это же проверка моего знания английского языка! Интересно! Но что же дальше, за этим?

Я взял в руки словарь Романова. Я видел его впервые:

небольшого карманного формата, в обложке красного цвета, содержит 35 тысяч слов, В заглавии подчеркивается: "с учетом американского правописания и произношения". Значит, американский английский язык, американские коробки из-под кондитерских изделий, американские книги на столе... Америка! Это американская выставка в Лефортовской тюрьме, в камере. И ради этого меня привезли из Якутии?! Странно, но возможно органы КГБ начали какую-то крупную игру? А может быть, эта выставка не для меня одного? Может, и других так проверяют? Тогда кто же этот Владимир? Заключенный? Или это его работа, специальность? "Берите, читайте книги, это не опасно!" - приглашает Владимир. Но я уже положил словарь Романова на место, а других книг не трогаю.

Хорошо, если Владимиру разрешают иметь в камере английские книги, то почему бы мне не попросить русское Евангелие?

Стучу в "кормушку". Охранник открывает:

- Что вы хотите?

- Ручку и бумагу для заявления, - прошу я.

- Письменные принадлежности выдаются только утром, сразу же после подъема. А сейчас послеобеденное время. Завтра получите, - отказал охранник.

И кормушка с шумом захлопывается. "Ничего, подождем до завтра", - решаю про себя.

- Вы чем-то недовольны? Будете жаловаться? - с тревогой спрашивает меня Владимир.

- Нет, я буду просить разрешения пользоваться Евангелием, - ответил я.

- А где они возьмут для вас Евангелие?

- У меня есть Евангелие с собой, в моих вещах.

На следующий день я получил бумагу и ручку, и написал заявление на имя начальника следственного изолятора о Евангелии. Дня через два мне принесли Евангелие, и я смог целыми днями его читать. Слава Господу! А к американским книгам я даже не притронулся. Интересно, что и Владимир тоже их не трогал. Возможно, что он и не знал английского. Все это выглядело очень странно... Каждый день Владимир начинал разговор об Америке: как там хорошо, какая там необыкновенная свобода, как много там верующих и их никто не преследует. Однажды он меня спросил:

- Несколько лет тому назад в "Литературной газете" была помещена большая статья под названием "Кого защищают американские конгрессмены?" Я ее читал и запомнил. Это о вас статья?

- Да. эта статья обо мне, - ответил я.

- И как вы на нее отреагировали? - поинтересовался Владимир.

- Никак! - отвечаю.

- Напрасно! Вы же можете очень легко уехать на Запад. продолжал Владимир.

- Но я же заключенный. Я еще не закончил свой пятилетний срок в лагере, а впереди еще пять лет ссылки.

- Это все пустяки, - оживился Владимир. - Неужели вы не понимаете, что ваш вопрос решается на уровне Андропова (Андропов тогда, в 1978 г. был председателем КГБ) или даже выше?!

Власти не знают, что с вами делать. Они ищут выход. А тут еще американцы подключились к этому. Напишите заявление о выезде за границу на имя Брежнева!

Мне все стало ясно: я не должен писать никаких заявлений!

Я пояснил Владимиру: - Мне не нужна заграница. Осталось четыре месяца до конца лагерного срока, а затем ссылка. Ссылка - это не лагерь, там легче.

- Напрасно! Для вас именно сейчас есть уникальная возможность уехать в Америку. Может быть, даже прямо из Лефортово: через день, через два! Вас не случайно сюда так срочно доставили из Якутии самолетом, - настаивал Владимир.

- Владимир! Прошу вас, давайте оставим эту тему, - попросил я. Владимир умолкал, а я все читал Евангелие. Так прошло несколько недель. Перед Рождеством мне принесли целую пачку писем, около сорока. Письма были от семьи, от друзей по вере. Они были адресованы в Табагу и оттуда пересланы в Лефортово. Это была большая радость, ободрение и утешение. Но из писем родных я понял, что они ничего не знают, что я в Москве и что со мной. А коробки из-под американских кондитерских изделий все так и стояли на полках, а книги на английском - на столике. Ни одного раза Владимир к ним не прикоснулся. Несколько раз он пытался продолжить разговор о Америке. Он даже вспомнил, что мой отец был американским миссионером и что вполне естественно, если я уеду с моей семьей в ту страну, где жил и трудился мой отец...

Но я молчал.

Примерно 20 декабря меня перевели в другую камеру. Там уже было два человека, я стал третьим. Было довольно тесно, но эти двое обрадовались новому свежему человеку. В этой камере уже не было никаких выставок. Начались расспросы: кто, откуда и т.д. Они рассказали о себе. Они оба - москвичи. Один, лет тридцати, работал переводчиком при Интуристе: встречал и сопровождал деловых людей (бизнесменов), говорящих по-немецки, а иногда был просто гидом для обычных туристов. Сын дипломата, он родился в Австрии, в Вене.

Там же прошло и его детство. Он закончил Московский университет, прекрасно говорит по-немецки. Изучал он также и французский. Хорошо знает оба языка, очень образован и культурен. Арестовали его за какие-то нелегальные валютные дела. Конкретно не говорит, за какие. Да мне и не нужно.

Второй, лет шестидесяти, арестован за нелегальную торговлю бриллиантами. Следствие у них уже закончено, и они ожидают суда. Я спрашиваю: "А почему именно Комитет занимается вами, а не просто московская прокуратура?" Объясняют, что очень крупные суммы им инкриминируют. Поэтому дело ведет КГБ и содержит в своей следственной тюрьме. Спрашиваю еще: "А у вас одно дело?" Оказывается, нет. Дела разные. Ничего общего у них нет, кроме этой камеры. Я немного рассказываю о себе. Оба они очень интересуются лагерем.

жизнью в лагере, бытом, отношениями между заключенными, взаимоотношениями с начальством. Детально расспрашивают о возможности досрочного освобождения: какие правда существуют на этот счет и как они практически осуществляются.

Охотно объясняю. Читаю им Евангелие, свидетельствую о Христе. Они вежливо слушают, но не интересуются.

До ареста оба жили на широкую ногу, особенно пожилой:

часто летал из Москвы в Крым или на черноморское побережье Кавказа на один день, чтобы только пару часов позагорать и искупаться в море. Оба прекрасно знают все московские рестораны, испробовали самые изысканные блюда, которые там готовят, и все марки вин, как отечественных, так и зарубежных. Целыми днями вспоминают, как и что ели и пили, с какими "красавицами" время проводили. Между собой обсуждают преимущества блондинок и брюнеток. Весь их интерес: "красивая" жизнь, деньги, золото, драгоценности. Богатство их бог... Оба женаты. У молодого - красавица-жена, которую, по его словам, он очень любит, и очаровательная трехлетняя дочка. У пожилого - жена, взрослые дети и внуки.

Рассказывает, как он любит внучат и какие делал им подарки.

Конечно, присутствуя при их откровенных разговорах, мне было непонятно, как их привязанность к своим семьям совмещается с грязной аморальной жизнью. Но когда я попытался сказать о чистоте и высоких моральных принципах евангельской истины, пожилой стал громко смеяться, сказал: "Ваши взгляды - на уровне семнадцатилетней воспитанницы института

благородных девиц прошлого века!" Конечно, очутившись в Лефортово, они сильно переживают, но не о прошлой грязной греховной жизни и совершенно не осуждают себя за разгул. Они только горюют, что попались и теперь под судом. Пожилой, как бы утешая себя, говорит: "Мне шестьдесят лет. Я очень хорошо пожил в свое удовольствие.

Просто шикарно! Это была красивейшая жизнь! Королевская! Я взял от жизни все, что можно!" Я смотрел на этого "короля", с аппетитом хлебавшего тюремную баланду с черным хлебом и с нетерпением ждущего кашу на обед раз в неделю (заключенные ее очень любят), заросшего щетиной (бреют тоже раз в неделю) и думал: "Бедный ты человек! Прожил жизнь, а так и не понял, что истинные духовные ценности только в Боге, а не в бриллиантах..." Пожилой спрашивает меня:

- А вы разбираетесь в драгоценных камнях? Это целая наука! Каждый драгоценный камень имеет не только имя. название. но и приносит человеку определенный успех: в торговле, в военном деле, в дружбе, в женщинах, в богатстве, в долголетьи. - И он перечислил камни и их достоинства.

- У вас были когда-нибудь драгоценные камни? - снова обращается он ко мне.

- У меня и сейчас есть! - отвечаю я.

- Где, дома?

- Нет, здесь! - отвечаю я.

- Здесь, в тюрьме, в ваших вещах, в каптерке? - удивляется пожилой.

- Нет, со мной. здесь, в камере.

Пожилой недоверчиво смотрит на меня, Я беру Евангелие и читаю из Первого Послания апостола Петра 2:3-7: "Ибо вы вкусили, что благ Господь. Приступая к нему, камню живому, человеками отверженному, но Богом избранному, драгоценному. И сами, как живые камни, устройте из себя дом духовный, священство святое, чтобы приносить духовные жертвы, благоприятные Богу Иисусом Христом. Ибо сказано в Писании:

"вот Я полагаю в Сионе камень краеугольный, избранный, драгоценный; и верующий в Него не постыдится". Итак, Он для вас, верующих, драгоценность, а для неверующих, камень, который отвергли, строители, но который сделался главою угла, камень преткновения и камень соблазна".

- Христос. Его святая Личность. Его учение - вот моя драгоценность! - в заключение говорю я.

- Что вы все - Христос, да Христос, Бог да Бог! А жизнь где? - недовольно ворчит пожилой.

- Жизнь во Христе! Знаете, что Христос сказал во время Своей земной жизни?

И снова открываю Евангелие и читаю: "Иисус сказал ему:

Я есмь истина и жизнь; никто не приходит к Отцу, как только через Меня" (Иоанна 14:6).

- Путь, истина и жизнь во Христе! Вот мои драгоценные камни!

Молодой слушал заинтересованно, а пожилой с ехидной насмешкой.

- Вы хоть раз в жизни подарили вашей жене драгоценный камешек? - спрашивает опять пожилой.

- Нет, никогда у меня не было бриллиантов, ни других драгоценных камней.

- Даже колечка с самым маленьким камешком не подарили?! - сокрушенно воскликнул пожилой. - Вы не любите вашу жену, она вам не дорога? - продолжает пожилой с пренебрежительной улыбкой.

- Очень люблю, очень ценю ее! Мы уже прожили 26 лет вместе. Бог даровал нам пятерых замечательных детей. Дети - это тоже драгоценные камни от Бога. И наша любовь большая драгоценность, дороже всех камешков. Мы поженились 26 лет тому назад, и наш союз сочетал Господь. Мы сохранили верность друг другу и Богу, Вот вы рассказывали о многих женщинах, с которыми весело проводили время. Но ведь вы женаты, у вас дети и внуки! Как же можно быть женатым, любить свою жену и иметь других женщин?

- А что, я монах? Живем один раз! - ответил пожилой.

- Разрешите, я вам прочту, как на это смотрит Слово Божие?

Я прочитал из Первого Послания апостола Павла к Коринфянам 6:9-10: "Или не знаете, что неправедные Царства Божия не наследуют? Не обманывайтесь: ни блудники, ни идолослужители, ни прелюбодеи, ни малакии, ни мужеложники, ни воры, ни лихоимцы, ни пьяницы, ни злоречивые, ни хищники Царства Божия не наследуют".

- А что Сам Христос сказал? - И я прочитал из Евангелия от Матфея 5:27-28: "Вы слышали, что сказано древним:

"не прелюбодействуй". А я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем".

Прослушав, пожилой сказал:

- Эта книга не для нашего времени, не для XX века. Она устарела. Он демонстративно зевнул, лег на свою койку и отвернулся к стене.

Молодой попросил:

- Разрешите мне самому прочитать последнее, что вы читали.

Я раскрыл 5 главу Евангелия от Матфея и протянул ему:

- Прочтите всю 5 главу, а также 6 и 7. Здесь говорится не только об отношении к женщине, но и о многом другом. Никто из людей за всю историю человечества не предложил людям более высокой, более глубокой морали, чем Христос. Прочтите.

Молодой читал, пожилой лежал молча. Вечером пожилой спросил:

- А зачем вас привезли из Якутии в Москву?

- Пока не ясно... Я уже месяц в Лефортово, но никто меня не вызывал на беседу или допрос. Для меня это очень странно. Странной была и предыдущая камера, где меня продержали три недели.

Когда я рассказал об американской выставке в предыдущей камере, то оба моих сокамерника пришли в страшное возбуждение. И хотя это касалось меня, они с азартом стали обсуждать это странное приключение.

- Это просто фантастика! Чтобы в Лефортово, в камере, американские книги со словарем, да рекламные коробки американских продуктов? Это или какая-то провокация против вас, или приманка. Это неслыханно! Да кто примет здесь, в Лефортово, для передачи американские продукты?! - комментировали они американскую выставку.

- А что говорил вам тот человек, с которым вы там сидели. в той камере? - спросил пожилой.

- Он убеждал меня написать заявление на имя Брежнева о выезде за границу, - ответил я.

- Какой правильный совет он вам дал! Пишите, да поскорей. - возбужденно говорил пожилой.

- Я тоже так считаю, что вы должны просить о выезде! присоединился к нему молодой.

- Зачем мне писать? Россия - моя Родина! Здесь я прожил 50 лет моей жизни, - сказал я моим сокамерникам.

- Россия - для вас мачеха, а не Родина! - раздраженно воскликнул пожилой. - Что вы здесь видели хорошего? Жестокость, ненависть, преследование, тюрьмы... Разве это Родина? Не рассчитывайте, что в ссылке вам будет легче. Вам такую ссылку дадут, такое захолустье, что ни поездом, ни машиной, ни самолетом не доберешься, а только на оленях или на собаках!

Но я знал, что Россия - моя Родина. Здесь мои корни, мои истоки, здесь я познал истину Господню, здесь впервые назвал Иисуса моим Господом, Спасителем и Богом. Здесь я вступил с Ним в вечный завет через святое водное крещение. Здесь братство во Христе, такое родное и дорогое, с которым вместе я готов делить все радости и скорби на узком и тернистом пути следования за Господом. Но этого не скажешь в камере... Кто поймет тебя? Только Один Господь!

А молодой мой сокамерник добавил: "Сейчас очень благоприятное время для вас. спешите... В верхах, я так полагаю, сложилась подходящая обстановка для вашего освобождения не только из заключения, но и вообще от этой системы.

Пишите заявление на выезд! Не упустите этой возможности!

Может быть, через месяц будет поздно".

1 января 1979 года меня снова перевели в новую камеру.

Там уже был один заключенный, среднего роста, лет 35, стриженный. Хотя в Лефортово не стригут волос. Он был в сильно потрепанном костюме, с синяками на лице.

- Фима меня зовут, - сразу представился он, как только меня ввели в камеру.

- Георгий, - назвал я себя.

- Откуда вы?

- Из лагеря. Я здесь с двадцатых чисел ноября прошлого года. Это уже четвертая камера со дня прибытия. Все жду вызова. Никто не вызывает. Очень странно, - кратко пояснил я о себе.

- А меня осудили на десять лет усиленного режима. Все финансы, деньги. Я во всем сознался, даже деньги вернул, а все равно осудили. Дома жена и двое детей. Как они будут жить без меня? Жена так неприспособлена к жизни, никогда не работала... 10 лет лагерей! Это катастрофа, конец жизни! Я несколько раз пытался повеситься здесь, в камере, на спинке кровати: рвал простыню, делал веревку... и в петлю. Вынимают из петли, следят... Был на экспертизе в психбольнице. Здоров, говорят. Но я все равно не буду жить, не хочу, убью себя! - говорил Фима.

Фима энергично ходил по камере и отчаянно жестикулировал, Я сразу же забыл о своих проблемах с американской выставкой. Передо мной был погибающий человек.

- Я несколько раз разбежался в этой камере и ударял себя головой в дверь. Но камера маленькая и расстояние недостаточное для хорошего разгона. Только синяков себе наделал, а голову не пробил! - продолжал жаловаться Фима.

- Фима, вы знаете, за что я в тюрьме? - обратился я к нему.

- Нет, вы мне еще не говорили.

- Я - верующий, Я верю в Живого и Истинного Бога Иисуса Христа! И за веру в Него и свидетельство о Нем я лишен свободы.

- Только за веру? Не за воровство, не за убийство или финансы?

- Нет, Фима. Только за веру! И не только я, но многие верующие, мои друзья, находятся сегодня в тюрьмах и лагерях.

- Я первый раз об этом слышу. И на сколько вас осудили?

- Я уже пробыл в заключении почти восемь лет. Впереди еще пять лет ссылки.

- А давно вы верующий?

- В семнадцать лет я вступил в завет с Господом. Сейчас мне пятьдесят. Уже тридцать три года я следую за моим Спасителем Иисусом Христом. Фима, Христос любит вас. Он страдал за нас на кресте: и за меня, и за вас! А дьявол хочет вас убить вашими же руками, и он внушает вам эти ужасные мысли о самоубийстве. Отбросьте эти негодные мысли! Вам всего 35 лет, вся жизнь впереди. Вы нужны вашей семье: жене, детям. Почему ваши дети должны стать сиротами?

Кому это нужно? Только дьяволу, врагу душ человеческих.

- Да, но десять лет в лагере?! Это вся жизнь! Это лучшие годы! Сейчас мне тридцать пять, а через 10 лет будет сорок пять. Это закат жизни, - в отчаянии говорил Фима.

- Сколько вы здесь сидите, в Лефортово?

- Уже год, да три месяца просидел в Бутырской тюрьме в самом начале после ареста.

- Послушайте меня! - попросил я Фиму. - Ваша статья не религиозная, обычная, уголовная. Это нам, верующим, приходится находиться в заключении от звонка до звонка. Для нас нет никаких льгот. Ваше же дело обычное. Вам не придется сидеть все десять лет. Год вы уже отсидели, осталось девять, даже меньше: восемь лет и девять месяцев. Это у вас первая судимость. Будете работать в лагере, будете жить нормально. Без картежной игры, без водки и наркотиков, уйдете раньше на свободу, по половинке или по двум третям.

Половина вашего срока наступит через три года и девять месяцев, а две трети - через пять лет и пять месяцев. Берем худший вариант: вы освободитесь по двум третям, т.е. через пять лет. Вам

будет всего сорок лет. Молодой мужчина в расцвете сил. Вас встретят жена и дети. Жизнь продолжается!

Оставьте вашу панику. Возьмите себя в руки! Поймите, вы нужны своей жене и детям!

- Как это все так складно у вас получилось, - в раздумьи произнес Фима.

- Я уже имею некоторый лагерный опыт, многое видел. У меня два срока: первый был - три года общего режима, второй - пять лет строгого режима, а впереди - ссылка.

- А зачем вас сюда привезли, в Лефортово? - спросил Фима.

- Пока не знаю, ничего конкретного. Нахожусь здесь с двадцатых чисел ноября прошлого года. Никто меня не вызывает, ничего не говорят. Сижу, а срок идет... 31 марта этого года конец моего лагерного срока. Может быть, из Лефортово повезут на ссылку, не знаю.

- Да, интересную вы сделали раскладку моего срока: из десяти лет оставили только пять и даже меньше... Интересно! - несколько раз повторял Фима. - А вы могли об этом помолиться?

- С большим удовольствием! - ответил я.

Я преклонил колени. Фима сначала стоял, а потом тоже встал на колени. И я молился моему Господу за Фиму, за его семью, просил, чтобы Господь сохранил ему жизнь и даровал скорое освобождение. Я просил также, чтобы Господь простил Фиму, просветил его душу Своей истиной. Целую неделю я был в одной камере с Фимой. Он больше не возвращался к вопросу о самоубийстве. Я ему читал Евангелие, и он сам тоже читал.

Все эти дни я много размышлял о своей семье: знают ли они, где я и что со мной? Несколько раз я писал краткие письма из Лефортово и подавал их через "кормушку" для отправки. Но у меня не было уверенности, что письма отправлены из Лефортово моей семье. В то же время, письма ко мне, поступавшие в Табагу, снова были переправлены в Лефортово и их мне вручили. Это уже второй раз. Много писем, около тридцати, все поздравления с Рождеством, письма от мамы. Нади.

детей и многочисленных друзей по вере. Я читаю некоторые письма Фиме. Он радостно удивляется: "Какая у вас крепкая вера! Какое доброе расположение, какая любовь к вам!" Примерно, седьмого или восьмого января меня опять переводят в другую камеру. Прощаемся с Фимой. "Бог любит вас.

Фима, никогда не забывайте об этом!" - говорю ему на прощание.

Новая камера. Новый человек, лет тридцати, в темно-синем костюме, в белоснежной рубашке. На ногах у него мягкие черные туфли и ярко-зеленые носки. Очки в тонкой металлической оправе. Черты лица тонкие: тонкие губы, острый нос, очень пышные и длинные волосы. Длинные нервные пальцы, постоянная привычка постукивать или по легкому деревянному столику или по спинке железной кровати. Голос тихий, вкрадчивый, какие-то легкие порхающие движения. Я назвал себя: "Из лагеря строгого режима, из Якутии. Заканчиваю пятилетний лагерный срок. В Лефортово с двадцатых чисел ноября прошлого года". Я был в эковской черной хлопчатобумажной куртке с биркой, на которой белой краской написана моя фамилия, и в черных, тоже эковских, брюках, на ногах большие старые валенки серого цвета.

"Я - московский писатель, - назвал себя мой новый сокамерник. - Исключен из Союза писателей за диссидентскую деятельность, и вот теперь здесь. Идет следствие. Фамилия его мне ничего не говорила, но какой-то внутренний голос мне подсказывал; "Это - насадка! И будет интересоваться моими литературными планами".

- Как давно вы в Лефортово? - спросил я писателя.

- Девять дней, как арестован. А вы давно в заключении?

- сразу же спросил он.

- Это у меня уже второй срок. Сейчас он заканчивается в конце марта. И еще впереди - ссылка - пять лет, - отвечаю.

- А что вы совершили? В чем преступление? - снова вопрос.

- Я не совершил никакого преступления. Я - верующий, и осужден дважды за веру в Бога и свидетельство о Нем.

- Это ужасно! Это вопиющее нарушение прав человека. Это страшная жестокость! - московский писатель пытался высказать возмущение. Но все это звучало как-то декларативно, искусственно. Он стал задавать и другие вопросы, но у меня не было желания отвечать: я так устал от неопределенности, от этих лефортовских стен и странного, непонятного эксперимента, что хотел просто отдохнуть, спокойно обо всем поразмыслить. "Уже полтора месяца меня содержат в следственном изоляторе КГБ. По какому праву?! Я осужден на пять лет заключения с отбыванием в исправительно-трудовом учреждении строгого режима, т.е. лагеря. И чтобы снова держать меня в тюрьме, нужно новое специальное постановление прокуратуры или нового суда, и оно должно быть мне объявлено, если оно имеется..." Так, примерно, я размышлял. Но писатель жаждал говорить. Он несколько раз пытался заговорить со мной. Я молчал.

Тогда он достал из своего кармана какие-то листки и стал декламировать стихи. "Это мои стихи!" - пояснил он. Я не реагировал.

- Вы что, мне не доверяете? - спросил, наконец, писатель-поэт.

- Вы меня извините, но я очень устал. Уже полтора месяца я в Лефортово, и никто мне не объяснил, для чего меня доставили в это учреждение. И здесь очень мною странного вокруг меня. Я просто хочу отдохнуть, подумать. Поэтому, извините меня, но я не смогу отвечать на ваши вопросы. Я лучше помолчу.

- Это ваше дело! Но, как я понимаю, мы оба товарищи по несчастью в этой знаменитой и страшной Лефортовской тюрьме и могли бы облегчить свою тюремную ношу, поделившись друг с другом. Вы любите стихи? Может быть, вы и сами их пишете?

Знаете, когда вы только вошли в эту камеру, я сразу же подумал о вас: "Это поэт, мой собрат по перу!" - быстро и увлеченно заговорил писатель.

- Я прошу вас, разрешите мне помолчать/ - спокойно и миролюбиво попросил я писателя.

- Пожалуйста, хотя это не по-товарищески. Мы оба в этой тюрьме так одиноки, и теперь я лишуюсь духовного общения с вами, как я предполагаю, поэтом! - все это быстро, быстро проговорил писатель.

Я молчал. Я как бы отключился от этой камеры и своего словоохотливого сокамерника. Я вспоминал, как двенадцать лет тому назад я находился в этой же тюрьме с 19 мая 1966 года до середины февраля 1967 года. В 1966 году многие наши братья и сестры тоже содержались здесь. 29-30 ноября 1966 года состоялся суд надо мной и братом Крючковым Г.К. Мы оба были приговорены к трем годам лагерей общего режима. Затем, после суда, одну неделю мы были вместе, в одной камере: вместе молились, благодарили Господа за помощь. Размышляли о будущем... Было очень загадочно, что нас после суда посадили в одну камеру. Правда, кроме нас, в камере находился еще один человек. Он все время молчал и внимательно слушал. У каждого из нас была своя Библия, которые мы получили от наших родных через следователя. Это произошло еще в самом начале следствия. Тогда в Лефортово содержались около тридцати верующих, братьев и сестер. Многие из них отказывались принимать пищу, ходатайствуя о разрешении иметь Библию. Я тоже шесть дней не принимал пищу, молясь о Библии.

Библии мы получили, хотя думаю, что не все.

195 Находясь в одной камере и имея Библии, мы с Геннадием Константиновичем читали и делились друг с другом откровениями из Священного Писания. Помню, как Геннадий Константинович обратил внимание на стих 17 из 54 главы книги пророка Исайи. Этот стих был у него подчеркнут в Библии.

Подчеркнул он его еще на свободе до ареста: "Ни одно орудие, сделанное против тебя, не будет успешно; и всякий язык, который будет состязаться с тобою на суде, ты обвинишь.

Это есть наследие рабов Господа, оправдание от Меня, говорит Господь".

Когда следователь передавал Библию Геннадию Константиновичу, он обратил внимание на этот подчеркнутый стих. "Это жена ваша подчеркнула эти слова! - сказал следователь. - Я просил ее принести чистую Библию, без каких-либо пометок на страницах. Здесь сказано больше, чем в самом пространном письме. А переписка с родственниками во время следствия запрещена. Я хотел не дать вам Библию из-за этого подчеркнутого стиха. Но передумал. Возьмите Библию, помните мою доброту!" Бедный, наивный следователь! Он не знал, что "Слово Божие живо и действенно и острее всякого меча обоюдоострого: оно проникает до разделения души и духа, составов и мозгов, и судит

помышления и намерения сердечные. И нет твари, сокровенной от Него, но все обнажено и открыто пред очами его: Ему дадим отчет" (Евр. 4:12-13).

И так мы целую неделю имели благословенное время взаимного назидания и ободрения.

Однажды, в один из этих дней, когда нашего сокамерника куда-то вызвали, Геннадий Константинович спросил: "Как ты думаешь, почему власти нас после суда держат вместе в одной камере?" И сам же ответил: "Они хотят нашей капитуляции.

чтобы Совет Церквей ЕХБ пошел на компромисс с атеизмом.

Но они полагают, что для этого нужно наше совместное решение: меня, как Председателя Совета Церквей и тебя - как Секретаря. Вот почему нас посадили в одну камеру".

Я был полностью согласен с таким объяснением нашего загадочного содержания после суда в одной камере. Однако, наши гонители глубоко ошиблись в своих планах и надеждах.

Совет Церквей ни в нашем лице, ни в лице других братьев, служителей Совета Церквей ЕХБ, не пошел на какую-либо сделку с атеизмом и твердо стоял на библейском принципе независимого служения Господу, как и заповедовал Своей Церкви Иисус Христос: "Итак отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу" (Матф. 22:21). "...ибо идет князь мира сего, и во Мне не имеет ничего" (Иоан. 14:30). Через неделю администрация Лефортово снова нас развела по разным камерам.

Как это было давно... И вот, для меня снова Лефортово.

А как мой брат и друг? Что с ним? Молюсь, чтобы Господь сохранил его, укрыл в Своих потаенных селениях от рук врагов, день и ночь ищущих его. Вспоминаю также, как здесь, в Лефортово, в бессонную, страшно тяжелую ночь после первого суда, я написал небольшое стихотворение, всего восемь строк. Для себя написал, как утешение и ободрение:

Сердце, не волнуйся! Прочь тревогу!

Я сегодня должен предстать Пред людьми, не знающими Бога, Пред судом, и правду защищать!

Защищать за Истину гонимых, Жизни смысл нашедших во Христе!

Моих братьев и сестер родимых По крови, пролитой на кресте!

Да, это была действительно страшно тяжелая ночь. После впечатлений первого дня суда я никак не мог заснуть, был очень усталым, разбитым. До этого никогда мне не мешал свет, круглосуточно горящий в камере. А в ту ночь свет ужасно мешал, давил даже на закрытые глаза, А мне так нужно было уснуть, хотя бы ненадолго... Я несколько раз вставал молиться, просил Господа о сне, так как утром предстоял новый трудный день. Но сон так и не наступил.

Как я перенес второй день суда, не знаю. Подъем был в 6 часов утра. Суд длился с 10 часов утра и до 2 часов ночи, уже 1 декабря. Но я, на удивление, был бодр и совсем не хотел спать. Это был Божий ответ на вопль души.

И сейчас, спустя 12 лет в этих же стенах, моя душа вопиет к Богу! Эта неопределенность, какие-то новые замыслы властей против меня и против того служения, на которое Сам Господь поставил меня через свою возлюбленную Церковь. Читаю из 12 Псалма стих 3: "Доколе мне слагать советы в душе моей, скорбь в сердце моем день и, ночь? Доколе врагу моему возноситься надо мною?" И из 93 Псалма стихи 2-5:

"Восстань, Судия земли... Доколе, Господи, нечестивые, доколе нечестивые торжествовать будут? Они изрыгают дерзкие речи; величаются все, делающие беззаконие. Попирают народ Твой. Господи, угнетают наследие Твое". Что с семьей? Неужели они до сих пор не знают, где я? А писатель время от времени продолжает задавать вопросы:

- Скажите, вы думаете после освобождения писать книгу о своей лагерной жизни?

- Не знаю! До освобождения еще очень далеко.

- Но в принципе? Вам есть о чем рассказать?

Я молчу... Писатель:

- Вы, наверное, в лагере вели дневник?

Я отвечаю вопросом:

- А вы знаете, какая слежка была за мной в лагере, какой контроль? За каждым моим словом, за каждой моей строкой на бумаге? Вы лагерь не знаете, а в тюрьме всего несколько дней... Вот вы читали ваши стихи. Вы их здесь написали?

Писатель:

- Два здесь.

- И у вас здесь, в Лефортово, с первых дней пребывания есть на чем писать: есть бумага, есть карандаш? А я в Лефортово 12 лет тому назад шесть месяцев был лишен бумаги и карандаша. Писал стихи в своем сердце. Да, я пишу стихи. но только о вере, о Боге!

Я ничего не говорил этому человеку об "американской выставке". Но он продолжал тот разговор, который начал Владимир в той странной камере:

- Хорошо бы вам попасть на Запад, да издать свои стихи отдельной книгой!

- А как это из тюрьмы попасть на Запад? - задал я наивный вопрос.

- О, это не проблема! Обратитесь к властям, и я думаю, они вас отпустят, - пытается убедить меня писатель.

"Эге-ге! - думаю. - Да ты, дорогой, такой же узник-писатель, как я - композитор! Одна и та же песня, что и на американской выставке!" 1 января мне принесли передачу. Открылась дверь камеры, и охранник в белом халате занес большой деревянный ящик с ручкой. "Винс! Распишитесь о получении передачи!" - и он протянул мне специальную квитанцию с перечнем продуктов.

Квитанция была написана рукой Нади. Внизу стояла ее подпись. О, как я обрадовался! Надя здесь, в Москве! Семья уже знает, где я. Великолепно! В передаче были: яблоки, чеснок и колбаса. Я мысленно благодарил жену: "Спасибо, родная! Знаешь, что самое главное - чеснок. И яблоки хорошо, и колбаса, но чеснок для узника северных лагерей - верх всего!" Я предложил писателю присоединиться к трапезе.

Он взял только яблоко, на чеснок и колбасу даже не посмотрел.

ЯКУТИЯ. ПОСЛЕДНИЕ ДНИ

А на следующее утро, 13 января, очень рано открывается "кормушка" и слышен громкий голос охранника: "Винс! С вещами!" Быстро собираю свои скудные пожитки, предлагаю часть передачи соседу по камере.

- Нет, не нужно! - категорически отказывается писатель.

- Нет, нет!

- До свиданья, - говорю я этому загадочному человеку и выхожу в тюремный коридор.

"Опять новая камера?" - задаю себе вопрос. Но охранник ведет куда-то в сторону от камер. Я уже немного знаю расположение помещений Лефортово. В прошлый раз много пришлось шагать на допросы в кабинет следователя, и переселяться из камеры в камеру. Сейчас идем к выходу. Значит, покидаю Лефортово. Но куда? "Терпение! Немного терпения!" - успокаиваю себя.

Этапная камера. Меня принимает конвой: два солдата и офицер, лейтенант. Солдаты и офицер одеты легко, в сапогах. Значит, этап недалеко. Мне отдают из каптерки мой мешок. Конвой меня не обыскивает. "Пошли!" - меня салят в воронок. Лейтенант садится в кабину с шофером, солдаты в кузов. У них кобуры с пистолетами. Ждем чего-то...

Вдруг открывается дверь "воронка" и офицер спрашивает одного из солдат:

- Браслеты взял?

- Взял, не забыл! - отвечает солдат, показывая на желтый портфель, стоящий у его ног.

Дверь закрывается, и "воронок" трогается. Браслеты?!

(Это так они именуют наручники). Значит, наденут мне, но почему не сейчас, в воронке? Машина едет очень быстро. Часа через два прибываем в аэропорт. Здесь конвой надевает мне наручники. Садимся в самолет - пассажирский, рейсовый. Пассажиры с недоумением оглядывают меня и конвой. "Наверное, ужасный преступник, раз в наручниках!" - так, возможно, думают они и с опаской поглядывают на меня. Сажу между двумя солдатами, а офицер - сзади.

- Куда летим? - спрашиваю одного из солдат.

- Не разговаривать! - наклоняясь ко мне сзади, вполголоса, но отчетливо, с нажимом говорит мне на ухо офицер.

Посадка закончена. Объявляют вылет: "Наш самолет совершает рейс номер такой-то по маршруту: Москва - Новосибирск - Якутск - Магадан!" Все ясно: опять Якутия! "Слава Тебе, Господь, что Ты сохранил меня от какой-либо сделки с недругами Твоей Церкви!" - благодарю я Отца Небесного. Однажды, во время Своей земной жизни, наш Господь Иисус Христос сказал Своим ученикам: "...идет князь мира сего, и во Мне не имеет ничего" (Иоанна 14:30). Не имеет ничего! О, мой Иисус, помоги в этом и мне! Часа через три самолет садится в Новосибирске. После краткой стоянки снова летим, уже на Якутск. Еще три часа в полете. Наконец.

посадка. Перед посадкой объявили, что температура в Якутске -55°C. Я в валенках, в телогрейке, на голове офицерская шапка, а солдаты и офицер в сапожках. Не рассчитали... Конвой ждет, пока все пассажиры выйдут. Через окошко-иллюминатор вижу, как к трапу подают "воронок". Это за мной. По трапу вбегают в самолет прапорщик. Лицо знакомое. Улыбается и громко говорит:

- Привет, Винс! Снова к нам? Ну. как путешествие? Как Москва?

- Живет и здравствует! - отвечаю.

- Пошли! - кричит прапорщик.

- А как с браслетами? - спрашивает у прапорщика конвойный офицер.

Прапорщик смотрит на мои руки в наручниках.

- Вы что, так его везли всю дорогу?! - спрашивает прапорщик.

- Да, этапировали из Москвы в браслетах! - отвечает офицер.

- Снимайте! Этот человек неопасный. Вы что? Он же верующий! Мы его хорошо знаем. - удивляется прапорщик и обращается ко мне:

- Винс! Что же вы им не объяснили, кто вы? Болят руки?

- Нет! Наручники не были крепко затянуты, - отвечаю.

Конвой достает специальные ключи, отмыкает наручники и снимает их. Хотя наручники и не были затянуты, но все же руки от них устали, затекли немного, да и следы от них остались. Растираю руки... "Пошли!" - кричит прапорщик. Он в валенках, в полушубке. Увидев, что конвой в сапогах, он говорит офицеру: "Так не пойдет, в сапогах! Пока доедем до лагеря, вы будете без ног, отморозите. Сейчас заедем в часть и вы переобуетесь в валенки". А я в это время быстро развязываю свой мешок, достаю чеснок, головок двадцать, и кладу его к себе на грудь, под рубашку, чтобы сохранить от мороза. Ехать нам до лагеря больше часа.

Сходим с трапа. Якутский мороз сразу же обжигает лицо, перехватывает дыхание. Я держу в руках мешок с вещами. Захожу в "воронок". Рядом, через решетку, московские солдаты в сапожках и легких шинельках. Через пять минут они начинают "танцевать", притоптывать ногами, так быстро хватает якутский мороз. Время вечернее, часов восемь. Скоро "воронок" останавливается, открывается дверь. Мы находимся на территории воинской части. Конвойный офицер кричит солдатам: "Пошли переодеваться!" Солдаты быстро убегают. Вместо них со мной остается прапорщик.

- Как, Винс, не мерзнешь?

- Нет, - отвечаю, - я в валенках! На руках теплые рукавицы. Все это я возил с собой в Москву.

- А зачем тебя в Москву возили? - спрашивает прапорщик.

- Конкретно ничего не известно. Одни догадки... Пятьдесят два дня держали в главной тюрьме КГБ. в Лефортово, и ни одного вызова. Очень странно!

- Москва хочет, чтобы ты отказался от своей веры. В этом весь вопрос. А ты не сдаешься, молодец! - так подытожил мою поездку прапорщик.

Минут через десять вернулся конвой. Московские солдаты были в теплых полушубках и валенках. Офицер остался в шинели, но был тоже в валенках. Вскоре мы прибываем в Табагу. Конвой сдает меня на вахте лагерю. На вахте меня заводят в комнату обыска. Майор и два солдата

проверяют мой мешок с вещами. Солдаты обыскивают меня лично. Вынимаю чеснок, кладу на стол обыска.

- Что, на груди хранил чеснок? - спрашивает майор.
- Да, хранил от мороза. - отвечаю.
- Солдаты вынимают из мешка колбасу.
- Не положено в лагере! - говорит солдат.
- Я получил ее вчера в передаче в московской тюрьме.
- Ничего не знаю! Нельзя! - подтверждает майор. - Ешьте здесь.
- Да как ее съешь, здесь же около двух килограммов? - говорю я.
- Это не мое дело. - заявляет майор.

Он сидит в конце длинного деревянного стола. На этом же столе солдаты просматривают мои вещи. Майор просматривает мои бумаги, читает письма моих родных и друзей. Писем много, больше тысячи. Накопились за пять лет. Майор откладывает некоторые письма в сторону. Туда же кладет и маленькое Евангелие от Марка, полное Евангелие и пятнадцать глав Евангелия от Иоанна. Солдаты заканчивают обыск. "Собирай мешок!" - говорят мне. Я кладу в мешок все свое арестантское имущество: белье, носки, запасную куртку и брюки, полотенце, мыло, зубную щетку и т.п. Майор пододвигает ко мне стопку писем, но не все. "А это, - он указывает на отложенные в сторону письма и Евангелия, - я не пропущу в зону!" Майор, полный мужчина лет пятидесяти, с обвислыми щеками, двойным подбородком и маленькими глазками, враждебно смотрит на меня.

- Эти письма уже прошли лагерную цензуру давным-давно и были вручены мне администрацией лагеря, - стараюсь быть спокойным, объясняю майору.
- Это была ошибка. Я не пропускаю их в лагерь! И эти божественные книги тоже не пропущу, - с издевкой говорит майор.
- А я не пойду в зону без этих книг и писем. Сразу же можете садить в карцер! - твердо говорю майору.
- Наручники наденем! Пойдете! - кричит майор.
- Не пойду! Верните мне Евангелия.
- Вас судили за эти книги, а я должен вам разрешать проносить их в лагерь?! Никогда! - майор встал, вышел из-за стола. Он подошел ко мне вплотную.
- Вы числитесь за КГБ! Знаете об этом?! - прошипел майор мне в лицо. - Зачем вас возили в Москву?
- Спросите у КГБ, зачем меня возили в Москву! А вообще должен вам сказать, думаю, КГБ не понравилось бы, чтобы рядовой майор якутского лагеря знал, зачем они возили заключенного в Москву. Это вне компетенции якутского майора. - И тут же я задал вопрос майору. - Гражданин майор! Я раньше вас не встречал в Табаге. Вы что, новый начальник лагеря?!

Майора передернуло от этого вопроса, но он ответил:

- Нет, я начальник отряда, а сейчас помогаю дежурному по лагерю.
- В это время в комнату обыска зашел замполит:
- Здравствуйте. Винс! Опять к нам?
- Опять, гражданин начальник.
- Когда у вас конец срока?
- 31 марта, а затем ссылка.
- Ссылка будет здесь, в Якутии, потому и вернули вас из Москвы, - дружелюбно беседовал замполит.
- Обыск закончен? - спросил замполит у майора.
- Да, закончен. Но осужденный Винс ведет себя дерзко:

вступил со мной в пререкания и отказывается идти в зону! заявил майор.

Замполит удивленно посмотрел на меня:

- В чем дело, Винс? Никогда с вами ничего подобного не было.

- Гражданин начальник! Гражданин майор забрал у меня письма от родных, которые я получил в Табагс через администрацию лагеря, и забрал мои Евангелия. Евангелие было со мной в Лефортово, в камере. Прошу вас разрешить мне взять Евангелие в зону.

Замполит отозвал майора в сторону и что-то тихо ему сказал. Затем он повернулся ко мне:

- Завтра на работу на старое место, в цех! Хорошо? А Евангелие мы решили вам разрешить. И письма тоже.

- Спасибо, гражданин начальник! У меня есть еще одна просьба. Вчера в Москве я получил от жены передачу: чеснок и колбасу. Разрешите взять с собой в зону, ребят угостить?

- Возьмите, - и замполит вышел.

Майор молчал. Солдаты вышли. Я собрал все письма, взял Евангелия, взял чеснок и колбасу.

- Спасибо, гражданин майор! Разрешите идти в зону?

- Идите! - и майор провел меня к выходу.

Дежурный солдат открыл дверь, и я снова очутился в лагере "Табага". Было около 10 часов вечера. Скоро отбой. Когда я зашел в свой барак, заключенные уже готовились ко сну.

Увидев меня, многие улыбались, приветствовали. Я прошел к своему старому месту, к койке. На ней лежал мой матрац, моя подушка и новое одеяло. Завхоз отряда, тоже заключенный, сказал:

- Мы уже раньше узнали, что ты на вахте. Освободили твое место. Твой матрац и подушка лежали у меня в каптерке, а одеяло - новое.

- Спасибо, ребята. Очень устал, наконец-то в своей хате!

Затем я вынул из мешка колбасу и чеснок, положил на тумбочку и пригласил ближайших заключенных: "Прошу, угощайтесь!" Собралось человек двадцать. Кто-то принес черного хлеба. Я помолился и вместе с товарищами по заключению приступил к трапезе. Прозвучал отбой - несколько ударов в подвешенный кусок рельса у вахты. По лагерному радио объявили: "Отбой, граждане осужденные!" "Зачем тебя возили в Москву? Кто тебя возил? КГБ? Где содержали: в Бутырке или в Лефортово?" Эти и множество других вопросов сыпались с разных сторон. Я старался объяснить как можно понятней. Но вывод у всех был один: "КГБ что-то новое затевает против тебя и очень сильное. Держись!"

Сейчас их затея явно сорвалась, и они тебя снова вернули в лагерь. Но они что-то повторят с тобою на ссылке. Вот увидишь!" Было уже после десяти вечера, и в барак, как обычно после отбоя, зашли солдаты и прапорщики - для проверки.

- Почему не спите? Что здесь происходит? О, Винс вернулся! Так это ты организовал сабантуй? Ну, кончайте!

- Сейчас граждане начальники! Вот ложимся! Праздновали благополучное возвращение. Вернулся живой, не расстреляли, - ответил я солдатам.

- Видишь, Винс, какая власть наша гуманная, не расстреляли. да еще и колбаской с чесночком снабдили! - пошутил один из прапорщиков.

- Это не власть снабдила колбаской и чесночком, а моя жена передала в Москве передачу. - ответил я.

- Хорошая у тебя жена! - согласился прапорщик.

Вскоре барак погрузился в сон. Я помолился и тоже заснул. Перед сном ко мне подошел бригадир электриков, заключенный:

- Будешь завтра отдыхать или на работу?

- Пойду на работу!

- Значит, выходишь в первую смену и на старое место.

- А как мой сменщик Иван?

- Живой, работает! Знаешь, на зэке все зарастает, как на собаке. Наш брат, зэк живучий, с одного удара не убьешь!

Так после пятидесяти двух дней отсутствия я вернулся в лагерь "Табага" в Якутию. 14 января 1979 года я вышел на работу на свое старое рабочее место в лесопильном цехе. Быстро освоился и втянулся в работу. После ночного побоища в ноябре 1978 года все оборудование было восстановлено и работало хорошо. Товарищи по работе, заключенные, русские и якуты, очень интересовались, где я был, почему так долго отсутствовал. Я отвечал: кому кратко, а кому подробнее. Лагерное начальство меня не трогало. Внешне все было тихо и спокойно. До конца лагерного срока оставалось 11 недель. Сразу же, по возвращении в лагерь "Табага", я написал письмо родным, кратко сообщив о путешествии в Москву, без описания подробностей.

В феврале месяце ко мне на свидание приехали моя мама и старшая дочь Наташа. Мне положено было только общее свидание на 4 часа. Но начальство лагеря, к нашему приятному удивлению, разрешило длительное личное свидание на двое суток. Моих родных, а также и друзей, очень интересовала причина моего этапирования в Москву и пребывание в Лефортово. Прежде всего, как только мы помолились, я спросил:

- Как Геннадий Константинович? Не арестован?

Мама ответила:

- По милости Господней и молитвам Церкви он жив, здоров и на служении, интересуется подробностями твоего внезапного этапирования в Москву, в Лефортово. От него недавно приезжала одна сестра...

- А как Петя, освобожден? Как его здоровье? - спросил Наташу.

- В этом месяце мы ездили его встречать, в лагерь. Здоров, хотя ему было очень трудно в лагере. Его дважды сильно избивала лагерная охрана. Сейчас он дома, отдыхает.

Очень хотел ехать к тебе на свидание, но мы отсоветовали ему.

Я подробно рассказал маме и Наташе о моем пребывании в Лефортово. Высказал и свои предположения о намерениях внешних. Я знал, что в комнате свидания все прослушивается, но я не делал секрета из того, что я думал об "американской выставке" в Лефортово. Мама одобрила мое отношение к этим вопросам и предположила:

- Раз тебя вернули в Табагу, значит и ссылка будет здесь, в Якутии.

- Начальство лагеря тоже так считает, - сказал я.

- Мы всей семьей: мама и все дети хотим приехать к тебе на ссылку, на все время! - воскликнула Наташа.

Мне было дорого такое желание моих дорогих детей.

Но я понимал, какие большие трудности на пути осуществления этого желания.

"Сначала нужно попасть на место ссылки и хорошо разобраться на месте, что к чему, - сказал я. - Но я счастлив, что вы все готовы быть со мной на ссылке. Спасибо, дети! Передай всем мою благодарность: Пете, Лизе, Жене и Шурику! Но я полагаю, что сначала мама пусть приедет с Шуриком, а потом и все остальные, уже летом, когда будут каникулы". Затем я передал мое особое пожелание Пете, чтобы он читал Евангелие и посещал собрания верующих. Лиза уже была членом Церкви, летом 1978 года она приняла крещение. Теперь вся ее жизнь была связана с жизнью и служением верующей молодежи. Младшей дочери Жене 31 марта исполнится 14 лет, и она тоже среди верующей молодежи. Ошва Господу!

После свидания с родными меня перевели работать на ночные смены. Хорошо в ночной смене, спокойнее на работе. Начальства почти нет на рабочем объекте. А время бежит как-то быстрее... Когда я вернулся в "Табагу" после Лефортово, то не нашел своего Евангелия на рабочем месте. Кто-то обнаружил его и забрал. "Неужели начальство?" - с тревогой подумал я. Но в конце февраля бригадир электриков, тоже заключенный, вернул мне Евангелие.

- Это твое? - спросил он. - Здесь в твое отсутствие работали вольные электрики. Они обнаружили в электрическом шкафу это Евангелие и унесли к себе домой. А теперь спросили меня, чье оно. Я и ответил, что твое. Правда, я не ошибся?

- Конечно, мое. Спасибо! - поблагодарил я бригадира.

Итак, у меня было уже два полных Евангелия, Евангелие от Марка и пятнадцать глав Евангелия от Иоанна. Одно Евангелие (Новый Завет с Псалтырем) я подарил якуту Степану, другое держал на работе. Сам читал и давал читать другим.

В конце февраля, в ночную смену, я попал под электрическое напряжение и сильно обжог правую руку: пальцы и кисть руки. Произошло это следующим образом. Где-то часов в девять вечера одна из пилорам перестала работать: не включался электродвигатель. Машинист пилорамы прибежал в комнату электрика и крикнул: "Электрик! Электромотор не включается!" Я сначала осмотрел пульт управления. Там было все в порядке. Затем я открыл электрический шкаф. Он находился в 4-5 метрах от пульта управления. Я повесил на пульт управления специальный предупреждающий плакат: "Не включать! Работают люди!" и стал проверять оборудование шкафа. Вскоре я обнаружил неисправность одного из приборов. Около меня никого не было. Не было никого и у пульта управления пилорамой. Машинист пилорамы спросил:

- Когда починишь?

- Через полчаса. - ответил я.

Машинист куда-то ушел. Когда я устранил неисправность и хотел проверить работу электродвигателя, внезапно кто-то из посторонних подошел к пульта управления и нажал на кнопку "Пуск". Но я не видел, кто... В это время я еще работал в шкафу и стал включать главный рубильник. Его можно включать только при отключенном электродвигателе. А я включал рубильник в момент, когда кто-то нажал на кнопку "Пуск". Моя правая рука была на рукоятке рубильника. Раздался страшный взрыв. Электрическая дуга из ножей рубильника перебросилась на мою руку. Меня отбросило на несколько метров. Я упал. В глазах потемнело. Вся рука была черная. Я схватился за руку и побежал в свою комнату. Первая мысль была: "Неужели я сжег руку до кости?!" В глазах темные круги: "Как глаза?"

Не повредил ли?" При ярком электрическом свете я рассмотрел свою руку. Она была вся черная, закопченная. На пальцах и на кисти с наружной стороны был сильный ожог; кожа сгорела, видно мясо... Но сама ладонь не обгорела, так как в шкафу в момент аварии я сжимал рукой рукоятку рубильника.

В глазах все еще бегали черные круги, но уже меньше, чем вначале. Лицо не пострадало. В комнату вбежал машинист пилорамы и другие заключенные:

- Что случилось? Живой?! Это ..! - назвали имя одного заключенного.

- Это он включил электродвигатель! Что ему надо было?

Этого никогда не бывало, что посторонний прикасался к пульта управления! И там же твой плакат висел! - возмущался машинист.

И другие заключенные зашумели:

- Петрович! Тебя хотели убить! Пиши жалобу в Москву, мы подтвердим! Но мне было не до жалобы... Я надел телогрейку на одну руку, накинул ее на другое плечо, надел шапку, валенки и пошел на вахту. Февраль на дворе, мороз очень сильный. Уходя, я сказал машинисту: "Сегодня пилорама работать не будет: главный рубильник оплавился, сгорел. Я пошел в больницу".

Лагерная больница находилась в нашем же лагере. Она занимала три больших двухэтажных барака. В нее поступали больные заключенные из всех лагерей Якутии. Когда я зашел на вахту, там находились, кроме дежурного офицера, еще человек десять других офицеров, включая и начальника лагеря.

В такое позднее время обычно никогда никого из начальства в лагере на вахте не бывает, кроме одного дежурного офицера и солдат на вахте. Когда я зашел на вахту, поддерживая здоровой рукой обожженную руку, никто не обратил на меня внимания, хотя было видно, что-то случилось серьезное.

- В чем дело, Винс? - спросил дежурный офицер.

- Попал под напряжение! Нужно пройти в больницу.

- Идите! - разрешил дежурный офицер.

В больнице дежурный врач, пожилая приветливая женщина, сделала мне укол, обработала каким-то раствором руку и забинтовала ее. Потом она, осмотрев глаза, сказала: "Ничего страшного! Глаза целы! А рука через неделю заживет. Это на воле люди нежные: целый месяц на бюллетене с таким ожогом, как у вас. Зэки - особые люди! Быстро все заживает. Я уже двадцать лет работаю в этой системе, хорошо изучила". Я поблагодарил доктора. Когда я уходил, врач сказала мне на прощание: "Вы еще сегодня спать будете крепко! Вот увидите".

Я не поверил. Но действительно, в эту же ночь я крепко спал.

Через неделю я уже был на работе. Бригадир электриков сказал: "Ты не должен так оставлять этого случая! Это не случайность. Это - покушение на твою жизнь! Пиши заявление.

требуя комиссии. Очевидцы готовы подтвердить, как все было!" Но я не стал писать. Господь - мой защитник! Я всегда помнил слова Господни: "Не пять ли малых птиц продаются за два ассария? и ни одна из них не забыта у Бога. А у вас и волосы на голове все сочтены. Итак не бойтесь; вы дороже многих малых птиц". (Луки 12:6,7).

Один из заключенных высказал такое предположение: "Это все не случайно с твоей рукой: то тебя возили в Москву и опять вернули, то этот случай с электричеством... Будь осторожен во всем. Ты можешь не дожить до ссылки".

Через несколько дней после выздоровления на работе, в цеху, на меня упали два бревна и крепко ударили сразу по обеим ногам. Такого никогда со мной не было... Меня положили в больницу. Рентген не работал, и хирург на ощупь проверял, есть ли перелом. На обеих ногах, немного ниже колен, образовались большие кровоподтеки, было больно ходить. Врач-хирург предположил: "Думаю, что перелома ног нет, но возможно, образовались трещины в костях. Полежи в больнице дней десять!" Был уже март месяц 1979 года. последний месяц моего пятилетнего лагерного срока. "Что еще ждет меня впереди?!" постоянно напрашивался вопрос.

НА ПУТИ В ССЫЛКУ

31 марта заканчивался пятилетний срок моего лагерного заключения по приговору Киевского суда. Впереди еще пять лет ссылки по приговору того же суда. Где будет ссылка?

Я предполагал, что ссылка для меня будет тоже в Якутии, так как почти все заключенные якутских лагерей, которым предстояла ссылка, направлялись в различные отдаленные районы Якутии. Лагерное начальство также считало, что местом моей ссылки будет Якутия. Многие якуты-заключенные рассказывали мне, что в их таежных селениях находятся ссыльные, и не только из якутских лагерей, но и присланные даже с Кавказа, из центральных областей России, Украины и Молдавии.

Некоторые якуты давали мне адреса своих родных: "Возьми, Петрович, адрес моих родителей. Может быть, тебя отправят в нашу деревню. Ты только скажи, что был со мной в одном лагере и что я дал тебе адрес, они помогут тебе и с жильем, с дровами помогут зимой, и мясо будет, и рыба. Наши люди уважают таких людей, как ты!" В конце марта 1979 г. меня увезли из лагеря в тюрьму в Якутске. Перед этапом в лагере ко мне подошел якут-заключенный, каптерщик, заведовавший лагерным складом одежды и обуви. В руках у него была новая пара валенок. "Вот, возьми! - протянул он мне валенки. - Тебя повезут на Север, там зима еще два месяца. В сапогах ты не выдержишь, отморозишь ноги". Я взял валенки и поблагодарил якута. Он тоже протянул мне бумажку с адресом своих родных. "Возьми! Может пригодиться, если твоя ссылка будет в нашем поселке".

Когда я прощался со Степаном, он от всей души поблагодарил: "Спасибо за Евангелие!" А затем, задумавшись, сказал:

"О, если бы мне достать Евангелие на нашем, якутском языке!

Наш народ так нуждается в Евангелии!" Я спросил его:

- А есть перевод Евангелия на якутский язык?

- Не знаю, - ответил Степан.

И я положил на сердце молиться за якутский народ, за его духовное пробуждение. Я и сегодня молюсь за якутский народ и за другие народы Севера: за эвенков, эвенов, юкагиров, чукчей. Некоторые из них были в нашем лагере.

Целую неделю я пробыл в тюрьме г. Якутска в ожидании, когда и куда меня повезут дальше. Однажды вечером заключенных вывели из камер. Нас было человек тридцать. Всех выстроили в коридоре тюрьмы, проверили по спискам. Там был один офицер, который меня знал. Он спросил:

- А вы что тут?

Я говорю; - Мой лагерный пятилетний срок закончился, и теперь меня направляют в ссылку. Только я не знаю, куда.

У него была папка с нашими этапными документами. Я его спросил:

- Не могли бы вы сказать мне, куда меня отправляют?

Он посмотрел мое дело и сказал:

- Вас отправляют в ссылку в Тюменскую область, в Западную Сибирь.

Поздно вечером нас посадили в "воронки" и повезли под охраной в аэропорт. Небольшой самолет, вместимостью на 50 пассажиров, ожидал нас вместе с охраной. В группе заключенных было и несколько женщин, тоже заключенных. В Якутии нет женских лагерей, и осужденных женщин направляют в женские лагеря других областей. Всем мужчинам-заключенным надели наручники. Женщинам не стали надевать наручников. Я смотрел на стальные наручники, плотно сковавшие мои руки.

Уже не в первый раз за время моего заключения мне их надевали, как опасному злодею. Каждый раз, когда холодная сталь наручников стягивает запястья моих рук, в душе вспыхивает радость: "Не за разбой и не за золото, а за Христа, моего любимого Учителя!" Включились двигатели самолета, и в салон проник гул работающего мотора. Самолет взлетел и легко понес нас в южном направлении. Прощай, лагерь! Прощай, якутский народ! Прощай, суровый якутский край! Может быть, здесь когда-нибудь будут церкви, много церквей. Не храмы из камня или дерева, но храм духовный из живых якутских душ, горячо любящих Бога, искренне верующих в Него. А Степан с Библией в руках на якутском языке будет проповедовать Евангелие своему родному народу. Помогите, Господи!

Часа через три-четыре мы были уже в аэропорту г. Иркутска. Снова "воронки", тюрьма, обыск. Но Господь сохранил Евангелие от Марка и 15 глав Евангелия от Иоанна. Несколько дней мы пробыли в камерах большой Иркутской тюрьмы, ожидая дальнейшего пути. Людей, с которыми меня этапировали из Якутска, уже не было в моей камере. Они были развезены в разных направлениях.

Через несколько дней, уже с другой партией заключенных, я был посажен в арестантский вагон железной дороги "Столыпин". Это вагон-тюрьма на колесах. В нем около восьми камер-клеток, кругом решетки и железо. Двери камер-купе выходят в коридор с круглосуточной вооруженной охраной. Камера-купе рассчитана на восемь заключенных. Но обычно, в купе двадцать и даже двадцать пять человек, очень тесно. Хотя обыск перед отправкой в тюрьму уже был, нас снова подвергают обыску, уже в арестантском вагоне. Евангелие от Марка при обыске в тюрьме у меня не нашли. Я хранил его в небольшой пластмассовой мыльнице. Как только поезд тронулся, нас стали вызывать в коридор с вещами по три-пять человек, и в одном из свободных купе производился обыск. Одного или сразу двух заключенных двое солдат обыскивают непосредственно в купе, остальные в коридоре стоят и ждут своей очереди. Двое солдат тщательно проверяли одежду, обувь и наши скромные вещи. Солдаты требовали, чтобы заключенные быстро снимали одежду и обувь. Передо мной был старик, худой, щупленький, маленького роста. Он начал по требованию солдат быстро снимать одежду: рубашку, брюки, нижнее белье, обувь.

Старик очень торопился, но у него тряслись руки, и быстро не получалось. Солдат закричал на него. Старик-заключенный окончательно растерялся и никак не мог стянуть с ног сапоги.

Тогда один солдат ударил старика кулаком по шее. Старик пронзительным голосом закричал и осел на пол. Широко открытые глаза его в страхе смотрели на солдат. Он уже слабо координировал свои движения. Сидя на полу, он стал двумя трясущимися руками судорожно тянуть сапог, пытаясь снять его. А двое молодых солдат стали безжалостно бить его ногами. Я стоял в коридоре в очереди на обыск и все это видел. Сердце сжалось от жалости к беспомощному старику. Что делать? Как помочь ему? По советскому закону я не имею права противодействовать солдатам конвоя, даже возражать им или заступаться за другого заключенного. Заключенный даже не имеет права жалобу написать в защиту другого заключенного.

Молодые солдаты озверело продолжали бить старика. Может быть, просто промолчать, опустив голову, и не смотреть на эту безобразную сцену? После старика моя очередь на обыск. А у меня в вещах Евангелие. Промолчать ради сохранения Евангелия, оно ведь мне так нужно? А как бы поступил Иисус на моем месте? Он бы тоже молчал? И я с внутренним напряжением крикнул: "За что вы бьете старого человека?! Он вам отец по возрасту!" Мое неожиданное выступление в защиту старика вызвало вначале недоумение у солдат: "Кто смеет нам перечить?!" Они перестали избивать старика и повернулись ко мне.

- Ты что. не знаешь порядка?! - крикнул один из солдат.

- Тебя не трогают, молчи! - добавил другой.

В это время старик уже снял сапоги и встал. Солдаты не стали даже проверять сапоги старика, весь интерес к нему у них пропал. "Одевайся!" - закричали они на старика. Один из солдат сказал мне: "А ну, иди сюда, защитник! Сейчас будет твоя очередь! Посмотрим, какой ты резвый!" Старика с его тряпками и вещами отвели в камеру-купе. Я зашел в купе обыска и очень быстро начал снимать одежду и обувь: рубашку, брюки, сапоги, носки. Один из солдат прощупывал мою одежду и обувь, другой проверял мои вещи в мешке, и лагерные валенки, которые я захватил с собою, предполагая, что меня отправят в ссылку еще дальше на Север. где снег и морозы держатся до середины лета.

"Ты знаешь, что мы можем тебе сейчас надеть браслеты?!" - угрожающе сказал один из солдат. - Ты что, здесь бунтовать решил?!" Я молчал, я рад был, что они перестали МУЧИТЬ старика. Слава Богу. старик был уже в своем купе. Вдруг солдат увидел мыльницу. Он открыл ее и обнаружил маленькую книжечку.

- Это что такое? - вкрадчиво спросил он, вынимая Евангелие из мыльницы.

Я ответил:

- Это Евангелие от Марка.

Солдат стал рассматривать Евангелие, показал другому солдату, а затем властно так:

- Не положено! Запрещено!

И бросил Евангелие в ящик для мусора, где уже лежали разные грязные тряпки, носки, рваная обувь, куски грязной бумаги. Я быстро нагнулся и схватил Евангелие. Солдат, парень лет двадцати, сильно покраснел и крикнул:

- Брось! Назад! - и показал рукой на ящик с мусором.

- Это Евангелие, а не грязное белье! - возразил я, зажав Евангелие в руке.

Солдат схватил меня за руку и выхватил у меня Евангелие.

Он высоко поднял Евангелие и стал демонстративно рвать его.

нагло усмехаясь и глядя мне в лицо. Это было явное кощунство над Словом Божиим. "Промолчать? - мелькнула мысль. Нет! Я не могу дать в обиду Евангелие!" Я дотянулся до Евангелия и выхватил его у солдата. Потом сжал Евангелие в руках и громко крикнул: "Не отдам! Это Божья Книга!" Оба солдата пришли буквально в неистовство. Это было открытое сопротивление конвою! Заключенные, ожидавшие своей очереди на обыск в коридоре, притихли, сжались, ожидая, что же будет. Конечно, солдаты имели право при сопротивлении заключенного надеть наручники, даже смирительную рубашку, даже стрелять. Один из них яростно прохрипел: "Я тебя сейчас самого заставлю порвать твою святую книжку, заставлю тебя съесть ее!" Они оба набросились на меня, выкручивая мне руки, но я крепко двумя руками сжимал маленькое, такое дорогое и, казалось, такое беззащитное Евангелие. "Эта Книга - моя жизнь. Я верю в эту Книгу. Можешь стрелять в меня, я все равно не дам ее рвать!" - прокричал я в большом волнении. (Возможно, мне только показалось, что я громко прокричал, скорее всего, я это только взволнованно прошептал).

На крик и шум вышел из своего купе начальник конвоя, молодой офицер и, быстро приблизившись, спросил: "В чем дело?" Солдаты оставили меня и стали объяснять, что я проявляю неповиновение и чуть ли не поднял бунт против конвоя. Я видел, что нужно поскорее объяснить офицеру, в чем дело. Я раскрыл руки:

- Это Евангелие! Это моя жизнь! Моя вера! Солдаты хотят его порвать. Все это я проговорил громко, прерывающимся от волнения голосом. Офицер обратился ко мне:

- Дайте сюда!

Я спокойно отдал Евангелие офицеру. Офицер ушел с Евангелием в свое купе. Солдаты продолжали меня обыскивать. "Доигрался! - произнес один из них. - Сейчас командир покажет тебе, как права качать!" Кончив обыскивать меня, они приступили к обыску других заключенных, а мне велели стоять рядом и ждать своей участи.

Они, видно, считали, что меня ждет большое наказание за Евангелие и неповиновение конвою. Минут через десять офицер пришел. "Это ваше Евангелие! Возьмите, вы можете иметь его!" и он протянул мне Евангелие. Я очень обрадовался и стал благодарить офицера. Солдаты были в большом смущении. Один из них отвел меня в камеру-купе, где были заключенные, которые уже прошли обыск. Ко мне сразу же протянулись руки: "Покажи Евангелие!" Конечно, они в вагоне все слышали... Кто-то из заключенных попросил:

- Почитай нам Евангелие!

- Сейчас, ребята, немного передохну. Обыск был бурный, - сказал я.

"Как я должен благодарить тебя, Господи, за Твое удивительное заступничество! Слава Тебе!" - закрыв глаза и прислонившись спиной к прохладной металлической стенке вагона, духом моим взывал я к Богу. А затем стал читать Евангелие. Сначала чуть-чуть, вполголоса, затем громче, чтобы слышали о Боге и Его любви также и соседние камеры заключенных. Вскоре обыск закончился, и стало очень тихо в вагоне. и те солдаты, которые меня обыскивали, уже стояли в коридоре и тоже слушали. Солдат, бывший старика и пытавшийся порвать Евангелие, тоже стоял рядом с нашей камерой-купе и внимательно слушал стихи из святого Божьего Слова. А на моей ладони спокойно лежало крохотное Евангелие от Марка. "Истина беззащитна, но она непобедима!" - вспомнил я слова якута Степана.

Итак, Господь не только сохранил Евангелие от Марка, но и дал мне возможность открыто возвещать евангельскую истину.

Этап был очень и очень трудный. Поезд шел медленно, останавливался почти у каждого столба... Двое суток нас везли в арестантском вагоне от Иркутска до Новосибирска. Поздно вечером наш поезд прибыл в Новосибирск. Арестантский вагон отцепили от основного состава и куда-то повезли в пустынный тупик, подальше от ярко освещенного вокзала и толпы пассажиров. Там вагон окружили солдаты с автоматами и собаками. Кругом все оцеплено охраной. Солдаты направили автоматы в нашу сторону.

Большие свирепые овчарки при виде заключенных поднимают неистовый лай, буквально рвутся из рук солдат, горя желанием разорвать людей в арестантской одежде. Один из солдат стоял ближе всех к вагону и на длинном поводке держал собаку. Правда, собака была в наморднике. Каждый заключенный должен был быстро бежать на пригорок, через несколько железнодорожных путей, где стоял "воронка", и буквально пулей влетать в открытую дверь "воронка", вокруг которого тоже стояли солдаты охраны. Так требовали офицеры охраны, солдаты громко кричали, торопя заключенных.

Заключенные бежали из вагона в "воронку" по очереди, по одному. Следующего пускали, как только предыдущий влетал в "воронку". Подходила и моя очередь. Господи, помоги мне!

Наконец, охрана крикнула: "Следующий, вперед!" Я побежал, держа в руках валенки и свой арестантский мешок с вещами...

Кругом кричала охрана: "Беги скорей!" И - ругань в мой адрес.

Я буквально задыхался, бежать было трудно. Я споткнулся о рельс и упал на мешок. Валенки полетели в сторону... Вслед мне неслись крики и проклятия. Солдат спустил на меня собаку, придерживая ее за поводок. Собака бросилась на меня, ее злобный лай и дыхание сопровождали меня. Она тыкалась мордой мне в спину. Я схватил мешок, подобрал валенки и должен был из последних сил ускорить свой бег. Когда я уже подбежал к "воронку", конвой с руганью окончательно отпустил поводок, и собака, рыча, вместе со мной влетела в открытую дверь "воронка". Кругом все хохотали: хохотала охрана, хохотали заключенные, наблюдавшие за этой сценой. Только мне было не до смеха.

Затем путешествие в "воронку" по ночному городу, и наконец, - Новосибирская тюрьма. "Тюрьма - дом родной! - говорят усталые заключенные. - Отдохнем, отоспимся до следующего этапа!" В тюрьме нас ожидал еще многочасовой обыск. Все мы были очень утомлены после двух

суток почти без сна и пищи, в переполненном, душном арестантском вагоне, полном табачного дыма. Во время обыска молюсь о защите: "Господи! Сохрани Евангелие. Будь со мною! Нет уже у меня никаких сил для новой борьбы." Удивительная Божья защита была ответом на молитву: Евангелие не обнаружили, оно осталось со мною! Слава Тебе, Иисус! Мешок и валенки я сдал в каптерку, взяв с собой смену белья, полотенце, мыло, зубную щетку и, конечно, мыльницу с Евангелием от Марка. Все это я положил в небольшой запасной мешочек.

Потом нас всех завели в длинный тюремный коридор. По обе стороны камеры с массивными железными дверями, много, очень много камер... Толстые, крепкие каменные стены, выкрашенные в серый казенный цвет. За этими стенами несколько тысяч жизней, лишенных свободы, семьи, привычных условий. "Садись!" - раздается команда одного из охранников.

Сто человек заключенных послушно садятся на холодный цементный пол. Наверху, на потолке, тускло горит длинный ряд электрических лампочек. Как-то неуютно, тревожно. Офицер по списку называет фамилии заключенных. Тут же находятся человек пять охранников, которые разводят заключенных по камерам. Проходит, примерно час времени, а меня все не вызывают. "В чем дело?" - задаю себе вопрос. Наконец, со мной в коридоре остается не более трех-четырех заключенных. Но вот и их уже вызывают, и они, взяв свои пожитки, уходят с охранниками. Остаюсь я один в коридоре. Офицер уже ушел.

Со мной остались двое охранников. Вскоре вызывают и мою фамилию, и охранник ведет меня одного по длинному коридору.

Предварительно мне, как и другим заключенным, выдают старый грязный матрас и что-то небольшое, отдаленно напоминающее подушку, тоже очень старую и грязную.

Я следую за охранником. В одной руке держу матрас с подушкой, в другой - небольшой мешок с личными вещами и бельем. Ноги, как ватные, еле передвигаются, голова почти ничего не воспринимает. Все действия почти автоматические.

Одна только мысль: скорее упасть бы, заснуть где угодно, хотя бы на грязном цементном полу тюремного коридора. Охранник остановился, посмотрел в глазок камеры, вставил ключ в замок и нажал. Раздался резкий, как выстрел, металлический щелчок. Затем он так же резко, с шумом открыл тяжелую дверь и сказал: "Проходи!" Затем за мной дверь камеры закрылась с таким же шумом.

Густой табачный дым синими волнами переливается по камере: так сильно накурено. На потолке тускло горит лампочка.

Камера небольшая, человек на двадцать. Вдоль стен двухъярусные металлические нары. Посередине деревянный стол и две деревянные скамьи для сидения. В углу кран для воды и туалет, отделенный от камеры невысокой каменной стенкой, примерно метровой высоты. Был уже час или два ночи, но никто из заключенных не спал почему-то. Кто эти люди? Почему не спят?

Заключенные были чем-то возбуждены и, очевидно, спорили между собой перед тем, как охранник внезапно, почти среди ночи, открыл дверь камеры и ввел меня. И вот я очутился под внимательными взглядами всех в камере: и тех, кто стоял посреди камеры или у двери, и тех, кто сидел за столом или лежал на нарах. Почти все очень недружелюбно смотрели на меня. Да и вообще в камере была какая-то тревожная, гнетущая атмосфера. Люди нервно курили. Несколько человек подошли ко мне.

- Добрый вечер, - сказал я. но затем поправился, - добрая ночь! И я положил свой матрас и мешок на пол. - Двое суток не спал, с этапа я! - говорю.

Я хотел подойти к одному из свободных мест на нарах, но путь мне преградили двое.

- Почему так поздно в нашу хату? - спросил один из них, человек высокого роста, в черном свитере.

- Только что с этапа, - ответил я.

- Ты что, один был на этапе? - спросил кто-то с нар.

~ Нет, нас было около ста человек из Иркутской тюрьмы.

- А где остальные?

- Почему только тебя одного в нашу камеру?! - сыпались вопросы. Кто-то закричал:

- Да это же "наседка"!

- Просись обратно, да поскорей. Мы таких уже видели! сказал мне человек в черном свитере, и он указал мне на дверь.

Я никак не ожидал такого приема, да и сил уже не было объясняться.

- В чем дело, ребята? Я хочу только лечь и уснуть. Двое суток без сна, - миролюбиво сказал я.

- И мы без сна, и нам надо уснуть! - кто-то глумливо выругался и рассмеялся. Раздалось еще несколько грубых ругательств в мой адрес.

"О, Иисус! Куда я попал?! Будь со мною!" - я мог только молиться в душе. Вдруг ко мне подскочил низенький, сухонький такой старичок, и пронзительным голосом спросил:

- А сколько ты человек замочил?

~ Я - верующий! Я - христианин, судим за веру в Бога дважды! Я никого не убивал и не грабил! Мой Бог, которому я служу, запретил убийства. - так обратился я к этим людям.

- А где ты сидел, в каком лагере? - кто-то спросил меня.

Я ответил:

- Первый срок - на Северном Урале, три года. Сейчас отбыл пять лет строгого режима в Якутии. Лагерь "Табага".

Человек в черном свитере:

- Так ты говоришь, не за убийство, ты - верующий? Первый раз встречаю такого в тюрьме... А почему тебя посадили к нам, в камеру, на особняк? Здесь все за убийство! - и он сделал рукой полукруг. - А вот этот дед. - он указал на щупленького старичка, - замочил пятерых! Мы все тут после суда. Нас везут на особо строгий режим по милости Господа Бога. - Он грязно выругался в адрес судей и Бога.

"Почему он так грязно ругает Бога? Разве Бог виновен в его преступлениях?" - пронесится мысль.

- Ты Бога не тронь! Не Бог тебя сюда привел, - сказал я.

- Мы видели уже таких, как ты! - угрожающе вполголоса произнес человек в черном свитере, приближаясь ко мне.

- Пошел вон отсюда! Я не верю, что ты боговерующий! - вдруг закричал он и толкнул меня плечом.

Я с трудом сохранил равновесие. Что делать? Со всех сторон на меня смотрели враждебные лица. Такого со мной еще никогда не было за все восемь лет моей тюремной и лагерной жизни. Почти все двадцать человек, даже те, которые лежали на своих койках, приблизились ко мне. Я был окружен со всех сторон. Вокруг крики, ругань, угрозы и непонятная для меня злоба. Кто-то крикнул:

- А чем ты докажешь, что ты верующий? Покажи Библию!

- Да, покажи Библию! Пусть покажет Библию! - раздались голоса.

"Что делать? Показать им Евангелие от Марка? А вдруг они порвут его? - пронеслись мысли в голове. - Да, нужно показать им Евангелие! Господь защитит Свое Слово и от убийц, как в вагоне от солдат!" С таким решением я сказал:

- Библии у меня нет. Разве в тюрьму пронесешь ее? Отнимут! А вот маленькое Евангелие от Марка есть. Это часть Библии, - пояснил я.

- Покажи, - приказал молодой заключенный.

Я раскрыл свой мешок и развернул полотенце, в котором была мыльница с маленьким Евангелием. Маленькое и такое беззащитное. Евангелие лежало у меня на ладони. "Что ждет тебя здесь? Скольким людям в лагерях и тюрьмах ты уже указало на путь спасения! И вот теперь новая тюрьма, новые люди", - подумал я.

К Евангелию со всех сторон тянулись руки. "Такое маленькое!" - раздавались удивленные голоса. Все стали рассматривать его, и как-то сразу стала замолкать ругань и угас огонь враждебности. Теперь все они окружили Евангелие.

- А можно почитать? - спросил человек в черном свитере.

- Да, конечно, можно!

Человек в черном свитере держал в руке Евангелие, но в это время шупленький старичок схватил его за руку и пронзительно закричал: "Нельзя, не трогай! Это Святая книга, а наши руки грешные, запачканы в человеческой крови! Пусть он сам почитает!" Заключенный в черном свитере испуганно вырвал свою руку из цепкой руки старика, недоуменно глядя то на меня, то на старика, то на Евангелие... "Бери, не бойся! - обратился я к нему. - Эта Книга написана и для меня, и для тебя. В ней пусть к спасению, к свету, к новой жизни!" Я все еще стоял с мешком и матрацем в руках, не смея пройти к нарам. А усталость была невыносимая. Уже не было сил стоять. Молодой заключенный сказал, обращаясь ко мне:

- Проходи, располагайся!

А к остальным:

- Ну что вы, как звери, пристали к человеку! Он восемь лет в лагере на Севере за веру, а вы пристаёте. Садись здесь! - и он указал на свою койку. - Ты откуда родом?

Где жил до посадки? - быстро спросил он меня.

- В Киеве, - ответил я.

- И я из Киева. - сказал молодой. - Я там месяц промышлял. Там и арестовали в прошлую посадку. А в каком лагере сидел?

- В лагере строгого режима, в поселке Табага, в 30 км от Якутска, - ответил я.

Кто-то из заключенных подтвердил:

- Да, я знаю, есть там такой лагерь! А какие еще есть лагеря в Якутии?

Я назвал еще три лагеря в Якутии, в которых я тоже был.

Еще кто-то из заключенных подтвердил, что есть такие лагеря в тех местах, что я не выдумываю, говорю правду.

- А как тебя зовут? - спросил я молодого заключенного.

- Петро, - на украинский манер ответил парень.

- А меня Георгий, - сказал я.

Человек в черном свитере с Евангелием в руках сел к столу. Вокруг сразу же расположились остальные, и он громко прочел: От Марка Святое Благовествование. Глава первая. Начало Евангелия Иисуса Христа, Сына Божия". Но его перебили другие: "Дай посмотреть! Дай хотя бы в руках подержать! Никогда в жизни не видел Евангелия!" - раздались голоса. Их больше всего удивило, что Евангелие такое маленькое.

- А что, здесь вся Библия? - спросил кто-то.

- Нет, это только часть Библии, Евангелие от Марка, - я объяснил.

- А какая разница между Библией и Евангелием? - снова вопрос.

Я хотя и устал, но охотно объяснил, что Библия включает в себя много божественных книг и состоит из Ветхого и Нового Заветов, что само слово "Евангелие" означает благая, т.е. добрая весть, которую принес Господь Иисус Христос. Евангелие от Марка описывает земную жизнь Иисуса Христа и дело спасения, которое Он совершил на Голгофском кресте. Я старался говорить как можно проще, как можно понятнее: "Но это даже не все Евангелие. Только маленькая часть всего Евангелия. Есть четыре Евангелиста". И я перечислил их. "А это самое маленькое из Евангелий. Оно напечатано таким маленьким форматом специально для тех, которые находятся в тюрьмах и лагерях, чтобы удобно было пользоваться и незаметно от начальства читать и сохранить божественную книгу во время обыска".

В это время раздался скрип железной двери и в камеру вошел офицер и двое солдат. Но еще только дверь начала открываться, как человек в черном свитере быстро передал Евангелие Петру, который отскочил к нарам и спрятал Евангелие под матрац. И это было сделано так быстро, что никто ничего не заметил.

- Почему не спите? - спросил офицер.

Затем он испытывающе посмотрел на меня:

- Ну, как вам ваш новый компаньон? Тоже из ваших? спросил он, намекая на убийц. Но все промолчали. Чувствовалось, что офицер был крайне разочарован: он искал своим взглядом следы побоев на моем лице, явно ожидал, что убийцы изобьют меня, как чужого в их особой камере, и был явно разочарован. Для этой цели и направили меня одного в камеру убийц. Офицер сказал, уходя: "Вы не верьте ему!" И указал на меня.

Но Господь уже начал Свою работу в сердцах убийц. Евангелие было в центре их внимания. Человек в черном свитере сел спиной к двери. В руках у него снова было Евангелие.

Вокруг него сидели почти все заключенные. Он раскрыл Евангелие и стал читать.

- О, здесь что-то буквы не русские! - вдруг он воскликнул, обращаясь ко мне.

- Да нет, буквы русские. Здесь только некоторые буквы старые, которые были в употреблении до революции. Это Евангелие сделано, как копия с того экземпляра Евангелия, которое было напечатано в конце прошлого века, - пояснил я.

- А ты какой веры: христианской или баптист? - спросил он.

- Я - баптист, - спокойно ответил я, - и конечно, христианской веры. не мусульманской.

- А у вас, баптистов, другая Библия, другое Евангелие, чем у всех христиан?

- Нет, одна Библия, одно Евангелие для всех: и для православных, и для баптистов, для всех русских. Первая Библия в России на русском языке была выпущена в 1887 году. Сто лет тому назад. Это общепринятая Библия для всех христиан, говорящих по-русски.

Петро тоже был со всеми за столом. Он спросил: "Ты хочешь спать? Ложись на мою койку!" Я поблагодарил, а затем преклонил колени около койки и от всей души поблагодарил Бога. Когда я молился, то услышал, как кто-то из заключенных тихо сказал: "Видишь, молится, молится!". И другой голос: "Пусть молится, это его дело!" На сердце у меня был полный внутренний мир, хотя я и понимал, что начальство Новосибирской тюрьмы специально поместило меня глубокой ночью в камеру убийц. Как я потом узнал. среди этих людей некоторые были уже заранее предупреждены начальством тюрьмы обо мне и уже настроены меня избить. Я не думаю, что инициатива поместить меня в камеру убийц исходила от администрации Новосибирской тюрьмы. Это было указание сверху, из Москвы. Хотели меня хорошо "проучить" напоследок... Также я полагаю, что подговаривая заключенных-убийц избить меня, начальство тюрьмы скрыло от них. что я верующий. Но Господь удивительным путем, через Евангелие от Марка расстроил коварные замыслы врагов истины Божьей.

После молитвы я лег на жесткие металлические нары. Но какая же это была замечательная кровать для моего уставшего тела: такая удобная, просто великолепная... Но самое главное, что я был в полной безопасности, под охраной и защитой Господней. Перед сном я вспомнил слова Божий из Псалма 4-го: "Спокойно ложусь я и сплю, ибо Ты, Господи, един даешь мне жить в безопасности!" (Псалом 4:9). И это в тюрьме, в камере убийц!

Очень необычным было мое пробуждение на следующее утро. Еще сквозь сон слышу слова о воскресении Христа из 16 главы Евангелия от Марка: "И весьма рано, в первый день недели, приходят ко гробу при восходе солнца и говорят между собою: кто отвалит нам камень от двери гроба?" Солнце восходило и над Сибирью. Была весна, апрель месяц. Было утро.

Кто-то читал довольно громко последнюю, шестнадцатую главу Евангелия от Марка. Я не сразу сообразил, где я нахожусь.

Открыв глаза, я увидел, что человек пятнадцать сидели у стола и слушали, а один из заключенных читал. Человек пять спали на нарах. В камере было уже светло. Первые лучи солнца радостно пробивались сквозь двойную решетку окна. Свежий утренний ветерок проникал через открытую форточку и приятно освежал камеру. Тучи густого табачного дыма, еще ночью обволакивавшие всю камеру, рассеялись, исчезли. Стало так легко дышать. На сердце радостно, празднично. Новый день!

Новый Божий день! Господь даровал еще один день для спасения грешников! Убийцы читают и слушают Евангелие в тюрьме! Слава Тебе, Господи! А кто читает? Тоже убийца! Еще вчера это были такие дикие, враждебные, озверелые люди. готовые меня растерзать. А сегодня - как покорно

собрались вокруг Слова Божия! Нет больше крика, ругани, споров - только внимание и даже благоговение перед словами Христа.

Они, наверное, всю ночь читали и, возможно, рассуждали о прочитанном. Я продолжал лежать тихо, не шевелясь, слушая Слово Божие. Большая разница в том, когда сам читаешь и когда слушаешь Евангелие и особенно в тюрьме, когда читают другие... Как будто раздвигаются каменные стены, исчезают стальные решетки на окнах, и в камере незримо присутствует Воскресший Христос! Слово Божие могущественно обращается ко всем людям, и в тюрьме, и на воле: и к добрым, и к злым. Людям нужен Бог! В лагере Табага я написал стихотворение "Иисус! Твое имя выше". И оно вспомнилось мне:

Иисус! Твое имя выше
Горных пиков и всех имен!
Лишь Тобою вселенная дышит,
Как цветок, что весной рожден.
Преклонить пред Тобою колени
За великое счастье чту!
Повергаю свои волнения,
Доверяю свою мечту:
Я хочу... я прошу, мой Боже,
Чтоб для тысяч и тысяч людей
Твое имя стало дороже
Всех сокровищ и жизни всей!
За Твое драгоценное
Слово Я одет в арестантский бушлат.
Но в краю отдаленном, суровом
О Тебе благовествовать рад!
Светит ласково солнце весеннее,
Озаряя темницу мою...
Скоро я воспою Воскресение
С миллионами душ в раю!

Да, я в камере убийц, и по милости Господней я еще жив и слышу, как убийцы читают Евангелие. Это воистину чудо Божье! "В тесноте Ты давал мне простор!" - так написано в Книге Псалмов 4:2. И я всегда этот стих помнил. Этот Божий простор я многократно ощущал в самые тяжелые периоды моей жизни.

Вскоре был прочитан последний стих шестнадцатой главы Евангелия от Марка. Человек в черном свитере подошел ко мне и отдал Евангелие. Все молчали... "Сильная Книга!" - сказал он. Я встал с нар и хотел пойти умыться, но ко мне неожиданно подбежал щупленький старичок:

- Может ли Бог простить меня?! Я убил пять человек.

- Да, Христос простил разбойника на кресте. Он простит и вас, если вы покаетесь и оставите свою преступную жизнь.

Человек в черном свитере, внимательно глядя на меня, спросил:

- Георгий, как мне заслужить спасение? Мы всю ночь читали Евангелие и рассуждали, только не было нам у кого спросить, а ты крепко спал с этапа, и мы не хотели тебя тревожить. Скажи нам, как заслужить спасение? Я тоже убийца и разбойник, как называет нас Евангелие. - И это говорил человек, который еще ночью угрожал мне!

- Кто из вас раньше читал Евангелие или слышал проповедь о Христе? - поинтересовался я.

Оказалось, что никто. Я очень удивился, что эти люди, которые раньше не слышали проповеди о Христе и не читали Евангелия, теперь, прочитав Евангелие, сразу же поняли его главный смысл - спасение. Слово Божие обличило их сердца.

Они осознали, что убийство - грех. Раньше они гордились своими подвигами. Они даже не говорили "убил", а "замочил", "прикончил", "придавил". И всегда, по их словам, они были герои, а виновной всегда была их жертва. И вот теперь они задают вопрос: "Можно ли им спастись? Может ли Бог простить нас?" А сегодня эти люди поняли, что они, и только они, преступники и не только перед человеческим законом, но самое главное - перед Богом!

- Если ты покаешься перед Богом и оставишь преступную жизнь, то получишь спасение! - сказал я человеку в черном свитере. - Бог дает спасение даром, без наших заслуг. Наше спасение - это заслуга Христа на Голгофском кресте.

Щупленький старичок опять прокричал:

- Я пятерых ведь убил! Разве может Бог меня простить?! А потом он добавил, - Это у меня не первая ходка. Сейчас на мне пять убийств, а до этого еще были... Мне хотели дать вышку, но заменили пятнадцатью годам особо строгого! - И он еще раз повторил свой вопрос. - так может Бог простить меня?!

Я смотрел на этого щупленького старичка с тоненьким голоском и думал: "Как этот худенький, такой щедушный человечек мог убить пятерых?! Просто не понятно, где у него и сила взялась для такого группового убийства? И откуда такая злоба и жестокость?!" Но сейчас предомной был просто грешник, нуждающийся в Боге, я сказал: "Бог может простить! Иисус Христос простил разбойника на кресте. Только веруйте в Него как в Сына Божьего, вашего личного Спасителя, Который все наши даже самые ужасные грехи взял на Себя и умер за нас на кресте. Бог любит вас! Хотя я никого не убивал, не грабил, но и я был грешником, которого Иисус Христос простил и спас. Он дарует всем верующим в Него спасение и жизнь вечную!" И я процитировал из Евангелия от Иоанна 3:16.

Другие тоже задавали вопросы, подобные этим. С этими людьми я пробыл вместе в одной камере семь дней. Это были удивительно светлые, радостные дни. С утра до вечера каждый день беседы о Боге, о спасении. Каждый из заключенных брал Евангелие и читал сам. Много вопросов о Христе, о жизни вечной, о моем личном уверовании во Христа, о жизни наших верующих. Враждебного отношения как и не бывало, а только доброе расположение. Просто не верилось, что совсем недавно эти люди были так злобны и жестоки. Я радовался тому, что Господь совершил в их сердцах. Но я знал.

что это было только начало. Я не хочу сказать, что они стали уже новыми людьми, христианами. Нет! Но я видел у них рождение большого интереса к Слову Божьему, буквально жажду слышания Слова Господнего. Я видел, как эти люди начали понимать и сознавать, что они грешники, преступники. И не потому, что их поймала милиция на месте преступления. а суд признал их виновными. Нет, не поэтому. Слово Божие обличало их. Маленькое Евангелие от Марка осветило божественным светом Христа их темные преступные сердца, и у них появился вопрос: "Как жить дальше? Как спастись?"

Может ли Бог нас простить?!" А затем возникла жажда к жизни новой, чистой, духовной.

Мой названный земляк из Киева. Петро, часами не отходил от меня. Вся его жизнь прошла в различных преступных делах, а руки были неоднократно запачканы в человеческой крови. Его интересовало многое, и он все расспрашивал о жизни верующих, о жизни христианской молодежи. Расспрашивал он также и о моей семье: верят ли в Бога моя жена и мои дети. Удивлялся, почему власть так жестоко преследует верующих. "Вы - боговерующие. Так зачем вас сажать в тюрьмы? Наоборот, вы могли бы помочь обществу в воспитании людей!" К сожалению, кроме Петра я не запомнил имен остальных заключенных той камеры. Один из них спросил:

- Куда тебя везут конкретно, ты знаешь?

- Нет, - я ответил. - Мне еще предстоит пять лет ссылки в Тюменской области. Но где, я пока не знаю.

- Вспоминай и нас в своих молитвах! - попросил человек в черном свитере.

Однажды открылась дверь камеры, и охранник назвал мою фамилию:

- С вещами! Готовься на этап!

- Прощай, Георгий! - раздались голоса моих новых знакомых.

Охранник вышел из камеры, предоставив мне 5-10 минут на сборы. Я посмотрел на окруживших меня заключенных, и мне так захотелось помолиться сейчас за них. "Я хочу помолиться о вас!" - сказал я. В это время ко мне поспешно подошел один из заключенных и протянул мне мое маленькое Евангелие:

"Спасибо! Это просто удивительно, что мы могли в тюрьме читать Евангелие!" - сказал он.

А Петро, глядя, как я прячу Евангелие в свой мешок с бельем, с волнением произнес: "Георгий, подари нам Евангелие! Ты его и так знаешь, много раз читал, а мы только познакомились с ним... Мы идем на особо строгий режим.

Впереди у каждого 15 лет лагеря. Многие из нас, - он указал на старика, - вряд ли вернутся на свободу. Там и умрут, в лагере. Нам очень нужна эта Святая Книга. Оставь нам ее, подари ее нам!" Что делать? Мне это Евангелие так дорого! Сколько лет оно со мною в сибирских тюрьмах и лагерях. Во время этапа его отнимали у меня, грозили порвать, уничтожить конвойные солдаты в арестантском вагоне. Это Евангелие прошло со мной вместе много обысков, но Господь сохранил его. Оно мне нужно, очень нужно! Впереди меня ожидают еще пять лет ссылки... А в этой камере Евангелие даже спасло мне жизнь и так удивительно подействовало на сердца убийц. О, как мне не хотелось расставаться с ним!

А Петро стоит рядом со мной и умоляющим взглядом просит:

"Оставь нам Евангелие!" Человек в черном свитере говорит почти пророческие слова: "Твой Бог пошлет тебе много Евангелий и Библий, а нам негде достать Евангелие. Подари нам его!"

Это единственная Правда, которую я встретил в моей жизни!" И внутри меня голос: "Отдай им Евангелие! Оно так нужно им!" Я достал Евангелие и протянул Петру. Но несколько рук уже тянулись к Евангелию. А времени уже так мало. скоро откроется дверь камеры и меня уведут... Нужно успеть еще помолиться в этой камере. "Помолись, Георгий, обо мне!" - попросил Петро. "И обо мне, и обо мне!" - раздались голоса заключенных. И я молюсь. Вокруг меня стоят заключенные.

"Господи! Благодарю Тебя за Твое вечное Слово Жизни, за Святое Евангелие и за эти души. которым Ты открываешь путь спасения!" После моей молитвы с шумом открылась дверь камеры, и охранник в коридоре громко назвал мою фамилию. Я еще раз кратко произнес в молитве, стоя спиной к двери:

"Господи! В руки Твои предаю души этих людей!" "Быстрее! Шевелись! Пошли!" - кричал в нетерпении охранник, обращаясь ко мне. Я схватил матрац, подушку, свой мешок.

Кто-то торопливо пожимал мне руку. Раздались голоса: "Прощай, Георгий! Молись о нас!".

Когда конвой вел меня по многочисленным коридорам тюрьмы в этапную камеру, я продолжал молиться духом моим об этих людях: "Господи! Пошли им новые встречи с Твоими служителями. Господи, продолжи твой труд над их душами!" Хотя впереди меня ждали еще пять лет ссылки в Тюменской области, я об этом не думал, Я все еще был под впечатлением пребывания в камере с убийцами. Каким дорогим стало для них Слово Божие. Это просто чудо, Божье чудо! Их лица все еще были передо мной: Петра, человека в черном свитере, старика с тоненьким голоском и других заключенных... Какими дорогими они стали для меня! Я с ними оставил не только мое маленькое Евангелие, но и часть моей души, моей веры, моего упования. Но впереди меня ждало еще одно трудное испытание. Это все еще Новосибирская тюрьма, трудная для меня тюрьма. В этом городе я был арестован в марте 1974 года, и здесь же через пять лет такие испытания.

Конвой привел меня в каптерку. Я сдал матрац и подушку, получил свой мешок с вещами и валенки. Но дальше я решил валенки с собой не везти. Была уже середина апреля, снега не было, а везут меня на ссылку в Тюмень. Пока я попаду на место ссылки, будет уже лето. Зачем мне мучиться с валенками по этапам? "Возьми валенки себе! - сказал я каптерщику-заключенному. - Мне они не нужны!" И я подал валенки в окошко каптерки.

- Это же твои валенки! - возразил каптерщик.

- Я с ними уже намучился, везу из Якутска по этапам!

А иду я этапом на ссылку в Тюмень. Пока доеду, лето будет, - пояснил я каптерщику.

- Спасибо! Найдем им применение, - улыбнулся каптерщик и забрал валенки.

Затем конвой привел меня в этапную камеру. В руках у меня был небольшой мешок с чистой лагерной одеждой, книгами, с письмами и фотографиями родных. В этапной камере не было нар. Более ста заключенных сидели тесно на полу в ожидании дальнейшего пути, и только у окна стояла небольшая деревянная скамейка, на которой сидели человек пять-шесть. Когда я зашел в камеру и конвой закрыл за мной дверь, то я, как и все, сел прямо на цементный пол, прислонившись спиной к каменной стене. Оглянулся вокруг: ни одного знакомого лица. Некоторые посмотрели на меня только мельком, равнодушно. Но те, которые сидели на скамейке и возвышались над всеми, очень внимательно изучали меня. Новосибирская тюрьма - это большая пересылка.

Отсюда идут этапы в пять-шесть направлений: на восток в Восточную Сибирь, на запад - на Урал, на Север - в Томск, на юг - в Казахстан, в Алтайский край и другие места.

В этапной камере постоянное движение: одних заключенных запускают в камеру, других увозят, как на вокзале. Да в тюрьме не одна этапная камера, их несколько. Всего в тюрьме несколько тысяч заключенных. Не успел я присесть на пол, как один заключенный у окна привстал и крикнул мне:

"А что ты прячешься у дверей?!" И он громко выругался. Я промолчал. Другой, сосед первого, тоже крикнул в мой адрес: "Я знаю этого типа, у него есть деньги! А ну, иди сюда!" Я снова промолчал. А в душе молитва: "Господи! Что же это, неужели снова испытание? О, Иисус, пребудь со мной! Неужели это продолжение того, что началось в камере убийц, но сорвалось?!".

До этого в этапной камере был общий шум, гул, все говорили. А сейчас вдруг все притихли, а те пятеро встали со скамьи и, глядя в мою сторону, закричали: "Деньги есть?!"

Лучше отдай по-хорошему!". Они хотели подойти ко мне, но на полу очень тесно сидели заключенные. Я тоже встал и ответил:

- Нет! Денег у меня нет!

- Иди сюда! Чего жмешься к двери? Боишься?! Не успеешь постучать в дверь, придушим! - крикнул один из них.

Сейчас там, у окна, поднялись со скамьи и с пола уже человек десять и стали кричать что-то оскорбительное. Один из них, громко и скверно ругаясь, расталкивая сидящих на полу заключенных, наступая на их ноги и руки, стал пробираться ко мне. Тогда я, попросив рядом сидящих разрешения пройти, стал продвигаться к нему. Я тоже громко сказал:

- Что ты ругаешься и оскорбляешь меня?! Кто дал тебе это право? Я - верующий, христианин! Я уже восемь лет в заключении за веру. Сейчас меня везут на ссылку в Тюменскую область, но власти здесь, в тюрьме, не оставляют меня в покое! Что ты от меня хочешь?

- Деньги у тебя есть? - спросили у меня несколько заключенных.

- Я - христианин. В тюрьме и в лагере деньги - источник драк и убийств. У меня нет денег, и я не хочу иметь их в тюрьме, - уже спокойно объяснил я.

Тогда один из заключенных, раньше кричавший на меня, миролюбиво произнес: "Проходи к нам! Садись на мое место!". А сам сел на полу. Я присел на скамейку. Буря миновала, снова Господь успокоил человеческую стихию. "Слава Тебе, Господи! Ты снова спас меня и разрушил злые помыслы человеческие!" - так душа моя безмолвно обращалась к Богу. Вскоре меня забросали вопросами: "Расскажи подробнее, за что ты в тюрьме! В чем твоя вера? Расскажи о Библии, что это за Книга!".

Минут двадцать в камере стоит тишина: все внимательно слушают мои объяснения. А потом открывается дверь камеры, меня и еще нескольких заключенных вызывают по фамилии и увозят на этап. Один из заключенных тихо сказал мне: "Вам очень повезло! Ведь они хотели избить вас, а в рот заткнуть кляп, чтобы не кричали. Человек десять еще до того, как вас завели в камеру, уже говорили о вас.

Они знали, что вас приведут: кто-то их предупредил и подговорил. Между собой они говорили, что у вас много денег с собой и они зашиты в телогрейке. Как удивительно умело вы справились с ними!". Он восхищенно смотрел на меня. Но я-то знал, что это не моя заслуга. Мой Господь вступился за меня. Это Его сила. Его премудрость] - Скажите, а у вас действительно были зашиты деньги в пальто или нет? - спросил он, - Конечно, нет! Деньги в тюрьме - это бесконечные проблемы.

После обычного обыска в тюрьме нас посадили в арестантский вагон и повезли на Запад, в сторону Урала. Прощай, Новосибирская тюрьма! Что ждет меня впереди? Только Ты, Господи, Один знаешь это! Это было 19 апреля 1979 года.

21 апреля я уже был в Тюмени. Поместили меня в небольшую камеру, где было человек десять заключенных. Молодые ребята, лет по восемнадцать-двадцать. Первый срок.

Мелкие воришки, хулиганы, осужденные: кто на химию (стройки народного хозяйства), кто в лагерь на общий режим. Срок заключения у каждого - один или два года. Очень шумно:

крики, драки, воровство. Друг у друга воруют пищу, одежду. Опустившиеся, грязные, завшивленные. Насекомые полчищами бегают по постели, по одежде. Давно я такого не видел. У нас в лагере строгого режима я годами не видел живой вши. Каждый следил за собой, стирал свое белье, мылся в лагерьной бане. А здесь, в Тюмени, сплошной ужас!

Но и это нужно пройти. Скоро ссылка, помоюсь, сменю белье,, одежду. Приведу себя в порядок и буду ждать родных...

Только было неясно: как долго ждать этапа на ссылку в Тюменской тюрьме?

24 апреля вечером меня и еще двоих заключенных вызвали по фамилиям с вещами и повели по многочисленным коридорам тюрьмы, но не на выход, не на этап. Куда? Нас троих привели в следственный корпус и закрыли в небольшой камере. Ребята разволновались: "Почему следственный корпус? Мы же осужденные! Неужели на переследствие и на новый срок?!" Я тоже недоумевал: "Я же ссыльный, причем здесь следственный корпус?" Но я привык во всем полностью доверяться Господу, и, воззвав к Нему в молитве, я спокойно заснул. Утром нам выдали, как обычно, по пайке черного хлеба, немного сахара (граммов 15) и черпачок каши. Ребята набросились на хлеб и кашу. Голодные: молодые, сильные, а пищи мало.

Примерно в полдень меня вызвали без вещей и повели куда-то. По дороге я спросил конвоира:

- Куда ведешь, начальник?

- На свидание. Жена твоя приехала, - ответил он.

Радость! Большая радость! Скоро я увидел Надю. Свидание происходило в двух отдельных застекленных кабинках. Между нами - стеклянная перегородка. Я уже сидел в своей кабинке, когда вошла Надя. Увидев меня, она бросилась ко мне, но увидела, что между нами стекло. А за кабиной сидел у стола с телефоном человек в форме офицера. Он сказал: "Гражданка, садитесь, возьмите трубку и можете разговаривать с вашим мужем!" В моей кабинке на столике тоже стоял телефон. Разговор по телефону... Но мы и этому рады. Надя плачет от радости:

- Жив?! А мы долго не имели никакого известия от тебя и не знали, где ты и что с тобой!

- Надя, давай помолимся Господу и возблагодарим Его за эту встречу и за все милости Его и заботу.

Мы помолились.

- Но как же ты узнала, где я? Просто удивительно!

- На наш запрос, что с тобой и где ты находишься, начальник лагеря в Табаге ответил, что ты направлен на ссылку в Тюменскую область. Вот я и поехала прямо в Тюмень. Сегодня была на приеме у начальника областного управления местами заключений, и он сказал, что тебе ссылка назначена на севере Тюменской области, в районе города Березово. Там, на самом севере, есть еще три деревни. Ты будешь на ссылке в одной из них. Я расспрашивала местных жителей об этих местах. Говорят, что это комариный край: летом ничего не помогает от гнуса.

- А когда меня повезут на ссылку?

- Он сказал, что только в конце мая, когда пройдет ледоход на сибирских реках. Повезут вас, ссыльных, на специальной барже, сначала по реке Тюмень, затем по Иртышу и по Оби. Недели две-три займет дорога, а другого пути нет... Летом там сплошные болота. Я расспросил у Нади о детях, о маме, о Церкви.

- Дети здоровы, мама тоже. Передают тебе большой привет. Ждут, когда уже ты будешь на ссылке, чтобы к тебе приехать. Начали собирать кое-какие вещи, необходимые для первого времени жизни на ссылке.

- Но как добираться до Березова? Тоже на барже? спросил я у Нади.

- Наверное, летают какие-нибудь небольшие самолеты до Березова. Нужно узнать.

Вопрос Киевской церкви - очень большой вопрос для моей души. Я уже знал, что наша гонимая Киевская церковь, столько претерпевшая преследований, зарегистрировалась на основании антиевангельского законодательства о культах от 1929 года, имеет большой молитвенный дом.

А остальное наше братство жестоко гонимо за верность Господу... Помню, когда в 1974-75 гг. я после ареста находился около года в Киевской Лукьяновской тюрьме, работники КГБ четыре раза посещали меня в тюрьме, проводили многочасовые беседы, пытались склонить меня к регистрации.

Они обещали мне свободу, если я помогу им убедить верующих нашей Киевской церкви согласиться на регистрацию. Я категорически отказался, и вот итог: пять лет лагерей строгого режима плюс пять лет ссылки и как "довесок" конфискация всего личного имущества (мебели и пр.).

- Как церковь? - повторил я свой вопрос.

- Есть большие трудности, - ответила Надя, не вдаваясь в подробности.

А офицер на пульте аж весь изогнулся вместе с наушниками, так ему хотелось услышать эти подробности... Время свидания истекало. Нам дали всего 30 минут. В заключение Надя сказала:

- Я приеду в Тюмень через месяц, ко времени твоего этапа на ссылку.

- Не нужно! Лучше приезжай прямо на место ссылки, после моей телеграммы. Передай всем привет! Обними и поцелуй за меня детей и маму. Я успел еще в заключение свидания помолиться, и меня вывели из комнаты свидания. "Прощай, родная, до скорой встречи на ссылке!" - сказал я жене.

ПРОЩАЙ, РОССИЯ

После свидания мне вручили передачу: масло, колбасу, сахар, чеснок, белый хлеб. Вернувшись в камеру, я разложил продукты на деревянный столик и сказал ребятам-сокамерникам: "Я был на общем свидании. Приехала моя жена из Киева. А это передача. Пообедаем вместе". Перед едой я попросил ребят встать. И я помолился, поблагодарив Господа за заботу о наших нуждах и попросив благословения на пищу.

Но только мы приступили к обеду, как открылась дверь камеры, и охранник, назвав мою фамилию, крикнул: "На выход!" - С вещами? - уточнил я.

- Нет, без вещей, - ответил охранник.

Он вел меня какими-то длинными коридорами, переходами, затем по лестницам, вверх и вниз. Наконец, привел в административную часть тюрьмы, с многочисленными кабинетами, и остановился перед дверью, на которой была табличка: "Начальник следственного изолятора" и фамилия начальника. Все это выглядело довольно странно и загадочно. Охранник постучал в дверь, затем открыл ее и впустил меня.

В большом кабинете сидел пожилой человек в военной форме, в чине полковника. Он внимательно смотрел на меня.

- Осужденный Винс! - представился я, как положено.

- Садитесь, - полковник указал на ближайший ко мне стул.

Я сел. Он кивнул головой охраннику, отпуская его из кабинета. Когда мы остались одни, полковник спросил:

- Как вы себя чувствуете, как ваше здоровье?

- Спасибо, как будто в норме, хорошо, - ответил я, и тут же спросил: - Гражданин полковник, когда меня отправят на ссылку?

- На ссылку? - переспросил полковник. - А какой у вас размер обуви, размер рубашки, костюма?

Для меня это было странно. "Что означают эти вопросы?" - подумал я.

- Не знаю! - ответил я. - Я уже отвык от вольной одежды.

Полковник что-то записывал на бумажке, изучая меня.

- А обувь какой размер носите?

- Сорок первый.

Это я хорошо помнил. Таков размер моих лагерных сапог.

Закончив записи, полковник спросил:

- Вы имели свидание с женой? Как семья, как дети, как ваша мать? Все здоровы?

- Да, по словам жены - все здоровы. Спасибо.

- Ну, счастливо! - полковник дружелюбно улыбнулся и, думаю, нажал кнопку вызова, так как сразу же пришел охранник.

- Пошли! - охранник обратился ко мне.

Я встал и обратился к полковнику:

- Гражданин полковник! Что значат ваши вопросы? Что происходит?!

- Узнаете, скоро все узнаете, - довольно приветливо ответил полковник.

Охранник отвел меня в камеру. Мои сокамерники, умяв добрую половину моей передачи, дружно храпели на нарах. Когда меня ввели в камеру, они испуганно вскочили:

- Куда тебя вызывали?

- К начальнику тюрьмы! Он спрашивал мои размеры: обуви, рубашки, костюма.

- Это на волю! Непременно освобождают! - заговорили оба сразу вместе.

- Не знаю! Все это очень странно. Когда освобождают из лагеря или из тюрьмы, то никто из начальства не заботится, во что одет освобождаемый, - ответил я в раздумье.

Затем я преклонил колени и воззвал к Господу о помощи и благословении на дальнейшие дни. И снова в сердце моем прозвучал мой любимый стих из Иеремии 29:11: "Только Я знаю намерения, какие имею о вас, говорит Господь. Намерение во благо, а не во зло, чтобы дать вам будущность и надежду".

На следующий день, очень рано, около 5 часов утра, открылась дверь и охранник назвал мою фамилию. "С вещами!" подчеркнул он. Я простился с ребятами, отломил кусок колбасы и отсыпал немного сахара. Остальное оставил ребятам.

- А что будет с нами? - спросили ребята.

- Переведут в старую камеру, - высказал я свое предположение.

Это было 26 апреля 1979 года. Охранник привел меня в небольшую этапную камеру. Я был один. Вскоре открылась кормушка. Мне налили кружку слабого чая, но горячего, дали пайку хлеба, немного сахара. Я хорошо позавтракал, благо что имел дополнительный сахар и кусок колбасы из передачи. Затем я стал ждать дальнейших событий. Прошло несколько часов.

Внезапно с шумом открылась дверь камеры. Охранник вошел в камеру: "На выход! С вещами!" Я взял в руки свой мешок с чистым лагерным бельем. Там же были новые лагерные сапоги, шапка, письма и фотографии родных. Писем было много, около тысячи. Был там и мой судебный приговор, записи по делу суда, 15 глав Евангелия от Иоанна.

Когда я вышел в коридор, то увидел, что охранника нет, а меня ждут трое мужчин лет 35-40 в одинаковых черных костюмах, белых рубашках, одинаковых галстуках, и, как я позже обнаружил, в черных, одинакового фасона, туфлях. Все на них новенькое, сверкает. На лицах приветливые улыбки. Один из них обращается ко мне: "Здравствуйте, Георгий Петрович! Как самочувствие? Нам предстоит два часа полета. Как ваше сердце. не болит? Выдержите?!" Я - заключенный, по имени и отчеству ко мне не положено обращаться в тюрьме. А здесь - такая любезность... Кто же я теперь? Вольный?

- Здравствуйте, - отвечаю. - А куда мы летим?

- В Москву! - говорит один из них. и, предупреждая мои дальнейшие вопросы, очень вежливо просит: - Но, пожалуйста, больше не нужно вопросов. Потерпите, в Москве все узнаете!

Привыкайте к свободе!

Итак, таинственность и сплошные загадки... Один из них идет вперед и обращается ко мне: "Следуйте за мной!" Двое других идут сзади меня. Значит, охрана! А я - заключенный...

Мы проходим через вахту. Дверь открыта. У выхода стоит черная "Волга". Один из моих новых охранников открывает заднюю дверцу машины: сажусь между двумя охранниками. Впереди -

шофер и самый разговорчивый из троих. Машина трогается. Мой мешок с вещами в багажнике. Сидящий рядом с шофером оборачивается к нам и спрашивает меня:

- Вы бывали раньше в Тюмени?

- Нет! - отвечаю.

- Это старинный сибирский купеческий город. Вот этот дом - мы проезжали мимо большого красивого двухэтажного дома построил купец такой-то (он называет фамилию тюменского купца). А этот дом. - он указал на высокий, очень красивый деревянный дом, - тоже построил купец... (и тоже назвал фамилию). Не слышали таких имен? Это известные сибирские купцы!

Я улыбнулся: прямо-таки экскурсия по историческим местам Тюмени. Странно... "Простите! - я обратился к разговорчивому. - Я не понимаю, где я нахожусь? Чья это машина, да и кто вы сами? В тюрьме мне было все понятно, а сейчас - сплошные загадки! Вы из Комитета?!" - обращаюсь ко всем троим.

Молчание... А затем один из них спрашивает:

- А что, испугались? Думаете, что мы похитили вас?

- Нет! При чем здесь испуг. Но к чему эта таинственность?

Кто же вы?! - снова спрашиваю.

- Из Комитета, конечно из Комитета, и везем вас на свободу! Не часто у нас бывает такая приятная работа!

И все трое дружно смеются. Потом один из них говорит серьезно:

- Мы едем в аэропорт. Обычным рейсовым пассажирским самолетом летим в Москву, Во время полета ни с кем не разговаривать! Вести себя спокойно! У нас с собой наручники.

Но мы не будем их применять, если вы будете вести себя тихо!

Теперь все стало понятно: кто я и что за свобода меня ожидает...

- Спасибо за разъяснение, - говорю своим охранникам.

Больше я с ними не разговаривал ни в машине, ни в самолете до самой Москвы. В самолете я сидел между двумя охранниками, размышлял и молился. В Москве нас встречала группа лиц в гражданском. Среди них был врач, как я узнал впоследствии. Он внимательно присматривался ко мне.

- Как вы себя чувствуете? Как сердце? - спросил он меня.

- Хорошо! Спасибо, - ответил я и подумал: "И что они так интересуются моим здоровьем? В чем дело? Как это все загадочно!" Меня посадили в черную "Волгу" и повезли в Москву. "Снова Москва... Куда везут? Опять в Лефортово? Что же все-таки происходит?! Одно ясно: Комитет затекает что-то новое. Может быть, мне изменили место ссылки на европейскую часть страны - например, на Архангельскую область или на Вологодскую? Но при чем здесь Комитет? Могли везти в "Столыпине" и в воронках, как до Тюмени, а не в самолете и в "Волгах"? А, может быть, ссылку отменили, и меня освободят в Москве, и Комитет хочет напоследок сделать "благородный" жест и лично участвует в этом? А что, если это продолжение того, что было в ноябре-декабре прошлого года в Лефортово? Не понятно, что они затевают на сей раз..." - возникают все новые и новые вопросы в моей голове, ответа на которые не нахожу.

А пока я смотрю на Москву, на москвичей. Все так интересно после многих лет изоляции... Едем долго, но не в Лефортово. Наконец, узнаю: это Люблино, окраина Москвы. Машина останавливается перед массивными железными воротами тюремного типа. Въезжаем, Один из моих охранников несет мешок с моими вещами. Женщина в белом халате обращается ко мне:

"Сюда, в эту комнату!" Подхожу, сажусь на стул. Женщина, по виду врач, осматривает меня. Я не бритый и давно не был в бане. Кроме того, после Тюменской тюрьмы страшно беспокоят насекомые: прямо табуном ходят. Я обращаюсь к женщине:

"Мне бы принять душ и переменить белье". И вдруг замечаю, что по рукаву у меня нагло ползет большая вошь. Я сбрасываю ее на пол. Женщина вдруг как закричит: "Кого вы привезли в наш спецприемник?! Где вы подобрали этого бродягу?"

Я не приму его в спецприемник! Везите обратно туда, где поймали!" Потом она обращается ко мне: "Как не стыдно! До чего опустился, завшивел весь!".

Я молчу, В комнату заходит один из моих охранников.

Женщина в белом халате кричит на него: "Забирайте отсюда вашего бродягу! Ему не место здесь. Смотрите, смотрите, вши!" Мне страшно стыдно. Но разве это моя вина? Думаю, что мои охранники тоже подхватили от меня тюменских вшей, ведь столько часов мы были вместе... Ничего. И им в Комитете полезно знать, в каких условиях содержатся заключенные.

- Забирайте его! - и женщина выходит из комнаты.

- Идите сюда! - зовет ее мой охранник-комитетчик.

Женщина возвращается.

- В чем дело?! - она свысока смотрит на меня и на моего охранника. - Я его не приму!

- Нет! Вы примете его в спецприемник. - говорит комитетчик. - Немедленно оформляйте прием!

- Нет! Не приму. Я отвечаю за санитарное состояние спецприемника! - заявляет женщина твердо.

- Организуйте ему душ и смену белья, - настаивает комитетчик.

- Не приму! - громко повторяет женщина.

Комитетчик взбешен. Не обращая внимания на меня, он громко кричит, обращаясь к женщине:

- Вы хотите лишиться работы?! Завтра вашей ноги здесь не будет! Выполняйте мое распоряжение!

Комитетчик достает свое удостоверение и показывая ей, говорит:

- Немедленно душ и смену белья!

У женщины дрожат руки и подбородок. Меня ведут в душ. Я прошу дать мой мешок и достаю чистое белье и чистую лагерную куртку, брюки и носки. Я хочу взять еще 15 глав Евангелия от Иоанна и свою тетрадь записей, но появляется начальник спецприемника и, забирая мой мешок, спрашивает:

- Это все ваши вещи?

- Да! Разрешите мне взять Евангелие, - прошу я.

- Нельзя! - объявляет начальник и уносит мой мешок с вещами. Я принял душ, переоделся в чистую одежду, и мне стало легко и радостно. Меня завели в большую камеру, рассчитанную примерно человек на пятьдесят. Никого нет.

Я один. Большие окна с решетками, в два ряда сплошные нары, деревянные, но в металлическом каркасе. Нары обиты каким-то черным материалом, похожим на кожу, с мягкой подкладкой. В камере чисто и свежо. Форточки открыты. Стою у окна и смотрю на Москву. Стекла в окнах прозрачные, не закрашены белой краской, как обычно в тюрьмах. К вечеру в камеру поместили еще двоих. Один сбежал с "химии", и его поймали. Второй - молчит, не знаю, кто он. Вскоре после их прибытия, нас повели на обед. Кормят здесь один раз в сутки, но довольно прилично, и хлеба можно есть, сколько хочешь. Затем тихий вечер 26 апреля и спокойная ночь...

День 27 апреля 1979 года для меня начался очень рано: часов в пять. Подъем с вещами. Но вещей у меня нет, забрал начальник еще вчера. Меня провели в душевую. Там же и "прожарка". Я сдал в "прожарку" свое белье, лагерную х.б., куртку, брюки, и стал мыться. Когда я вышел из душа, то мне вернули только нижнее белье и носки, а х.б. куртку и брюки не вернули. В чем дело? Я постучал в окошко "прожарки", но никто не откликнулся. Я надел белье и стал ждать. Вдруг открывается дверь в душевую и заходит офицер в чине капитана.

- Почему не одеваетесь? - спрашивает меня.

- Да вот, жду свою одежду: куртку и брюки, да и сапог почему-то нет. - отвечаю ему.

- Вот ваша одежда! - сказал капитан и указал на стул, стоявший в стороне, а на нем новый темно-синий костюм, белая рубашка и галстук. Рядом со стулом стояли новые туфли черного цвета.

- Одевайтесь побыстрее! - торопит капитан.

- Но это же не моя одежда! - возразил я.

- Ваша, одевайтесь! - приказал капитан.

- Почему я должен надевать чужой костюм? Объясните мне, что происходит, - снова возразил я.

- Вы - заключенный, а заключенные не задают вопросов, а выполняют распоряжение администрации! - прикрикнул на меня капитан.

Я надел белую рубашку, галстук, костюм, обул туфли.

Капитан вышел. Зашел какой-то человек, по виду парикмахер.

"Будете бриться?" - спросил он меня. Я побрился, оставив бороду и усы. Снова зашел капитан. "Готовы? Пошли!" - скомандовал он.

Он повел меня по коридорам, затем постучал в дверь одного кабинета. Когда я зашел в кабинет, капитан вышел. В кабинете за столом стоял очень высокий худощавый человек лет пятидесяти, в гражданском костюме. Я поздоровался. Он даже не ответил, а молча рассматривал меня. В руке он держал какую-то бумагу. "Слушайте внимательно! Я уполномочен ознакомить вас с Указом Президиума Верховного Совета СССР о лишении вас советского гражданства! - громко произнес этот человек. - Через несколько часов вы будете выдворены за пределы Советского Союза?" Затем он медленно и выразительно зачитал Указ.

- Все ясно?! - чиновник обратился ко мне.

- С каких это пор за религиозную деятельность стали лишать гражданства? Это что-то новое! - возразил я. - Я осужден Киевским судом за веру в Бога на пять лет лагерей и пять лет ссылки. То было беззаконие. Но то, что вы зачитали - этот ваш указ - это вопиющее беззаконие! Я здесь родился. Это моя страна, и никто не имеет права лишать меня родины! Я категорически возражаю?

- Поздно возражать. Доигрались с вашей верой! Через два часа вас не будет на нашей земле. И вы никогда, хорошо запомните, никогда ногой не ступите на нашу советскую землю! - подытожил чиновник.

- А как моя семья? Разрешите мне обсудить этот вопрос с моей женой, - попросил я.

- Это невозможно! Ваша семья, если захочет, может последовать за вами. Мы не возражаем, - ответил чиновник.

- Вы мне можете дать этот указ?

- Нет! Я уполномочен только объявить вам указ. - возразил чиновник.

- Но в чем же, конкретно, моя вина? - снова спрашиваю, - Вы - антисоветчик! Вы занимались антисоветской пропагандой под видом религии!

- Это ложь! Такая же ложь, как и обвинение моего отца в 1937 году в контрреволюции. Мой отец был посмертно реабилитирован, - продолжал я.

- Но вы не будете реабилитированы, - перебил меня чиновник. - Вы самый несчастный человек! Человек без родины, без гражданства. Там, в Америке, вокруг вас недели две будет шум, сенсация, а потом вас все забудут! Вы никому там не нужны.

И тут я перестал возражать: бесполезно... "У меня есть настоящая Родина, Небесная Отчизна, и никто не отнимет у меня моей истинной Родины, Неба, никто не отнимет у меня Бога!" - так подумал я.

"Кто отлучит нас от любви Божией! Скорбь, или теснота, или гонение, или голод, или опасность, или меч? ... Ибо я уверен, что ни смерть, ни жизнь, ни Ангелы, ни Начала, ни Силы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь не может отлучить нас от любви Божьей во Христе Иисусе, Господе нашем" (Римлянам 8:35, 38, 39). Так написано в Святой Библии, и это главное.

Через два часа я был в самолете. Вместе со мной изгонялись из страны еще четверо заключенных, ранее осужденных по политическим мотивам. Нас было пятеро заключенных, но нас охраняли в самолете во время полета двадцать работников КГБ. Среди них и те трое, сопровождавшие меня из Тюмени до Москвы. С нами летел также врач, который интересовался моим здоровьем в Москве, в аэропорту, когда мы прибыли из Тюмени. В самолете, кроме нас, летели еще американские туристы. Это был советский самолет "Аэрофлота". Возле каждого из нас, заключенных, сидело по двое охранников в гражданской одежде, из Комитета. Мы улетаем из аэропорта Шереметьево.

Прощай, Россия! Прощай, дорогое братство! Один Господь знает, будет ли еще встреча здесь, на земле. Прощайте, мои дорогие соотечественники, особенно те, кому я смог, с помощью Господней, засвидетельствовать о Его любви и пути спасения. Я вспоминал беседы о Боге с Анваром, Виктором, Яковом, якутами Степаном и дедушкой Василием, с Фимой в Лефортово и многими другими, а особенно с убийцами в Новосибирской тюрьме, которым я оставил маленькое Евангелие от Марка. Я молился о каждом из них...

Во время полета я много молился о семье, о братстве, о моем будущем на чужбине. "Что ждет меня в Америке, знает только Господь", - так я размышлял. А про себя повторял знакомый стих из Книги Второзакония: "Господь Сам пойдет пред тобою. Сам будет с тобою, не отступит от тебя и не оставит тебя, не бойся и не ужасайся!" (Второзаконие 31:8).

Прошли года, чужие все места...
На родину дороги перекрыты.
Мои враги по-прежнему несыты:
Сердца донныне злобою забиты
И клеветой наполнены уста.
А я молюсь и жду, что край родной
Возжаждет Истины - учения Христова
И скажет: "Господи! душа моя готова
Принять Твое спасительное Слово
И обрести надежду и покой".
Мы покидали наш родимый край
Не по своей, конечно, доброй воле.
Сжималось сердце от щемящей боли,
Когда Москва на мокром взлетном поле
Шептала нам последнее: "Прощай..."
А в самолете был опять конвой.
И тот же взгляд: надменный и холодный.
Я - арестант! К тому ж еще безродный,
Лишь видел лагерь: темный и голодный,
И слышал вой, овчарок злобный вой.
И я молился о моих врагах,
О кротости просил и о смиреньи.
О сердце чистом, без ожесточенья,
Благодарил за помощь и терпенье,
Что мне послал Спаситель в лагерях.